

Приветствие Министерства культуры
Ставропольского края 3

НЕИЗВЕСТНАЯ КЛАССИКА

Илья Сургучев

Миниатюры 15

ПРОЗА

Владимир Бутенко

Я приеду на закате 59

Владимир Маляров

Недорубы 109

Андрей Губин

Из дневников 141

Юрий Бойченко

Степан – казак терский 153

ПОЭЗИЯ

Антология ставропольской поэзии

Владимир Гнеушев

Стихотворения 5

Олег Игнатьев

Стихотворения 197

Валентина Дмитриченко

Стихотворения 207

Владимир Яковлев

Стихотворения 213

Анатолий Маслов

Стихотворения 219

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай Блохин

Шолохов в Кисловодске 225

Николай Сахвадзе

Литературные портреты 241

КРАЕВЕДЕНИЕ

Роман Нутрихин

Свет Серафима Саровского 271

ПУБЛИЦИСТИКА

Тамара Дружинина

Избранные или Преемство через века 285

МЕМУАРЫ

Игорь Пидоренко

Вместе и всегда

(Памяти В. Звягинцева) 309

Сведения об авторах 319

*Литературное
Ставрополье
№ 4 (2016)*

© Правительство
Ставропольского края

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6
УДК 821.161.(470.630)-8
Л 64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова,**

**Л 64 Литературное Ставрополье. Альманах. –
Ставрополь. 2016 г. № 4.**

Адрес редакции:
355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.
Тел.: (8652) 26-31-50
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Технический редактор: Ю. П. Шаталов
Дизайн, верстка: А. П. Черкашина

Сдано в набор 18.10.2016. Подписано в печать 21.11.2016.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.
Заказ № Тираж 979 экз.
ЗАО «Минераловодская типография», г. Минеральные Воды,
ул. Фрунзе, 33, тел.: 8 (87922) 7-67-17.

ISBN 978-5-905831-22-5

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю редколлегию, авторов и всех читателей со знаменательным событием – 75-летием альманаха «Литературное Ставрополье».

Непростая история альманаха – это история становления и развития нашей ставропольской литературы. В разные годы на его страницах печатались произведения Коста Хетагурова, Ивана Кашпурова, Владимира Гнеушева, Александра Екимцева, Андрея Губина, Валентины Слядневой и многих других писателей, чьими именами гордится наш край.

Три четверти века «Литературное Ставрополье» объединяет на своих страницах поэтов, прозаиков, публицистов, дает возможность писателям быть услышанными и найти своего читателя.

Все это время издание было и остается значимым событием в культурной жизни нашего края, пользуется заслуженным признанием

**Приветствие
Министерства
культуры
Ставропольского
края**

далеко за пределами Северного Кавказа, а труды литераторов, представленные на его страницах, находят международный отклик.

Сегодня новые поколения авторов вносят свой вклад в развитие отечественной литературы, радуя читателей яркими произведениями, укрепляющими и возвышающими душу человека.

Желаю творческому коллективу альманаха «Литературное Ставрополье» успешной реализации всех проектов, искренней любви читателей и неиссякаемого вдохновения!

**Т.И. ЛИХАЧЕВА,
Министр культуры Ставропольского края.**

**Антология
ставропольской
поэзии**

Вымпела

Глухими ветрами исхлёстан,
наш путь уводит на моря,
где не живут легко и просто,
и не бросают якоря.

В тумане утреннем струится
былых сражений дым,
и вновь
жестокий ветер бьёт нам в
лица
и будоражит нашу кровь.

Как прежде – волны здесь
играют,
и, ограждая мир от зла,
на мачтах вскинутых сияют
родного флота вымпела.

Осень

На Чёрном море бабье лето.
Среди колеблющихся вод
едва заметные приметы
являют осени приход.

Не удержу их, не ускорю.
Их, флаги ветром шевеля,
шлёт моему родному морю
тобой любимая земля –

**ВЛАДИМИР
ГНЕУШЕВ**

Поэзия

недолгой песней журавлиной,
закатов медленным огнём,
теплом
и белой паутиной
на синем кителе моём.

Всегда две разные стихи
движеньем связаны одним.
Так ночи тёмные, глухие
со светом дружатся дневным.

Так радость вдруг роднится с болью,
а счастье – с горечью любой.
Твоя безоблачная доля,
с моей неласковой судьбой.

Туман над Пятигорском

Туман над Пятигорском... Пахнет снегом...
Сиренево мерцают фонари...
По улицам глухим мы бродим слепо.
Ты тихо говоришь мне: «Говори...»

Ну что скажу? Темны твои ресницы.
Следы дождя на каменной плите.
Вот холодно и сонно крикнет птица,
Прохожий прошагает в пустоте.

Весь город дремлет в каменных развалах,
Снежинок шорох слушая едва.
Прости, но я сейчас на перевалах,
Где яростно сверкает синева.

Но я у тех пустынных побережий,
Где океан вползает на пески.

Где каменных причалов запах свежий
И влажный ветер, греющий виски.

«Что ж ты молчишь?..» Грохочет электричка.
И снова – пустота и тишина.
В подъезде резко вспыхивает спичка
И гаснет, будто сеет письмамена.

А я молчу. Виски мне давит кепка.
Вот-вот – и задохнутся от тоски
Мои виски. Но сердце держит крепко
Слова, что, как гранаты... на куски...

Еще я помню: тополя стояли,
То кланяясь, то выпрямляясь вновь.
В том переулке тихом не твоя ли
И не моя ли первая любовь?

Что от нее осталось? Шорох сада
И над цветком гудящая пчела.
Сумеет ли мы сделать все, как надо,
Чтоб эта, словно первая была.

Чтобы в ручьях опять синели струи
И напознал на берег океан...
«Туман над Пятигорском, – говорю я, –
Над Пятигорском, милая, туман...»

На станции одной переговорной

На станции одной переговорной
В тот вечер было шумно, как всегда.
Настойчиво, привычно и проворно
Большие назывались города.

И можно было видеть, как с разгона,
Едва успев сердито трубку снять,
Гудел седой мужчина о вагонах,
Грозил приказом номер тридцать пять.

Какая-то девчонка в рыжей шапке,
Прижавшись тесно к матери своей,
Кричала в трубку:
– Здравствуй, милый папка!
Ты приезжай, пожалуйста, скорей!..

Минуты шли ни коротко, ни длинно,
Пока над нами кто-то не сказал:
– Тайга –12 – пятая кабина!
И медленно стихает шумный зал.

Тайга –12! – это ведь не Киев,
Не Ленинград и даже не Москва.
Тревожной жизнью веют вот такие
Далекие и странные слова.

Пускай без основания порою,
Но мы привыкли думать каждый час,
Что люди, там живущие, – герои.
Кому ж сюда звонят они сейчас!

И, чувство неприличья отодвинув,
Мы слушали, дыханье затая,
Как женщина, вошедшая в кабину,
Сказала тихо: «Здравствуй. Это я.

Да, получила все. И телеграммы...
Ну, так уж нужно – сразу и ответ!
Была ангина у меня и мамы,
А домработниц в доме нашем нет..

Я в жизни не искала жизни сладкой,
Но ведь нельзя же полный ералаш!
Ты говоришь – отдельная палатка!
Палатка – это даже не шалаш...
Послушай, Толя, не пори горячку!
Куда мне ехать! Думай головой!...»
Она скривилась, словно от болячки,
Нажала кнопки и дала отбой.

Телефонистка из-за перекрытий
Звала, за жизнь далекую боясь:
– Тайга – у аппарата! Говорите!
Но, видно, прочно оборвалась связь...
И я представил, как беззвездной ночью,
Собрав рюкзак походный второпях,
Он шел в тайге по диким тропам волчьим
И на попутных ехал лошадях.

Осенний дождь висел над черной хвоей,
Он, кажется, весь мир собой накрыл,
А человек все шел. И сам с собою
О самом милом с болью говорил.

На телеграммы не было ответа.
Но все-таки она его жена.
И если ей понятно слово это,
Она забыть о чести не должна б.

Ей посланы и письма, и открытки...
Привыкший к прямодушью с давних пор,
Он совершил последнюю попытку –
Вот этот телефонный разговор.

Теперь – конец.
Отныне звуки, крики,
И гул тайги, и шелесты ручьев,
И ягоды прохладной голубики
Не для нее, любимой, а ничье.

Он будет жить, как прежде – без оглядок,
Но трудно жить, когда в тайге, в глуши,
Из-за любви тревожиться не надо
И никому письма не напиши...

Я знаю, что нельзя с единой мерой,
И все-таки да здравствует закон,
Чтоб тот, кто в счастье отнимает веру,
К позору был публично пригвожден.

Кто часто обывательскую спячку
И равнодушие прячет под пустой
И лживой фразой: «Не пори горячку!
Куда мне ехать! Думай головой!»

Стихи забытого поэта

Валентине Толкуновой

У полусонного пруда
Цветет ромашковое лето.
я там листаю иногда,
Как пролетевшие года,
Стихи забытого поэта:

«В невозвратимом, сладком сне,
Сквозь всю печаль мою и слезы,
Я нижу памятные мне,
Под солнцем тлеющие розы...»

Дожди в садах над тишиной.
Теплом просеются и снегом.
И открывают мир большой,
С незабывающей душой
Стихи забытого поэта:

«...Я помню сад у рыжих скал,
Плющом повитую ограду.
И сине-розовый бокал
С веселым соком винограда...»

Теперь иные времена.
Пылает яростью планета.
Тем краше розы у окна
И вкус старинного вина
В стихах забытого поэта:

«...Я вас увидел так давно,
Что изменился облик малость.
Лишь вдохновение одно
В душе моей от Вас осталось».

Там, на склоне...

Николаю Марьевскому

Я давно в горах осенних не был,
Не ходил к озерным берегам,
Где клубится серенькое небо,
Подползая медленно к ногам.

Где ручьи, как белые прожилки.
А в сыром лесу, среди ветвей,
Кружат заплутавшие снежинки,
Словно искры памяти моей.

Где ты, моя память, заплутала?
И зачем отныне наперед.
Что всего на свете было мало,
Сердце вдруг подскажет и замрет?

Но, не оставляя сердце в муках.
Предвещая жизни новый день,
Там, на склоне, в серебристых буках,
Протрубил торжественно олень.

И дым костра...

То в памяти навеки остается,
Что знают наши чувства и глаза:
Над побелевшей, летней степью – солнце,
Над потемневшей речкою – гроза.

Сухой цветок на глинистом обрыве
Да воздуха прохладного глоток.
Сазаний всплеск. Плоды на дикой сливе.
Испуганного суслика свисток.

Далеких гор слепые очертанья,
Палатка над бегущей водой.
Мерцанье звезд.
И властный зов желанья,
Как голод перед самою едой.

След облаков – таинственный и зыбкий,
И ласковость к делам своим любим.
И дым костра. И горький свет улыбки
Той женщины, какую ты любим.

Апрель

Как много света в добром нашем мире!
Храня ещё февральские следы,
становятся прозрачнее и шире
бесшумные апрельские сады.

Теперь весна уже непроходима.
Горят цветы сквозь дымку тёплых рам.
И пахнут счастьем, свежестью и дымом
последние морозы по утрам.

Звенит капель размеренно и гулко,
а сердце вдруг томительно замрёт,
когда по голубому переулку
девчонка незнакомая пройдёт.

И мокрые асфальтовые ленты
купаются в сиреневом дыму.
И пропускают лекции студенты,
почти необъяснимо почему.

Весна!
Она всегда была со мною,
как нежная, заботливая мать.
Я убеждён, что именно весной
все молодые учатся летать.

Как друга взгляд, встречаю каждый день я.
В такие дни приходите вы вновь,
И ты, в венце работы, вдохновенье,
и ты, моя ушедшая любовь.

А с вами правда видится иная,
чужая равнодушному уму...

Припоминая и запоминая,
светло живётся сердцу моему.

Я счастлив, что дышу, пишу и вижу,
что, может быть, созвучьем строф и строк,
кому-то в жизни радость я приближу,
хотя бы на единый волосок.

Миниатюры

1. Времена царствуют

Особенно горячо, особенно жадно, особенно страстно люди всегда спорили, всегда спорят и всегда будут спорить за власть. Соблазнительно золото, соблазнительны драгоценные камни, соблазнительна женская любовь, но всего соблазнительнее власть одного человека над другим, а соблазнительнее этого – власть одного над тысячами, верх соблазна – власть над миллионами. И в этой борьбе одни упрекают других, третьи завидуют четвертым, пятые ходят боком около шестых, седьмые строят козни против осьмых, девятые вкладывают нож в руки убийцы и направляют его против одного из десятых. И, самое главное, каждому кажется, что только его пути истинны и достойны внимания. И редко вспоминают, и почти никогда не понимают той простой правды, которую хорошо и полно уяснил себе сонный Восток, поливающий узорные шальвары пеной сладких вин и создавший поговорку «Времена царствуют».

**ИЛЬЯ
СУРГУЧЕВ**

Неизвестная классика

Царствуют на земле не династии, не выборные президенты, не аристократия, не демократия, не охлократия, не деспотия, – царствует на земле Его Величество Время, которое средневековые граверы всегда изображали с косою в руках. Время, которое залечивает и растравляет раны, исцеляет и убивает душу, примиряет с изменой и смертью, умерщвляет и любовь, и ненависть. Все творит и создает, всем правит, над всем царствует и все казнит один деспот: Время.

Тысяча лет пред очами твоими – яко день вчерашний: тако отцветет и мимо идет.

* * *

В Риме, на Венецианской площади, стоит раззолоченный памятник королю Виктору Эммануилу, объединителю Италии. У русских считается большим шиком выругать всякий новый памятник. Этот, пожалуй, и можно выругать. Здесь хотели взять не талантом, не темпераментом, а чисто купеческим свойством, величиною.

Пудовую свечу поставили. И заплатили за нее пятьдесят миллионов золотых, довоенных лир.

Взяли величиною, и эту величину подчеркивали всяческими способами, вплоть до обеденных.

Так, когда работы по сооружению монумента подходили к концу, то курьеза и внушительности ради, внутри золотого коня, на котором скачет коротконогий король, накрыли завтрак на тридцать персон.

И вот около этого памятника, раскинувшегося на всю площадь и знаменующего величие объединенной Италии, одиноко стоит развалина: небольшая, низкая, но прочно из серого камня склеенная стенка. Невзрачная, полуразвалившаяся

яся, заботливо обнесенная предохранительной решеткой.

Около этой стенки похаживала традиционная белокурая, опереточная американка и, попыхивая камелем, с недоумением спрашивала своего гида:

– Что это за безобразие? И почему ее так берегут, эту стенку, что вот даже решеткой огородили? Мне кажется, что своим соседством она компрометирует и памятник, и Венецианскую площадь.

О, если бы гиду не платили денег! Тогда бы он сказал американке слово, – теперь только губы его прошептали какую-то недобрую молитву. Значительно посмотревши на американку, гид глубоко вздохнул и сказал:

– Синьора! Обратите внимание, как положены эти камни. Это – кладка еще этрусская. Стена построена за две тысячи лет до основания Рима. Это стоит сбересть, синьора, даже на такой великолепной площади, даже около памятника величайшему из королей!

И благоговейным, почтительным жестом гид снял свою твердую, как дерево, запыленную шляпу и поклонился стенке.

И тогда меня удивило: почему он так явно изволновался? Почему этот подвижный и нагловатый человек так сладко взгрустнул? Почему ему понадобилось обнажать свою лысую голову?

Я не понял этого тогда. Возможно, что и сам он не особенно отчетливо понимал свой жест.

Теперь же, когда мы, случалось, в один день переживали столько, сколько в былые спокойные годы человек не переживал и в двенадцать месяцев; когда каждому из нас можно насчитывать не 30, не 40, не 50, а 300, 400, 500 лет, – теперь я и понял, что римский гид снял шляпу, и сделал этим, быть может, не произвольное, но властно кем-то

изнутри подказанное и далеко не простое движение. Он снял шляпу и поклонился, потому что в мгновение почувствовал дыхание единственного земного и самого грозного, и самого милостивого Величества – Времени.

2. Аксиома

Что такое аксиома?

Истина очевидная, не требующая доказательств. Например:

– Прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками.

На этой очевидной истине, на этой аксиоме, построена величественная научная дисциплина под именем Геометрия.

Что такое теорема?

Истина – требующая доказательств. Истина не бесспорная.

Декарт хотел построить свою собственную философскую геометрию на аксиоме: «Мыслю, значит, существую»: «Cogito – ergo sum». И не успел. Так как эта аксиома оказалась спорной.

Кто-то доказал, что если мыслишь, то это еще не значит, что ты существуешь. Во всяком случае, истина Декарта оказалась не аксиомой, а теоремой. И труд великого философа не оправдал надежд.

Жизнь зверей построена на аксиоме, данной в раю Богом:

– Не ешь яблок с древа познания добра и зла.

И звери живут правильно, как этого хочет их Творец.

Человек – единственный из живых существ, кто отринул аксиому Господа, и мы, особенно теперь, видим, в какие дебри зашло человеческое общество со всеми своими мудрствованиями, философиями,

литературами и искусствами. Люди все время строят свою геометрию на основании только спорных теорем. Теорем, которые имеют только видимость аксиом. За время человеческой истории таких теорем появилось множество и перечислять их сейчас нет ни времени, ни места, ни охоты.

Коснемся только одной из них, к нам ближайшей и, может, самой нелепой – той самой, от которой сейчас может рушиться наш глупый мир.

Девятнадцатый век, для своей геометрии, выбрал якобы аксиому:

– Воля большинства – священна. Большинство не ошибается. Все – по требованию большинства.

И весь девятнадцатый век прошел в Европе под знаком большинства. И мы воочию теперь видим куда это большинство нас загнало. И Франция, создательница этой теоремы, особенно это хорошо видит.

Достаточно сказать, что третья французская республика была создана большинством одного голоса. Этот голос, в конце концов, за семьдесят лет созданной им республики уничтожил плоды всего того, что за много столетий создали сорок французских королей.

Был один только француз, который знал истину до самого дна. Это – Казимир Делавинь. Именно он отточил знаменитую фразу:

– Со времени Адама дураки всегда в большинстве.

3. Карты

Колода карт – это одна из самых остроумных вещей, какие были придуманы на земле! И я удивляюсь человеческой неблагодарности: на своих площадях и в своих садах люди часто ставят па-

мятники героям, которых нужно было бы забыть, но совсем не желают почтить память тех, которые развлекают и радуют сотни поколений. До сих пор нет медной хвалы ни тому египетскому жрецу, который придумал карточную игру, ни тому персидскому царю, который создал шахматы.

Когда я смотрю на колоду, разбросанную по столу, то всегда вспоминаю изречение одного из остроумнейших русских писателей: «Революции задумываются идеалистами, проводят их в жизнь палачи, пользуются ими проходимцы».

И тогда мне хочется уяснить себе следующее:

Ясно, что от двойки до десятки идет чернь, быдло, стадо, хотя быть может, и с буржуазными прослойками. Валет – это уж чин управляющий: он бьет стадо. Но ему ли, юному и безусому, бороться с чарами Прекрасной Дамы? И ясно, что Дама бьет Валета, но сама в то же время пасует перед мудростью и сединами Короля. Но вот Короля бьет Туз, и здесь мне непонятно: что означает эта сила, бьющая Короля, этот загадочный, безликий Туз?

Гений? Судьба? Разум? Деньги? Счастье? Случай? Проходимец?

4. Ум

Ум... Что такое ум? Кто умен? Кто глуп? Как об этом судить? Где критерии? (Вопросы Германа в последнем акте.)

У нас, в эмиграции, есть литературный рецензент, который нередко награждал «разбираемых» им писателей эпитетами: этот – умен, тот – неумен. Прекрасно. Писатель, по слову Пушкина, обязан слушать всякие «суды»: таков писательский адат, и дело не в этом. Но как же нужно быть уверенным в совершенстве и в значительности ума собственного, чтобы

позволять себе выносить такие суждения. Это почти грешно, ибо, действительно, бывают такие моменты, когда за человека страшно становится, ибо научно же доказано, что самовлюбленность – это начало «тихого» (самого серьезного) заболевания. Такой человек сегодня тихо говорит с вами о своем уме, а завтра в кафе тихо же пырнет вас ножом, если вы в чем-нибудь захотите ему возразить.

Вышеупомянутый рецензент не так давно уделил два фельетона, в которых рассказывал своему читателю о необыкновенном уме Андре Жида. Можно было бы радоваться, что вот наконец найден в земной юдоли человек умный, но рецензент свои теоретические построения имел неосторожность доказывать цитатами из только что опубликованного дневника Жида. И что ни цитата, то гроб, что ни другая, то медвежий камень... Судите сами. Вот одно из самых козырных мест, найденных рецензентом. Андре Жид пишет о Клоделе: «В присутствии Клоделя я думаю только о том, чего мне не достает. Он давит меня. Он возвышается надо мной. Он основательнее меня, он шире, он здоровее, он богаче, он гениальнее» и т.д., и т.д.

Что все это значит по существу? «Я основателен, я широк, я здоров, я богат и, наконец, верх скромности: я гениален»?

Пушкин мог бы сказать: «Шекспир гениальнее меня»? Чехов мог бы сказать: «Толстой гениальнее меня»? Возьмите переписку Пушкина или Чехова. Где вы найдете хоть тень какого-либо подчеркнутого суждения о себе?

В чем же дело?

Относительно Андре Жида, сделав большую скидку с гениальности, можно сказать словами одного действительно умного человека и более

близкого к действительности: «Динамо – машина хорошая, но сортировочная плохо работает».

Отсюда и все его качества: и с сумбурным приятием большевистской революции, и таким же сумбурным просветлением.

Что же касается его некоторых слишком пламенных почитателей, то о них нужно припомнить то, о чем уж столько раз и совершенно бесплодно твердили миру:

Не нужно быть опаснее врага...

5. Еврей

Навстречу мне тихой и нерешительной походкой бедного человека шел еврей, лицо которого показалось мне отдаленно-знакомым. И действительно, он ободряюще улыбался и, видимо, понимал мои сомнения. Поравнявшись с ним, я остановился. Все также продолжая ободряюще улыбаться, он сказал:

– Первая стадия творчества: писатель владеет сюжетом. Вторая стадия: сюжет овладевает писателем. Если произведение будет окончено в этой, второй, стадии, оно будет плохим. Писатель должен снова овладеть сюжетом: тогда это будет третья стадия и произведение приблизится к совершенству. К сожалению, вся современная литература ни разу не перешагнула вторую стадию.

Вспомнил. В квартире его сестры я когда-то месяцев пять жил в Ростове. Семья была культурная, хорошо воспитанная, и он, приезжая из Таганрога, всегда привозил осетровые балыки, целыми рыбами, и разговаривал со мной на литературные темы.

Но как плохо выглядел теперь этот человек! Стояли холодные осенние дни, шли непрерывные парижские дожди, а он был без пальто, кулачки его покраснели и верхний карманчик кургузого пиджачка

был на правой стороне. Старомодное, двойное, туго накрахмаленное жабо плохо и как-то саркастически скрывало его шею, вялую и пропускавшую, видимо, не великое количество пищи.

Глядя на меня, он без труда читал мои нехитрые мысли:

– Да, да, четырехдневно не брит, – говорил он, – двухдневно без табаку... И вот что. По моему мнению, у вас есть одна свободная папироса.

Долго не могли закурить: огонек не прочно зажигался на ветру. Наконец затянулись. Настоящий и основательный табакур, он обрел дар слова только тогда, когда сгорело полпапиросы.

– Какой дрянной табак! – сказал он презрительно. – А вы помните наш ростовский «Дюбек лимонный», «Бальные», «Сенаторские»?

– Еще бы не помнить!

– И вот еще что, – дополнительно сказал он, – завтра у меня великий праздник, Судный день. Я загадал одну мысль. По моему мнению, у вас есть несколько свободных франков, а мои финансы давно поют скорбные романсы.

И как только эти свободные франки очутились у него в кармане, он необычайно оживился. В глазах зажегся хитроватый деловой огонек, и руки начали рубить воздух. Как всякий эмигрант, он, конечно, написал страшно захватывающий кинематографический сценарий. Половина действия происходит в советской России, половина – в эмиграции. Типы, интрига, обстановка – все первоклассное, из ряда вон выходящее. Это может быть гвоздем самого строгого сезона, можно сразу сделать имя и выйти в первые ряды.

Как в музыке все происходит из ключа, так у этого человека вся энергия исходила из его слегка согретого кармана.

Какие перспективы! И как все просто и ясно, как барбарис! Теперь у него есть на метро, и после праздника он заедет ко мне, привезет черновик, написанный карандашом, его мысли перельются в мою голову, и там, трам-тара-рам, наши финансы могут вдруг запеть веселенькие романсы.

Условились и разошлись.

Я пошел дальше, к площади Денфер-Рошера, и вдруг услышал за собой торопливое шелканье каблуков по асфальту. Оборачиваюсь: опять он. Глаза горят, уши красные, весь возбужден.

– А вы знаете? Я забыл сказать вам самое главное...

И он хитро прикрыл левый глаз.

– А именно? – спросил я.

– Бог – таки есть.

Еще раз тряхнул мою руку и понесся обратно, по своему направлению.

6. Американец

В парижской антикварной лавке американцу продают старинные русские иконы.

Продавец – изящный человек с изысканным шелковым платочком в боковом кармане – искательно хвалит товар и, путая английский язык с французским, говорит о Византии, о Рублеве, о том, что, когда русская икона будет по-настоящему изучена, историю искусств придется писать заново. Говорит о константинопольских фресках Кахрие-Джами и о витражах Ибрагима Пьяницы.

Американец рассматривает иконы, глядя на них вкось и впрямь сквозь толстые добротные очки, постукивает ногтем по дереву, дышит на краски и наблюдает, как сходит матовый, неторопливый кружок дыхания.

Продавец подает ему икону, изображающую трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Этой иконы американец не хочет даже рассматривать.

– Это, – говорит он, – дряхлые старики. Это не понравится в Америке никому. Америка любит свежесть и молодость.

Взор американца вдруг падает на Георгия Победоносца, поражающего дракона.

– А вот это очень хорошо, – с удовольствием замечает он, – это я могу купить, если цена будет подходящей. В этом есть что-то спортивное.

7. На дворе у церкви

Когда Мишка с матерью, соскочив с метро Терн, пришли в церковь, то народу было уже полно. Молиться пришлось на дворе, у лестницы. Служилось три заутрени: две в церкви, третья в палатке. Отовсюду слышно было торопливое и веселое пение. У ворот торговали газетами.

Мишка не знал России. Восемь лет тому назад он родился в Париже, по-русски говорил неплохо, но всегда вместо слова «дальше» спрашивал: «Et alors?» Мишка три дня ел скучную постную пищу и теперь смутно соображает: почему это все русские вздумали молиться ночью, в двенадцать часов? Почему священники в широких ризах ходят вокруг церкви? Почему французы уже спят?

Он искоса поглядывает на мать: та крестится, низко кланяется, в глазах её – слезинки, непохожие на её обычные слезы, мать кажется молодой и светлой.

Мишка тоже хочет посветлеть и помолодеть, вслушивается в пение, но ничего не может разо-

брат. Тогда он начинает думать о пасхальном столе, который еще с пятницы заготовлен дома: о жёлтом куличе, о маленьком окорочке, о бараньей ноге с запекшимся салом, об апельсинах, о разноцветных яйцах, о неоткупоренном портвейне.

Уже хочется есть, но когда же перестанут пить и ходить?

– Мама, а мама? – спрашивает Мишка.

– Что ты?

– С чего начнём?

Мать сердито отмахивается...

– Я сначала красное яичко, – говорит он, разнежившись и подбирая слюну.

– Ну и ладно, – рассеянно отвечает мать.

– Et alors? – пристаёт Мишка.

– Воистину Воскресе! – смутно и дружно гудит в это время кланяющаяся толпа.

Очаровательно пахнет сладким дымом, и Мишка старается как можно больше забирать его в нос: это слегка утоляет ночной голод.

8. Инвалид

Париж. Лето. В маленьком садике, с чугунной Дианой посреди клумбы, человек восемь храбрых мальчишек устраивают игру в войну. Дело тем более подходящее, что невдалеке, отделенные от сада зеленым рвом, находятся дом и церковь Инвалидов: старые турецкие и венецианские пушки, людовиковские наливные ядра, сложенные пирамидой, только что отнятые у немцев гаубицы будят батальную энергию.

Мальчишки, заботясь о международном праве, прежде всего отмеряют каблуками два убежища: кто вскочит в эту черту, тот неприкосновенен. Мальчишки возбуждены, кричат и волнуются по поводу

деталей, порой незначительных. И рядом с этим галдежом, так сладок и приятен глубокий тыл: сидят поблизости подслеповатые няни, вяжут торопливыми спицами шерстяные изделия, девочки то баюкают своих кукол, то делают пирожки из сыроватого пестка, то торгуют мороженым, то, принимая знакомых в салоне, ведут совсем по-взрослому разговор о нарядах, о синема и о том, как нужно жарить голубей.

Когда у мальчишек все кончено, обусловлено и предусмотрено, тогда один из них, Жак, выходит из круга, берет слово и делает совершенно персональное заявление:

– Я требую, – солидно говорит он, – чтобы во время боя в меня сзади не бросали песком.

– Это почему? – спрашивают удивленные друзья и враги. – Что ты за особенная персона. Или у тебя новый костюм?

– Я не персона, и мой костюм не нов, – отвечает Жак, – но меня вчера драли, и раны мои еще не зажили.

Жак поворачивается к комбатантам спиной, и армия восхищенно охает: на ногах и под рубашкой Жака ярко пролегли свежие рубцы.

– За что же это тебя?

– За курение, – гордо отвечает Жак и подтягивает штаны.

Происходящим заинтересовались няньки. Одна из них подозвала к себе Жака и, кстати, своего питомца, чрезвычайно симпатичного и на вид очень смиренного Пьеро.

– А ну, покажи еще раз твои раны, Жак? – вопросительно сказала нянька.

Жак еще раз простодушно и охотно спустил штанишки и показал свои еще не остывшие страдания. Нянька подтянула Пьеро поближе, схватила его сзади за голову так, чтобы глаза мальчишки никуда от обнаженностей Жака не могли отвернуться.

– Видишь, видишь? – зловещим, каркающим и вопросительным тоном заговорила она и потыкала в воздух подагрическим пальцем. – Видишь, чертенок, то же и тебе за твои дела будет!

– Я никогда курить не буду, – смиренно прошептал Пьеро, и Жак, повернувшись, сделал ему недоверчивый персидский глаз.

В это время солдаты, обе враждующие стороны, совещались. После совещания согнали девчонок с лучшей покатою только что высушенной от краски скамьи. Потом подошли к Жаку и сказали:

– Жак! Ты не можешь принимать участие в войне. Доктора выдали свидетельство, что ты инвалид. Вот тебе дом инвалидов, сиди и плети потихоньку корзины для грязного белья. А если захочет подсесть девчонка, то гони ее в шею.

И около скамейки нарисовали заградительный круг и посерединке его поставили прямую палку, что должно означать букву I.

Жак подчинился решению и сказал:

– Прошу присылать прочитанные газеты.

Потом запел песню и пустыми пальцами начал плести корзины.

На полях сражения прозвучал трубный сигнал, и великая битва началась.

9. Хвост

Оленька вбежала в мою комнату с рыданиями.

– В чем дело, Оленька?

– Беда, беда, беда! У меня растет хвост!

– Хвост? Какой хвост? В чем дело?

– Я поцеловала обезьяну!

Оказалось, что во двор нашей дачи приходил разносчик материи. С ним была маленькая обезьянка, сидевшая на плече и грызшая китайские орехи.

Оленьке обезьянка так понравилась, что она ее поцеловала. А бабушка сказала, что у всех девочек, которые целуют обезьян, вырастает хвост в аршин длиной и покрытый белой шерстью.

– Ну кто знал, и как же можно было ее не поцеловать, если она у меня в волосах искала блох?.. Это же мило с ее стороны, – говорила, плача, Оленька.

– Оленька! – спросил я, – а почему ты думаешь, что будет плохо, если у тебя вырастет хвост?

– Конечно, плохо... Что это такое – мести пол?.. И все будут смеяться, показывать пальцем, говорить... Единственная девочка в Париже – с хвостом!

– Ничуть не единственная! – сказал я, – я видел в Париже девочек с хвостом...

– Неужели? А как же он у них? Через платице? Такая дырочка сделана?

– Да, через платице... Очень такие хорошенькие хвостики...

– К лицу?

– Очень даже.

– Как у кошечек?

– И как у кошечек, и как у обезьянок...

– Не хочу, чтобы как у обезьянок... Не хочу-у...

И Оленька опять пустилась в рев, все время ощупывая тот уголок, из которого рос хвост.

Что делать? В деревне ни доктора, ни фельдшера не было, и бабушка пошла посоветоваться к кюре, к которому чувствовала симпатию. Кюре угостил ее вином, показал пчельник и справился в псалтири. Оказывается, для того, чтобы избавиться от хвоста, есть прекрасное старинное средство: нужно за обедом съесть тарелку супу и съесть ее, не ловя мух, а внимательно, и обязательно полную. И потом, конечно, молиться Богу и читать «Отчу». Условия – не легкие, но выполнимые.

И вот наступили семь часов вечера, по горам пополз туман, Оленька помогла Терезе накрыть стол, и часто бегала на кухню, чтобы понюхать суп.

Сели за стол.

Оленька встала и начала читать молитву, глядя в угол, где стояли старинные часы, ростом от пола до потолка:

– Отче наш! – сказала Оленька, – да святится Имя Твое и да приидет царствие Твое... Да будет воля Твоя! Хлеб наш насущный дай нам есть... И чтобы не было Хвоста!

– Позволь! – ответила бабушка с места, – с кем же это ты так разговариваешь? С Богом? И чтобы не было хвоста? Вы видели что-нибудь подобное? Разве это молитва? Смирренная просьба? Это самое сильное повелительное наклонение, какое нам преподавали в институте!

Оленька посмотрела на нее, потом опять на часы и поправилась:

– И чтобы не было хвоста, сильвупле!

Средство помогло, и через неделю, как объяснила бабушка, хвост ушел внутрь.

10. Раки

Хорошенькая и вертлявая стрекоза, через год имеющая стать прелестной девушкой, Ася, уговорила меня идти, в четыре часа, на мол ловить рыбу.

Когда мое согласие было исторгнуто, Ася в качестве приманки, решила наловить морских маленьких раков, живущих по примеру улиток в маленьких ракушках.

Сказано – сделано, и шесть рачков, имевших неблагоразумие курсировать неподалеку от берега, были схвачены и водворены в голубую резиновую калашу, наполненную морской водой и песком.

Сначала раки горевали. Потом начали ползать, выдвигая свою единственную микроскопическую клешню. Потом начали ругаться. Потом – драться. Потом проголодались, ибо, как сказано, на песке своего счастья не построишь. Проголодавшись, они, вероятно, бросили жребий и того, на которого он пал, с аппетитом съели.

Это все описать можно, но вот как раки вытаскивали осужденного, как он не хотел вылезать из своей скорлупки и как отбивался, этого описать нельзя, потому что рискуешь обидеть человеческое общество.

Здесь я понял, что маленькие морские рачки ловчее и сообразительнее всякого полицейского, которому поручено извлечь из дома субъекта, не желающего уходить из него добровольно.

И главное, у раков не было ни огнестрельного оружия, ни пожарной кишки, ни лестницы!

11. Жан

Есть святая Максима в католических святцах и есть святая Максима на берегу Средиземного моря. Правильнее сказать, на берегу залива Сан-Тропе.

Святая Максима излюблена французскими актерами, художниками и писателями, но в начале сентября этот шумный патриотический и добродушный народ или переезжает в Сан-Рафаэль, или возвращается в Париж к своим декорациям, письменным столам и мольбертам. И тогда в святой Максиме наступает тишина, сокращается привоз газет, дешевет виноград, отельная прислуга не скрывает своей усталости, и по ночам совсем не слышно автомобильного шума. Морская вода – то синяя, то принимает золотисто-песочный оттенок. Солнце, поизрасходовавшееся за лето, теперь нежное, заботливое, смягчившееся.

Среди достопримечательностей святой Максимы самое интересное – Жан. Это молодой, двухлетний ослик, на котором итальянец Филиппо откуда-то из соседних мест привозит свое водянистое мороженое.

Каждый вечер, окончив обед, я пробираюсь по темному шоссе, именуемому национальной дорогой номер девяносто восемь. Конечный пункт моего путешествия – площадь Виктора Гюго. Цель – свидание с Жаном.

Жан знает этот час. У Жана – шоры. Жан роста маленького и лица моего разглядеть не может, но он отлично обнюхал мою правую руку и запомнил голубую шерстяную жакетку.

Когда эта жакетка показывается около моторных лодок, поддерживающих сообщение с Сан-Тропе, Жан проявляет признаки беспокойства: с азартом поводит ушами и нетерпеливо перебирает своими тонкими ножками. Тонкие ножки эти, однако, могут тащить в гору триста кило.

Я приношу Жану дары: сахар и бисквиты, которые он кушает весьма благосклонно и не спеша. Утоляет жажду он мороженым, которое сам возит и которое я приобретаю для него у Филиппо. По уверению Филиппо, Жан с удовольствием ест и дерево.

Благодарность я чувствую, когда Жан начинает слегка пофыркивать. Только поверхностный и ненаблюдательный человек мог выдумать, что ослы глупы. У Жана есть один недостаток: вечерами, при искусственном освещении, он побаивается собственной тени.

Иногда Жан ни с того, ни с сего начинает зычно орать, тогда Филиппо привязывает ему на хвост камень: Жан моментально смолкает.

Сколько раз я жалел, стоя на площади Виктора Гюго, что у некоторых людей нет хвоста!

12. Паук

В большом Эльбёфском сосновом лесу я собирал грибы. Лето было сырое, грибы росли быстро и охотно, и корзина скоро наполнилась. День стоял чудесный, сосны походили на свечи, посередине перевитые золотом и горевшие зеленым огнем. Небо облеклось в свои таинственные голубые ризы, ноге было приятно шелестеть чародейным папоротником.

Между двумя деревьями, отстоявшими друг от друга метра на полтора, я увидел сизую, глянцевику паутинную нить, в центре которой висел и покачивался, как на трапедии, среднего роста и, вероятно, ещё не старый, жизнерадостный паук. К этой длинной трапедии была искусно прикреплена паутинная же сетка, сделанная с такой правильностью и пропорциями, которым могла позавидовать лучшая в Брюсселе вязальщица. Математическому же расчету, какой явно сквозил в этом архитектурном создании, мог позавидовать любой зодчий.

Мне казалось, что такую тонкую и ажурную работу можно выполнить только в начале карьеры, в молодости, когда, например, начинающий писатель дрожит над своей первой повестью, музыкант тысячу раз переделывает аккомпанемент в корректурах своего первого романса и художник ищет окна, выходящего на север, чтобы проверить краски первого пейзажа.

Паучок грелся на солнце, слегка покачивался от легкого и душистого лесного ветерка. Паучок, вероятно, никогда не видел людей и, я думаю, не без любопытства поглядывал на огромное, дикое и разноцветное чудовище, которое подошло к нему и дымило противным, тошнотворным дымом.

Паучок не испугался моего приближения и, вероятно, мыслил так: «Ничего худого я этому существу не сделал, ничего худого он не сделает и мне».

Паучок ошибся. Я позавидовал его спокойствию, его солнечной ванне и комфорту. Это – во-первых. А во-вторых, в этом коварстве, в этой вероломной хитрости, с которой была распластана сеть, было что-то противоречащее христианской морали. Меня тронула грустная судьба тех мух и жучков, трупы которых застряли в сетке: кровь из них была высосана, вероятно, не без лютой и сладострастия.

Я тихонько прикоснулся пальцем к спинке паучка: это его напугало, и он, как первоклассный канатный плясун, пробежал по своей трапеции вверх ногами и скрылся в потайной расщелине. Тогда я вынул зажигалку и поджег паутину. Она вспыхнула, разломилась и бессмысленно потянулась за струей ветра.

Я лег под деревом и смотрел, что последует дальше. Почти полчаса прошло без всяких перемен.

Сосны покачивались, и это покачивание образовывало какую-то определенную мелодию. Она была несложна, но успокоительна и походила на колыбельную песню. Я начал думать о ветре, как о великом музыканте, создающем симфонии на океанах, русалочки песни в каприйских гротах, божественные стихиры в расщелинах гор, злые вещанья в российских метелях.

Я не заметил, как паучок вылез из расщелины, спустился к своему растерзанному созданию и застыл в позе, которая показалась мне горестной.

Она, действительно, была горестной. Я осторожно поднялся с земли, боясь испугать паучка, но

он не испугался даже тогда, когда я вплотную приблизился к нему.

Я потрогал его пальцем, он не шелохнулся. Я довел свою наглость до того, что несколько раз погладил его по спинке. Паук не шевельнулся. Он смотрел на свое создание, и горе его было, вероятно, бесконечно, и жизнь ему стала, видимо, совсем не дорога.

В паучке жил великий художник.

13. Фармазонский рубль

Мать однажды выдрала меня вожжами на конюшне за то, что я ходил в дворницкую, но если бы она, царство ей небесное, знала, как там было интересно и о каких вещах говорили меж собой дворник Андрей-Запряги-Лошадь и ночной сторож Яфим!

Андрей держит на коленях балалайку и, прижимая пальцем струну, другим вытягивает из нее какие-то необыкновенно усладительные звуки. Мелодии нет, и только звук, но какой! Пролетит по комнате и умрет под потолком. И я думаю: «Потолок похож на кладбище».

А Яфим толстой иглой, похожей на копьё, чинит тулуп, и на иголке – суровая нитка, которая шуршит. И все это так аппетитно, что я думаю: «Вырасту, буду есть кутью и чинить тулупы».

Яфим говорит Андрею:

– В твоём деле (Андрей был безнадежно влюблен) фармазонский рупь нужен. Против фармазонского рубля никакое дело не устоит, ни бабье, ни дворянское. С фармазонским рублем можно двести лет жить.

– Где его сыщешь, этот рупь самый? – спрашивает мрачно Андрей, извлекая из струны монашески-чистый звук.

– Сыскать его, что и говорить, трудно, но только пристальные люди его сыскивают. Щастье нужно, – отвечает Яфим с ударением на О.

– А что ж это за рупь такой? – после большой паузы спрашивает Андрей.

– Рупь таинственный, – отвечает Яфим, – с царем Александрой, что Наполеона бил. Двуглазый царь. Только один-то глаз как следует, возле носу, а другой – над головой.

– Как так над головой? Разве глаза над головой бывают? – спрашивает Андрей, вздыхая.

– Знамо, бывают. Царский глаз-то. Волшебный.

– Думаю, а не врешь ли ты, Яфим?

– А чего же мне врать? Я человек междоусобных брани, – отвечает Яфим, – только нам с тобой рубля-то этого не найти ужó.

– Почему же это так?

– Найтилки нету. А вот мальчонка этот найдет, – и Яфим показывает на меня иглой, – у него время есть.

И странное дело: этот разговор всю жизнь не выходил у меня из головы. И другое дело: об этом рубле думал Горький. Как-то вечером, сидя на каприйской террасе, вдруг говорит мечтательно:

– Эх, фармазонский бы рубль найти!

– На что он вам, Алексей Максимович?

– Нужен. Положил бы его в карман, да и в Россию. Через таможду и проскочил бы незаметно.

– Неужели фармазонский рубль такую силу имеет?

– Говорят старые люди.

Пауза. Бульканье бутылки, аромат прелестнейшего вина, расширившаяся точка папирсы, освещившая глаз и бровь.

На днях в самом неожиданном месте, в Париже, в весенний день, я нашел фармазонский рубль.

Обыкновенный серебряный рубль в память бородинской битвы. Выбита бородинская колонна с шестиконечным крестом и вокруг нее славянской вязью написано: «Бородино, 26 августа 1812 года, открыт 26 августа 1839 года». На другой стороне выбит профиль Царя, вокруг написано: «Александр Первый Б. М. Император Всерос.». Внизу расположен меч, повитый лаврами. Вверху, над головой Царя – треугольник в сиянии, и в треугольнике Всевидящее Око. Под колонной – скромная надпись: «1 рубль». Под шеей у Царя расписался художник латинскими буква «Н. Cube 7».

Дня через три после покупки этого рубля я претерпел несказанные страдания от флюса. Посмотрим, что дальше принесет волшебный рубль.

14. Несчастливый франк

Очень часто по венам улиц автомобили разносят сукровицу, но в жилах метро почти всегда течет здоровая народная кровь – и я люблю подземную парижскую жизнь.

Однажды, на большой узловой станции, пересекающей Норд-Зюйд, я стоял в очереди за билетами. Было по-зимнему темно, только что вышли третьи издания вечерних газет, и любящие сердца, разлученные дневной работой, встречались, подставляя друг другу щеки. Увы! С изобретением липкой губной помады наиболее сладкие поцелуи все более отходят в область преданий. По этим встречам, по блеску глаз, по жадности жестов можно безошибочно определить: вот любовь начинающаяся, вот любовь созревшая и спокойная, вот любовь тревожная и ревнивая, а вот догорающая и уже скучная.

Вокруг меня двойной шеренгой стояла рать, отработавшая свои восемь часов то в мастерских, то в лавках, то в канцеляриях, и полицейский в изящной пелерине тщательно наблюдал за порядком: как ни велика демократическая сознательность, но без полицейского латинский темперамент всегда чувствует себя беспокойным.

В некотором отдалении от очереди, под часами, заложив руки в карманы, стоял молодой человек и ожидающими глазами посматривал то на лестницу, то на часы. Для человека опытного было совершенно ясно, что свидание назначено на семь, но вот уже четверть восьмого, вот шестнадцать минут, вот семнадцать, время ползет, как черепаха, сердце беспокойно и папироса сгорает за папиросой.

Но нет! Она верна и, как провинившаяся Лизетта Беранже, спускается в подземелье, и уже с середины лестницы улыбаются милые глаза.

Отрывистые поцелуи, осторожные упреки, оценка обстановки, и она явно не хочет ехать в тесноте и предлагает ему какие-то иные планы.

– Но что же делать с билетом? – спрашивает он, – я купил его заранее.

Ее улыбка мгновенно осложняется той еле заметной черточкой, которая отмечает на человеческом лице легкое презрение.

– Боже мой! Какой сложный вопрос: что он будет делать со своим билетом? – капризно говорит она. – Забудь про свой билет.

Но из молодого человека выйдет добрый и благоразумный француз: он знает цену шестидесяти сантимов, он не слушается женского легкомысленного совета и прямо направляется ко мне, вероятно, потому что я гипнотизирую его и гово-

рю: «Брось, дурак, билет, брось его, растопчи, она не любит скупых».

Вместо этого он говорит:

– Не купите ли вы его у меня? – и протягивает серенький билет.

Я отвечаю:

– Мне нужен билет первого класса.

– Да, но вы можете доплатить в вагоне! – настаивает на своем юный безумец.

Я достаю франк, и влюбленный начинает нервно шарить по всем пиджачкам и жилетным карманам, отыскивая сдачу. Она, полуулыбаясь, ждет; я посматриваю на нее, на ее подтянутую фигурку, на прелестную и недешевую лисью горжетку, на туфельки от Пине, на шляпку из золотистого фетра и думаю: «Ох, Перикола! Ты не устояла перед губернатором».

Она понятливо улыбается, но ее друг уже наскреб множество каких-то маленьких монеток, сунул их мне, и парочка ускоренным маршем понеслась к выходу.

Я вышел из очереди, направился к контролю и, подавая билет, с удивлением заметил, что в моей ладони спокойно лежит и тот франк, который я платил молодому человеку за билет и который он впопыхах сунул мне обратно, вместе со своей сдачей.

Возвращаться назад, бежать и искать влюбленных было нелепо, и я решил причислить этот франк к своим талисманам и положил его во второе отделение кошелька, где у меня хранятся десять норвежских эре, заветный ключ и помятый жетон с улицы св. Аполлины.

Увы! При ближайших испытаниях оказалось, что этот франк не приносит счастья, и если у меня составлялся тузовый фулл, то у моего про-

тивника оказывалось каре, а если у меня было каре, то противник показывал четыре восьмерки и джокера.

В один прекрасный день мне стало ясно, что нужно отделаться от этого франка, и я придумал план действий.

Около церкви Сен-Жермен я повстречал нищую старуху. Она сидела на лавочке, спиной к дороге, что-то бормотала и шевелила по мешку пальцем.

Я подошел к ней и сказал:

– Вот тебе, старуха, франк. Помолись за любовь.

Рука моя прикоснулась к ее твердой и холодной ладони, а глаза встретились с ее глазами: она неожиданно подняла их на меня, и они вдруг скоро и насмешливо разгорелись. Взгляд ее был прекрасен, умен, презрителен, и я разглядел его поблекшую, выцветшую синеву. Старость изменила все: гордый нос опустился к подбородку, кожа на лбу стала просторной и свободно отходила от кости, губы провалились внутрь рта, ямочки на подбородке заострились, но как, вероятно, она была хороша когда-то и какие веселые дни видывала. Неожиданно в голову влетела такая мысль, и мне показалось, что это она, быть может, под начальством Валентина и вместе с пленительной Гулю плясала первые кадрили на затоптанном паркете старого, погоревшего Мулен Руж, и я начал спрашивать:

– Ты – Rayon d'Or. Ты – Nini patte-en-l'air.

Старуха медленно и испытующе осмотрела мой костюм и, казалось, пересчитала все пуговицы на пальто, опустила глаза на сапоги и словно подивилась их странному американскому фасону, потом

скривила в улыбку синие померкшие губы и про-
шамкала:

– За франк? За теперешний франк ты хочешь
вымолить любовь? Уходи!

Я обошел вокруг афишной будки, возвратился и
незаметно сел сзади старухи на другой стороне ска-
мьи, лицом к улице, и слышал, как она долго и сер-
дито ворчала, но из всех слов мог разобрать только
те имена, которые я сам назвал:

– Rayon d'Or! Nini patte-en-l'air! Idiot.

15. Певцы

Я возвращался домой. Посередине моей улицы
стоял человек без шляпы и, глядя вверх по окнам,
пел арии из «Тоски». Тенорок у него был недурной,
от природы поставленный. Верхние ноты он брал
легко, закрывая глаза и с удовольствием прислу-
шиваясь к звуковой струе, которая так свободно
и приятно выливалась из горла. Я послушал его и
подумал: «Чего человек ходит по улицам? Его взя-
ли бы в любой оперный хор: тенора, особенно без
претензий, теперь в цене. А там придут холода, нач-
нутся дожди, простудит горло и потеряет то един-
ственное, что дал Бог».

Его слушали головы, высунувшиеся из окон, и,
по-моему, слушали охотно. Но, когда он кончил и
протянул шляпу, головы, как по команде, спрята-
лись внутрь, и мне по ассоциации вспомнился пер-
вый гениальный акт «Птичек певчих».

Случайно тут же по тротуару проходил некий
человек с моржовыми усами. Как известно, морже-
видность является в усах от частого их бритья. Че-
ловек был из типа опускающихся. Он был не совсем
трезв, белье помялось, галстук тоже, воротник был
почему-то поднят. Сапоги на нем были не по мер-
ке, и носки поднялись, как в азиатских туфлях. Он

подошел к певцу, дружески хлопнул его по плечу и сказал:

– Что, брат? Ничего? И ты думаешь, что за такое пение подадут? Держи карман! Теперь, старина, певцы не нужны, теперь в каждом деле – консерватория. Теперь нужно петь так.

Человек собрался с силами, понатужился и истошным голосом завопил:

– Сквозь аккорды струй певучих... Слышен сердца стон... Поцелуев твоих жгучих... Ст-т-трастно молит он!

И окончательно взревел, когда дело дошло до смеха:

– Ха-ха-ха-ха-ха, – заливался он на всю улицу, извиваясь, как Мефистофель.

Окна открылись, и снова высунулись головы с кислыми минами.

– А вы, цветы, – ревел певец, делая заклинающие пассы, – жальте ее прямо в сердце-е-е...

– О-ля-ля-ля-ля! – послышалось из окон.

И деньги действительно полетели. И тут же стукнули закрываемые рамы...

– Подбирай! – сказал человек, – это твое. А мне не надо. У меня мамаша есть.

И последовал дальше своим путем.

16. В кафе

В воскресный день, после завтрака, я зашел в большое, людное и дешевое кафе на Больших бульварах.

Почти все парижские кафе похожи на вокзалы: маленькие столики, твердые стулья. Нет в них бархатных полукруглых диванов, нет хороших гравюр на стенах, нет важных метрдотелей, которые знают, что вы пьете и какую газету читаете, нет запаха хо-

роших упмановских сигар и того безмолвного покоя, который в четыре часа дня почти обязателен для Вены.

И только название кафе мне очень нравилось: «Все идет хорошо!» Так прозрачными буквами было написано на полотняной вывеске.

Следом за мной вошли и за соседним столиком поместились два молодых инвалида. Под желтоватыми непромокаемыми пальто у них были форменные куртки артиллеристов, а в петличках красовались взрывающиеся серебряные бомбы. У одного не хватало руки, и пустой рукав пальто был засунут в карман: этот недостаток восполняла военная медаль. У другого, вместо ноги торчала деревянная культяпка: это дало право на зачисление в Почетный Легион.

Один спросил кофе с молоком, другой – белого вина.

Сидели, прихлебывали, угрюмо молчали, не глядя друг на друга. Кругом шумели празднично одетые и болтливые люди, наслаждавшиеся отдыхом и высшим сортом папирос, который они себе позволили на сегодняшний день. Женщины гордились своими юбками, чулками телесного цвета, и шляпами с модным перегибом.

Лакеи извивались среди столов, лучшим моментом своей работы считая закладыванье голубых хрустящих бумажек вдоль своих записных, засаленных книг. В то и дело открывающиеся двери несло холодом и запахом неразгоревшихся углей из уличной печки.

Инвалиды сидели недолго: им, видимо, было не по себе среди этого люда, беззаботно владеющего всеми своими конечностями. Безногий достал из мятого бумажника десять франков, лакей дал сдачи, веером рассыпав медные и бронзовые монетки.

Безногий спрятал деньги в боковой карман и оставил лакею десять су.

Лакей сказал:

– Возьмите ваши деньги назад. От вас я не могу принять ни одного сантима. Вам я обязан служить бесплатно.

И люди, слышавшие эти слова, прослезились.

О, патриотизм! О, сладкое чувство! Даже лакея ты, порою, возносишь на высоты, трудно обозримые!

17. Право критики

Однажды в городе Ставрополе-Кавказском (глухая провинция) я решил покрасить полы своего дома. Нанял маляра, который провозился с неделю и сделал работу отвратительно.

Тогда я позвал другого маляра с просьбой перекрасить полы. И сказал:

– Правда ведь, полы выкрашены отвратительно?

Маляр, почесывая в затылке, смущенно ответил:

– Если вы хотите перекрасить полы, я к вашим услугам, но высказывать мнение о работе товарища мне непозволительно.

В ближайший день новый маляр представил смету: с точки зрения грамматики она была написана ужасно. Он совершенно не знал ни десятеричного «і», ни буквы «ять». О знаках препинания и говорить нечего.

18. О поэтах

Это были влюбленные, те самые, о которых предвечно творит Господь Бог, те две половинки, что в пьесах Метерлинка с безграничной тоской и

настойчивостью ищут друг друга, и, если находят, то не расстаются уже до смерти и, прожив свой век, даже в сырой земле спят под одной плитой.

Они сидели в метро около конфетного автомата и непрерывно целовались. Сзади них, на стене, был наклеен плакат, на котором изображены гуси, нюхающие консервную коробку.

У этих влюбленных не было сил оторваться друг от друга, и они почти слились в то единое, о котором с такой исключительной исчерпанностью написал Апостол Павел и ради которого человек оставляет отца своего и мать свою, и уже сам пролагает в жизни пути свои, делая отца – дедом и мать – бабушкой.

Было поздно, шел уже первый час ночи, полупустые поезда ходили с редкими интервалами, и вагоны казались почему-то дачными.

Я сел поодаль и смотрел на влюбленных. Взгрустнулось, вспомнилась своя странно-счастливая жизнь, и вовсе не захотелось залезать в подошедший состав.

Куда спешить? Стенные плакаты так забавны и смешны. Вот маляры, пишущие на спинах друг у друга, вот старички, похотливо рассматривающие женское белье, вот луна, облизывающаяся на макароны, вот медвежонок, испугавшийся пылесоса, вот черт, сидящий на радиаторе... Какими наивными способами человек хочет соблазнить ближнего своего. И эта огромная подземная труба, выложенная белыми кафельными плитками, и смертоносные рельсы, проложенные в русле земли, сор проколотых билетов, красные сигнальные фонарики – как необычна и призрачна ночная жизнь под землей.

Куда спешить? Не лучше ли погреть душу, слегка озябшую, у чужого горячего счастья? У меня, в

сундучке моей памяти, тоже припрятана неплохая коллекция дней, вечеров и ночей, которых я никогда не забуду, которыми похвалюсь перед дедом и прадедом и которые вместе со своей душой погружу в лодку Харона, навсегда отчаливая от милой звезды – Земли. Пройдут тысячелетия, и она, бессмертная душа моя, с благодарностью вспомнит то странное и не особенно нужное приключение, которое мы здесь с комической важностью и многозначительностью привыкли называть то сном, то бытием...

В метро тепло, а там, наверху, между домами ходит декабрь, дует его ветер, шалит его дождь, не сумевший сделаться снегом, и прибывает в Сену океанская вода.

Кто-то тихо прикоснулся к моему плечу. Около меня стоял начальник станции, тот самый, что между двумя сквозняками сидит в застекленной будке, пишет что-то в графики и разговаривает по телефону. Он уже не молод, он толстоват в своей форменной синей жакетке, и фуражка его с золотыми цветами придает ему опереточный вид. Он показывает мне бумажку, в которой нарисованы какие-то параллельные черточки, и говорит:

– Видите? Раз, два, три... Четырнадцать черточек. Они, – и начальник станции показывает на влюбленных, – они пропустили четырнадцать поездов. У них, должно быть, нет денег, чтобы достать крышу над головой. При всем своем скудном бюджете я готов отказаться завтра от сыра и зелени и дать им два франка. И начальник смотрел на меня приглашающими глазами.

Когда француз раскошеливается на два франка, то человек иной национальности со спокойной со-

вестью может вносить на ту же цель пять. Мысль начальника мне понравилась, и я ответил, что тоже готов отказаться завтра от сыра и зелени, но что мои сыр и зелень стоят пять франков, каковые я ему и вручаю.

Начальник взял деньги, заложил руки за спину и неторопливо пошел к влюбленным.

– Дети мои, – сказал он, – у вас видно не густо в карманах. Вы пропустили четырнадцать поездов. Вот вам деньги, поднимитесь наверх и поищите себе какое-нибудь помещение.

Молодой человек сначала посмотрел на него непонимающими глазами, а поняв, начал смущенно отнекиваться и бормотать слова благодарности. Тогда в разговор вступила его подруга: деловито, по-женски, оценила положение вещей и, разобрав, что над ними не издеваются, решительно протянула руку, взяла деньги, подала своему милому шляпу и сказала:

– Благодарю вас, мсье! Вы очень милы и добры.

Затем парочка поднялась со своего места и, не спеша, направилась к выходу.

Мы остались с начальником вдвоем. Начальник присел на скамейку, снял фуражку, почесал лысую голову и сказал:

– Чувствую, что это очень бы понравилось моему отцу. И он, наверное, написал бы на эту тему два-три хороших стиха.

– Ваш отец писал стихи? – спросил я не без удивления.

– Да, – ответил начальник, – мой отец писал стихи.

Я невольно улыбнулся, вспомнил тот легион русских поэтов, который формировался среди аптекарей, среди мечтательных телеграфистов, сре-

ди делопроизводителей из Галерной Гавани. Они, эти поэты, кроме вдохновения, обладали еще и необыкновенными каллиграфическими способностями, умели крепко поставить и закрутить замысловатую готическую букву с безукоризненно рассчитанными и пропорциональными нажимами, чудесно играли на десятиструнных гитарах и, почти все, благоговейно любили вальс под названием «Задумчивость Вольтера».

– И у вас в семье хранится, вероятно, альбом со стихами покойного? – спросил я.

– О, нет! – ответил начальник, – альбомов нет. После отца осталось несколько напечатанных книг. Если бы вы были французом, то вы, наверное, слышали бы о нем. Ему даже поставили памятник, не на кладбище, нет, а в Люксембургском саду, в том, что около Сената, метро Одеон.

Я затаил дыхание. А начальник еще немного подумал, еще немного помял фуражку, потом взглянул на меня глубоко запавшими и как-то странно знакомыми глазами, и добавил:

– Моего отца звали Поль Верлен.

19. Георгины

В переполненный до отказа вагон парижской подземной железной дороги втиснулась боком какая-то – не разобрать – человеческая фигура и, очевидно, в целях сохранности, положила на багажную веревочную полочку большой букет разноцветных георгин.

И одному из пассажиров этого вагона сейчас же вспомнился город Ставрополь-Кавказский и на окраине его расположенный Иоанно-Мариинский девичий монастырь. За поездку в этот монастырь

пароконные извозчики брали по таксе три рубля в оба конца.

Весь свой обширный церковный двор, вдали сливавшийся с лесом, все свои маленькие при кельях цветники монахини непременно засаживали георгинами. Цветы были красивы и декоративны, покачивались на высоких стеблях, и всегда казалось, что их лепестки выделаны из воска и, если поднести свечу, то быстро растают и потекут теплыми цветными каплями.

Однажды престарелой и мудрой матери Рахили был задан такой вопрос:

– Честная мать, почему из всех цветов вы предпочитаете георгины?

Мать Рахиль ответила, снисходительно улынувшись:

– Потому, что они – безароматны.

– А разве это хорошо?

– Очень даже, – сказала мать Рахиль, – ничто так не беспокоит грешного и недостойного человеческого тела, как аромат цветов. Дело в том, что цветы-то сотворил Господь, но духами напоил их враг.

В этом же монастыре спасала свою душу мать Серафима, казначейша, родом из богатой купеческой семьи. Все оставила в миру и все забыла мать Серафима: бриллианты, любовные письма, книги французских стихов и вагнеровских опер, бесчисленные фотографии сорокалетнего гусара. С одним не могла расстаться мать Серафима: с видом любимых цветов – роз. И у себя на заднем дворе, скрывая их от посторонних глаз, рассадилла она четыре куста: два куста белых и два куста красных, почему-то называемых чайными. И что же? Мать Рахиль была права: двадцатилетние послушницы матери

Серафимы спали по ночам, особенно по весенним, тревожно и беспокойно.

А однажды, осенней холодноватой ночью, к ограде монастыря подкатил из города пароконный извозчик Васька, нанятый в оба конца не за три, а за двести рублей, и из фаэтона тихонько и воровски вышел человек, надвинувший шляпу на лоб, ловко перекинул через высокий забор веревочную лестницу и потом три раза потихоньку свистнул. Васька толком разобрать не мог, как в его фаэтоне очутился еще один пассажир, легкий и слегка пахивающий ладаном. Звали пассажира Афросей. Это была одна из послушниц матери Серафимы, голубоглазая и легкостопая. Третий пассажир, не вылезавший из фаэтона, вдруг оживился, и Васька явно расслышал слова, которых он никогда уже потом не мог забыть: «милая», «ясная», «голубонька» и «звездочка».

Васька хватил кнутовищем по лошадям, понесся по обусловленному маршруту – к Холодному Роднику – и подумал: «Убей меня цыган трубкой, а цыганка молотком, чтобы я еще раз взялся за такое дело, хотя бы и за двести рублей. Греховина какая. Монашку из монастыря сперли...»

Третий же пассажир был тот самый, который теперь ехал по парижской подземной дороге и увидел георгины на веревочной полочке.

Георгины исчезли на станции Трокадеро. Пассажир глубоко вздохнул, соседи удивленно посмотрели на него и не поняли, почему у него так странно блеснули глаза.

20. Глаза

...Вагон № 14 имеет прямое сообщение от Знаменской площади до Сенного рынка.

Стоял зимний морозный вечер. Большие зеркальные стекла были матовы от морозных узоров. Публика, на этот раз почему-то немногочисленная, мерзлая, засовывала руки в рукава, усердно залезала с ушами в воротники...

На одной из остановок в вагон вошли высокая молодая дама и – сразу видно – ее муж, чиновный, строгий, выбритый, в очках, с реденькими, старательно отпущенными бачками: Победоносцев в молодости.

Мест свободных было много, и дама, подвернув каракулевый сак, села в уголку около входной двери, а муж поместился напротив.

Верхний свет – предательский свет. Он беспощаден, он выдает все: и морщинки, и застывшие слезы, и подкрашенные губы... Супруги сидели, не глядя друг на друга, – ясно: была ссора.

Только что вагон тронулся – вошло, уже на ходу, третье лицо: молодой человек в модном широком пальто. Шляпа у него была пуховая, серая, задорно загнутая впереди. Молодой человек был весел, оживлен и красив.

Глаза его, спрятавшиеся за пенсне с черными ободками, поглядели на даму, на ее волосы, глаза, губы и ясно сказали: «Ты недурна, право».

Потом они скользнули по всей ее фигуре, с головы до ног и добавили: «Мне нравится, как ты одета. Мило, право, мило. А этот пиковый король – неужели твой муж? Н-ну, милая, кто-кто, а ты могла бы выбрать что-нибудь и получше».

Надвинулась фигура с бляхой на груди и сказала:

– Позвольте получить!

Муж перегнулся на бок, чтобы достать кошель и буркнул:

– Два до Сенной.

Одно окно почему-то не замерзало, и сквозь него были видны мелькавшие дома, фонари, магазины, газетчики.

А глаза, спрятавшиеся за пенсне, не хотели оторваться от нее, а она, хоть и отвернувшись, хоть по виду и равнодушная ко всему, внутренним своим чутьем слушала и боялась проронить даже одно маленькое, самое незначительное словцо.

«Ты хороша, – говорили глаза, – у тебя густые, небрежно зачесанные волосы. Ты знаешь им цену и не портишь их никакими украшениями. Это мне нравится. Одобряю. Ах, как ты хороша!»

Он говорил, она, не глядя, притворно сердито слушала, а стекла трамвая блестели холодными огнями мороза, и, казалось, им было весело от быстрой езды, они смеялись и беспричинно всему радовались, эти яркие и волшебные задорные искры.

«Ты умна, – говорили глаза, спрятавшиеся за пенсне, – глаза твои умны. Мне нравится, как они украдкой взглядывают на меня. Ты не хотела показать, что интересовалась мною, ты последовательно выражала недоумение, смущение, негодование, но ничего у тебя из этого не вышло, и я скажу тебе все, что хочу, и ты выслушаешь, да, да, выслушаешь и ни одного слова не проронишь, все поймешь и все оценишь... Ты беспокойно поглядываешь на своего Победоносцева? Оставь! Не бойся! Ведь слов нет! Ведь говорю я молча».

– Садовая! – гаркнул кондуктор.

В вагон хлынула промерзшая, заждавшаяся, сердитая толпа. Зашумели, заторопились, затопали ногами по полу, стали в проходе. Но глаза все-таки отыскивали какое-то отверстие и, пользуясь суматохой, совсем откровенно признались.

«Я люблю тебя. Брось своего Победоносцева! Пойдем за мной. Я молод, я талантлив, я посвящу тебе все мои стихи. Ну? Смотри: мороз, свежо, весело, ярко светит рождественская луна. Мы пойдем в теплую просторную комнату. Зажжем свет не такой, как здесь. А уютный, боковой, покрытый ласковым, цветным шелком. Будем пить замороженное вино. Я выпью за твои глаза, за твои волосы, за твои пальчики, за все кольца на них. Ну? Решайся!»

Пошатывался вагон и тонко визжал, трогаясь с остановок. Как надоело ему бегать, этому вагону, и в два постылых конца возить на своей спине всех этих тяжелых и неповоротливых, вечно ругающихся людей!

А глаза все звали и уже прорывалась в них милая, ласковая угроза: «Ну? Видишь? – тихо говорили они, – я ухожу... Уже ухожу. Застегиваю рукавицу... Поднимаюсь. Ну что же? Все-таки Победоносцев выиграл сражение? Ну Бог с тобой... Ты любишь, значит, Победоносцева?»

Глаза улыбнулись. «Ну люби. Бог с тобой. О вкусах не спорят. Прощай».

Он встал, сдвинул в бок дверь и вышел.

– Гороховая! – свирепо провозгласил кондуктор.

В душе женщины происходила, по-видимому, борьба. Она явно была взволнована, разругалась, нервно теребила тонкими пальчиками каракулевую пуговицу.

– Я выйду на площадку, – ни к кому не обращаясь, вдруг сказала она, – надоело сидеть. Голова разболелась.

Ах, эта голова! Умеет она заболеть в самую нужную минуту, но на этот раз и голова опоздала: трамвай остановился, и он уже переходил дорогу. Длинноватые волосы прядкой лежали у него на воротнике.

«Тебе нужно постричься к Рождеству», – пробежала в голове у нее заботливая мысль, хотелось еще раз призывающее крикнуть, но все было уже поздно; он уже пересек дорогу, пошел к тротуару, закурил, не оглянулся.

«Не оглянулся!» – и она вздохнула.

– Ну и Бог с тобой, – сказала и благословила его большие, чудесные, слезой затуманившиеся глаза.

Трамвай взвизгнул и понесся дальше, к Забалканскому, все выше и протяжнее завывая своим унылым и сверлящим дискантом.

В одном из номеров большой газеты я наткнулся нечаянно на такое объявление: «Молодого человека, в сочельник ехавшего на трамвае № 14 и слезшего на Гороховой, просят откликнуться. Писать предъявителю рублевого билета № 147887».

Написал? Откликнулся? Я стал следить за газетой. В следующих номерах этого объявления больше уже не появлялось.

21. Капри

Остров моей молодости, моего счастья и первого романа, написанного там, в отеле старого и мудрого Манфреда, который, неизвестно почему, звал меня профессором.

Дружба моя с ним длилась недолго. Однажды он выследил, как вечером, часов в девять, младшая дочь его, Еленучча, прибежала ко мне в садик на свидание. Выдало нас ее белое платье. Манфред был суров: Еленуччу он выпорол на моих глазах, а меня выгнал из отеля, запретив подходить к нему на расстояние, которое делает стрела, пущенная из хорошего и сильного лука.

Я переехал на Гранд-Марина, откуда был виден дымящийся Везувий и около него – распластавшийся, ждущий смертельной лавы Неаполь.

Пришло время ехать в Россию, но тут у моряков грянула забастовка и, вместо мирных парадиков, которые сновали между островом и материком, нас бесплатно повезли на миноносце. Обстановка была строгая: нельзя было даже постучать по полу палкой в такт не уходившей из головы песенки.

И вдруг, рядом со мной, очутилась Еленучча.

– Откуда ты взялась? – спросил я, немало удивленный.

– Переезд бесплатный, – ответила она, – и отец отпустил меня взглянуть на Неаполь.

– А ты раньше в нем не бывала?

– Никогда.

– Значит, ты пятнадцать лет прожила на Капри, никуда не уезжая?

– Да.

Еленучча была с братом, но брат, боясь морской болезни, не вылезал из трюма и жевал там лимоны.

Мы пробовали поцеловаться, но проходивший матрос сурово сказал:

– Вы здесь не для удовольствия, а в силу забастовки.

Неаполь Еленучче не понравился: там было пыльно, грязно и слишком шумно. Еленучче удалось другое: она уговорила меня вернуться на Капри, под предлогом всеобщей забастовки, которая будто бы охватила пароходы, даже иностранные, даже те, которые с грузами апельсинов должны были направиться в Одессу.

И снова мы очутились на миноносце, и снова брат полез в трюм, глотая уже не лимоны, а четырехзвездный мартелевский коньяк, который я ку-

пил для него на одной из самых оживленных неаполитанских улиц.

Еленучча была утомлена шумным днем, галдежом, автомобилем. Когда миноносец отошел от Сорренто, она сказала:

– Мне кажется, что я вижу свое окно. Кто же зажег в нем свет?

– Может быть, мама, которая уже стелет постельку для своей любимой дочки?

– Может быть, – ответила Еленучча.

Было тихо, темно и свежо. Вдали вырисовывались контуры таинственного острова. И тогда я понял, что Капри – это бонбоньерка, упавшая с елки Господа Бога.

Все это мне вспомнилось на днях, в Париже, в галерее Шарпантье, на выставке Константина Вещилова, сумевшего запечатлеть на полотне и каприйский воздух, и каприйское солнце, и Монте Соларо, и каприйские цветы, и даже террасу той гостиницы на Гранд-Марина, в которую под большим секретом, дрожа от ужаса и кутаясь в десять непроницаемых вуалей, бегала ко мне Еленучча.

22. Рим

Целый день мы гуляли с ней по Риму. Были на раскопках у какого-то профессора, с которым она разговаривала на тосканском наречии и который, обрадовавшись живой северной красоте, распустил перед ней свой старый обветшалый хвост. Наслаждались солнцем, диск которого здесь кажется бóльшим, чем в Париже, и жар которого тоже не такой, как в Париже. Радовались облакам, ветру, осматривали пещеру, в которой был заключен апостол Петр. Прикасались рука-

ми к камням, которые слышали речь латинскую и слышали также, как она мало-помалу превращалась в итальянскую.

После завтрака мы сидели на Пинчио, перед обедом – слушали вечерню в Семинарии на Авентинском холме. Смотрели в какую-то замочную скважину на город и знали, что это поместье подарено было императором Павлом Мальтийскому ордену. Что-то слушали об Алексее, человеке Божьем.

Я все хотел сказать ей о любви, и она ждала этого, и когда это все-таки не приходило, раковинки ее ушей чуть розовели по краям.

Мы говорили о пустяках, но знали, что этот день никогда не забудется среди будущих, неярких и обыкновенных. И вместо любви, мы болтали о Борджиа, о Льве Десятом и как-то незаметно очутились перед Собором Петра.

Вечерело, и площадь была так пустынна, что отчетливо слышалась каждая капля, падающая из фонтанов. Усталости не было, но я все-таки лег на камни лестницы. Они были теплы, как остывающая печка.

Неизвестно откуда, словно из земли вырос, появился парень, деревенской видимости, лет девятнадцати. Он был завидно красив, глаза его завидно блестели даже в сумерках. Он развязал сумку, достал оттуда кусок твердого овечьего сыра и как-то завидно аппетитно вонзился в него. Он с явным наслаждением смешивал во рту сыр и хлеб, и я страдал за него, что нет вина, которое составило бы полный аккорд. Мне казалось, что отсутствие вина похоже на то, когда в оркестре не хватает контрабаса.

Но он, видимо, не замечал этого и, кончив еду, громко сказал:

– Жаль нет табаку.

Моя спутница взяла мою коробку с дюбеком и поднесла ему. Изящным и осторожным движением он вытянул оттуда папиросу, обмял ее пальцами и, достав свои спички, с наслаждением закурил. И вдруг начал смеяться.

– Вы довольны вашим днем? – спросила она.

– О, именно! – ответил он.

– Можно узнать, что вас больше всего радует?

Он привстал, удивленно посмотрел на нас, как будто мы не понимали самых простых вещей. Потом медленно обвел по горизонту рукой и удивленно ответил:

– Но посмотрите же, синьора! Перед вами – Рим! Рим, синьора, Рома, Рома, Рома...

Я приеду на закате

1

Молодой бородатый проводник в черной майке, хмурясь, свел двери вагончика и – в замкнутом его пространстве, набитом пассажирами, духота стала еще сильнее, удушливей. Несколько повременив, смахнув со лба капли пота, он нажал контрольную кнопку. Где-то в глубине подгорной станции фуникулера раздался звонок. Подвешенная на толстом тросе «ладья» качнулась, поплыла в поднебесье, и разновозрастная публика, устремив взгляды на вершину Машука, напряглась в начавшемся полете. Окружающий пейзаж: потемневшее от жары шоссе, санаторные здания среди берез и елей, киоски-магазинчики, ресторан с верандой побежали назад и в разные стороны, а гора стала подвигаться, как бы падать навстречу. И с обеих сторон замелькали расстрепанные макушки кленов и каких-то щетинистых деревьев, дебри обескровленных солнцем кустарников, – трасса, огибая по воздуху скалистые уступы и расщелины, вела

**ВЛАДИМИР
БУТЕНКО**

Проза

к домику верхней станции и к шпилью телебашни, маячившей по ночам разноцветными огнями.

У Светланы, смотревшей в окошко на мимо летящий с ускорением склон, – хотя каменные пласты и валуны, конечно, цепенели на месте, – неожиданно стеснило в груди. «Угроздило Илону назначать randevу! А ты в самое пекло скитайся, – с раздражением подумала она, крепче берясь за столбик-поручень и слыша над головой унылый рокот катящегося по тросу колеса. – Вечером я хотя бы на скамье посидела...» Ее вдруг шатнуло, как если бы пол покосился. И тут же предательски обмякли ноги. Она очень испугалась, не понимая, что с ней, сжала веки, и точно с головой окунулась в мутную горячую воду... «Женщине плохо! Держите, чтоб не упала!» – это восклицание соседки было последним, что уловила, теряя сознание...

– Вдыхайте глубоко! Еще! – донесся мужской голос как будто с небес, и она, вырываясь из небытия, поспешно открыла глаза. И вскрикнула, обнаружив себя в руках огромного небритого верзилы. Его лицо, как и фигуры пассажиров, двоилось, словно бы зрение утратило резкость.

– Пустите меня! Что вы позволяете... – еле шевеля губами, возмущенно вымолвила Светлана не в силах двинуться, оттолкнуть грубияна.

Но голос ее у стоящей рядом осанистой дамы, с подсиненными волосами, вызвал лишь укоризненную усмешку:

– Ну, и напугали вы нас! Белая как стена – и падает... Спасибо, мужчина подхватил...

– Глубже вдох! – с вежливой настойчивостью твердил этот незнакомец, ослабив, однако, объятья. – Не волнуйтесь, я – врач. Вы слышите меня?

– Да, вроде бы...

– У кого есть вода? Или сок? – громко обратился он к пассажирам. Миловидная девушка протянула бутылочку «спрайта». Светлана выпила ее крупными глотками.

– Еще минута – и будем на месте. Что с вами? Перегрелись? Или не в ладах с высотой?

– Не знаю... Жарко очень! – Светлана, придя в себя, постаралась встать ровно, выпрямиться. – У меня пониженное давление. А высота не причем. Мы с дочкой на Колесе обозрения...

– Я подставлю ладонь, а вы упирайтесь в нее затылком, давите крепче!

Она напряглась, качнулась назад, перевела дыхание. Точно туман упал с глаз, и она вблизи рассмотрела доктора. Первым впечатлением было, что перед ней преогромный ежик. На вытянутом, заросшем недельной щетиной лице выпирал заостренный, как у зверька, нос, темные глаза под надбровными дугами казались колючими и насмешливыми, и, вдобавок ко всему, на голове щетинились, серебрясь, темные волосы. И вместе с тем, этот рослый господин, в широких фирменных шортах и «барселонской» сорочке с красно-синими продольными полосами, выглядел вполне располагающе.

– Мне лучше, – слабо улыбулась Светлана и поспешно взялась за поручень.

Между тем «ладья» сбавила ход. Близ «причала» притормозила, останавливаясь, и в открытую форточку хлынул ветерок. Светлана обратила к нему лицо, – стало легче. Пассажиры оживленно загомонили. Проводник двумя руками раздвинул двери (уже с другой стороны), и Светлана первой оказалась у бетонированного «пяточка». Преодолевая скованность, ступила ногами на твердь и поднялась по лестнице. От кафешек к новоприбывшим кинулись фотографии. Светлана, подстав-

ля лицо ветру, свернула вправо, к смотровой площадке.

Силы возвращались, – и тревога в душе меркла. Захватило дух от поднебесной панорамы Кавказского хребта, от зубчатой линии уходящих вдаль гор, едва проступающих в знойной лиловато-синей дымке, – особняком на широкой опоре стоял окутанный облачной накидкой Эльбрус, похожий на громадную альпинистскую палатку, подпертую двумя палками. А в подгорье, словно на макетном столе, открылся вид размашистого города, пестрота домов-кубиков и высотных зданий, зеленовато-серый разлив древесных насаждений, за ним – голубоватая туфелька озера, а внизу, у горной подошвы, – извилистая струна Подкумка, с серебряными застругами перекатов.

– Красотища?

Светлана, узнав голос, оглянулась. «Ёжик», в светозащитных очках, с лоснящимся от пота лицом, стоял сзади в напряженной позе, точно телохранитель из боевика. Она, улыбнувшись, тоже опустила на глаза свои вздетые поверх бейсболки фирменные «Версаче», кивнула:

– Здорово! Всё это было много веков до нас и останется после...

– Вы так думаете? – иронично переспросил он. – Конечно, не Рио-де-Жанейро, но... Занимательно! Всего тысяча метров над уровнем моря... Как себя чувствуете?

– Отлично. Спа-си-бо большое! – с подчеркнутой любезностью отозвалась Светлана, скорей, по привычке, как делала, чтобы отвязаться от назойливых ухажеров. А между тем ее пошатывало.

«Ёжик» насмешливо фыркнул, заметив, что Светлана собирается уйти.

– Извините, но – долг. Клятва Гиппократата, так сказать, обязывает. Позвольте ручку. Мне, мадам, необходимо проверить ваш пульс.

Это напористое требование она восприняла настороженно, заподозрив, что никакой это не доктор, а искатель приключений, ловкий, находчивый, на ходу сочиняющий бабник.

– Ой, не надо! – довольно резко отказалась она. – Нет необходимости утруждать вас. Я чувствую себя, как космонавт. Еще раз благодарю.

– Ein Moment! – хмурясь, воскликнул «лже-лекарь» и шагнул к ней. Движением плеча он подал вперед висевшую на ремешке сумку, запустил в нее свою длинную ладонь. – Возьмите. Это моя визитка.

– Мне неловко, честное слово! Не такая я хилая... – уже с отчуждением возразила Светлана, убирая в сумку, где были айфон и деньги, перламутровую картонку. – Всего доброго!

– И вот что! Я бы рекомендовал вам обследоваться. С аритмией не шутят.

Светлана, удерживая на лице прежнее недоверчивое выражение, – заметила его разочарование (губы угрюмо сжались) – и двинулась по косогору, заросшему разнотравьем, к столбам с дощечками-указателями, на которых значилось расстояние до городов. Над пожухлыми цветами пропархивали бабочки и шустрые горные пчелы. Светлана вновь вздернула очки над козырьком. С этого места открывался простор на восток. Распахивалась степь, исполосованная дорогами, лесополосами, в черных полянах пашен, с золотистыми полями подсолнечника; еще дальше, в знойном августовском мареве проступали очертания станицы. В небе висел единственный клочок облака. И почему-то возникло ощущение, что смотрит она в иллюминатор самолета...

– Нашли свой город? – грянул за спиной знакомый голос.

– Его здесь нет. Наш таежный поселок не велик, – ответила Светлана, не поворачивая головы.

– А мой есть!

Больше она не отозвалась и долго простояла, отгоняя навязчивые сомнения, – то ли он, действительно, врач и тревожится о ее здоровье, то ли «Кобелино» из анекдота. Когда же обернулась, – никого рядом уже не было.

2

Несмотря на высоту, и здесь ощущался зной. Светлана, поправив желтенькую, под цвет майки, бейсболку, и собранные на затылке волосы, внимательно огляделась. Две лавки под молодыми пихтами были заняты. Оставалось либо подняться на второй этаж домика, на котором красовалась вывеска кафе, чтобы природой любоваться под защитой кондиционера, либо спуститься по асфальту вглубь леса. Ей попросту захотелось побыть одной.

Привядшие кроны ясеней, дубков, диких яблонь вдоль обочин не укрывали от лучей. Светлана ускорила шаг. За поворотом, у высоченных елей показалось здание. Площадка кафе ютилась под раскидистыми лапами. Лишь за одним из столиков, в отдалении, сидела парочка. Светлана выбрала место в противоположном конце. Здесь было уютно и не так жарко. Почти у ног, за каменным парапетом, уходил вниз склон, благодаря чему открывались степные горизонты, небо и величавый Бештау. Правда, видны были лишь три его вершины, в участках леса, в песочных проплешинах и синеватом отблеске скал. Она сдернула очки и бейсболку,

повесив ее на спинку стула. Стащила резинку, скрепляющую волосы, и растрепала их, укладывая на плечах. Посмотрела вдаль. И вновь нашла схожесть с тем, как если бы смотрела на землю с высоты, в окно авиалайнера...

Послезавтра она покидала Пятигорск. И эта двухнедельная жизнь по расписанию, – с определенным временем приема пищи и хождениями к минеральному источнику на «водопой», посещениями врачей и процедурами, с дискотеками и автобусными экскурсиями по Кавказу, с постоянно обновляющимся составом отдыхающих и бесконечной женской болтовней о болезнях, способах похудения и омоложении, – вся эта добровольная кутерьма завершилась. И слава богу! Не осталось терпения переносить изнурительную жару, которым, казалось, с преизбытком запаслась на своем дальнем Севере. Восемь часов лета, с пересадками в Москве и Сургуте, и она – в своем поселке нефтяников, возведенном близ скважин в глухой тайге. «Светланка, у нас тут такое творится, – караул! – прислала вчера сообщение по интернету Ванда. – Снежный буран вторые сутки...» Но вместе с тем она уже привыкла к беззаботности, умиротворяющему курортному бытию, хотя ничем особенным пребывание здесь не отмечено. Разве знакомством с адвокатом из Подмосковья, красавцем под пятьдесят? Ей нравились мужчины такого типа: черноволосые, смуглые, с мужественными чертами лица, – похожие на Антонио Бандераса. Однако, как в песне, «встреча была коротка...» Непривыкший церемониться с женщинами, этот щеголь, пригласив в ресторан, стал там держаться повелителем. Прежде всего, потребовал сертификаты вин, обстоятельно обсуждал с метрдотелем, каковы их достоинства. Наконец для «дамы» выбрал бутылку сравнительно дешевого белого

«Токая». Венгерское вино, на самом деле, оказалось чудесным, с мускатным привкусом. Черногривый донжуан, то и дело повторявший: «Я, как уважаемый человек», – частил с тостами, выказывая не только страсть к болтовне, но и умение шутить с утонченным цинизмом. Полный невежда в искусстве, он быстро ей надоел. К тому же, обошелся только закусками. И надо было сразу уйти. Она же из-за деликатности тянула, да еще и согласилась посмотреть, как устроился «уважаемый человек». А в его одноместном номере, под стать водевилям, оказалась... внезапно приехавшая жена, особа весьма дородная. Римский профиль красавца и броневой кулак ревнивицы встретились на лету. С разбитым носом, матерясь, «изменник» кинулся под кран, а Светлана – к выходу, слыша ругань. В таких случаях объяснения, конечно, бессмысленны...

С улыбкой к столику подпорхнула молоденькая блондинка, подала меню в толстой обложке, похожей на наградные папки. Еловая ветка, свисающая за ее головой, походила на шляпку.

– Мне двойной «эспрессо». Он у вас зерновой? – уточнила Светлана.

– Конечно! А еще есть интересные салатки, – кокетливо добавила официантка. – И шашлычок очень вкусный! Много чего...

Светлана перевела взгляд в солнечное подстепье, ощущая, как славно здесь, в затененной тишине. И настроение улучшилось, и мысли обретали ясность и значимость, и всем проблемам, верилось, найдется решение ...

В музыкальной школе, где она была завучем и вела класс фортепиано, конечно, уже составляют расписание, и директор, Эдуард Моисеевич, бывший флейтист «Мариинки», нервничает, что рядом нет помощницы. Как всякий пожилой, хвативший

лиха человек, он, где надо и не надо, суетится, брюзжит, горячится. За неделю до начала учебного года она, Светлана Леонидовна, займет место за своим столом и, выслушав педагогов, уже в четырнадцатый раз постарается учесть просьбы и всех примирить. Хотя, разумеется, недовольные окажутся...

Кофе оказался скверным, сваренным в турке. И наверняка – из переваренной, много раз использованной бурды. Светлана сделала несколько глотков и отставила чашку. Во рту приторно горчило. Она с трудом подавила праведное возмущение.

– Девушка!

Официантка подошла, вопросительно округлив глаза, хотя по интонации клиентки наверняка поняла ее недовольство.

– Вы принесли отраву. Сварите, пожалуйста, настоящий кофе!

– Что вы кричите? – обиделась плутовка, преобразаясь и кривя напомаженные малиновые губы. – Другие хвалят, а вам, женщина, не угодишь.

Между тем, играя глазками, она цапнула чашку и быстро унесла. «Денечек! – взгрустнулось Светлане. – То в обморок бросило, то поило подсунули. Остается, чтобы на обратном пути вагончик с орлом столкнулся!» Она вспомнила о визитке и с любопытством достала ее. На перламутровом поле значилось: «Мефодий Андреевич Ладыгин. Кардиохирург. Доктор медицинских наук. Профессор. Член международной ассоциации...» Ниже более мелким почерком указывался номер телефона и адрес кардиологического Центра в Санкт-Петербурге.

– Ого! – не сдержала Светлана удивления. – Круто.

И сожаление за свой ненужный гонор ворохнулось в душе. И почему-то остро отозвалось чувство одиночества, – эта подкатывающая исподволь, не-

изъяснимая жалость к себе, что многое сложилось в жизни иначе, не так, как надеялась...

Она рано вышла замуж, еще учась в новосибирской консерватории. Была обоюдная любовь, как будто predetermined служением музыке и скрепленная ею навек. Но продлилась эта идиллия всего три года, до рождения Аленки. Дмитрий, любимый и импозантный супруг, с букетом бордовых роз встретил в роддоме, а вечером объявил, что переселяется к матери, поскольку плач малышки будет вредить творчеству, разучиванию скрипичных партий. Полгода он навещал семью, изредка оставался ночевать. А когда Светлана с дочуркой из-за безденежья перебралась со съемной квартиры к своим родителям, подал на развод. И вскоре выгодно женился...

И это было только первым предательством, вступительным аккордом диссонансной жизненной симфонии. В год обвала рубля, в правление «царя-демократа Бориса», когда месяцами задерживались зарплаты и пенсии, а цены росли как на дрожжах, умерла бабушка Зина. Инсульт разбил отца, превратив его, тренера по лыжному спорту, в неподвижного калеку. Даже теперь было мучительно вспомнить об унижениях, которые познала в девяностые годы. Мама работала инженером в КБ, получая в месяц «деревянными рублями» – миллион. Такой суммы тогда хватало, чтобы купить в культмаге резиновую лодку. Светлана помнила это потому, что отцовскую «Омегу», уже не новую, сторговали соседу дешевле. И приходилось им на пару мыть по вечерам офисы и магазины, подъезды и туалеты, чтобы хватало «гайдаровских деньжат» на хлеб и продукты, коммунальные услуги и лекарства.

Каждый день с одиннадцати, кроме воскресенья, Светлана спешила на репетиции филармони-

ческого оркестра. Оттуда ехала на автобусе и метро, с тремя пересадками, на окраину Новосибирска, в музыкальную школу, куда устроилась на полставки. А после уроков – в детсад за дочкой, затем домой, чтобы поужинать перед вечерней «сменой». Сил и времени ей, двадцатипятилетней, тогда хватало на всё, за исключением личной жизни. И вот однажды в риэлторское агентство нагрянул, несмотря на поздний час, его владелец. Элегантный мужчина средних лет крайне удивился, что у него в офисе орудует шваброй «такая хорошенькая девушка», поскольку договор заключал с ее матерью. Он подробно расспросил Светлану о семейном и материальном положении, загорелся глазами и – предложил работу секретаря-референта, назначив оклад, превышающий ее общий месячный заработок.

Светлана с юности пользовалась у мужчин успехом, как аксиому затвердила, что красива и имеет, благодаря этому, преимущество перед другими женщинами. И, предвидя, что рано или поздно станет любовницей шефа (это как бы общепринято и воспринимается в качестве дополнительной нагрузки), была вынуждена из-за тяжелой болезни отца и других трудностей в семье дать согласие. Пока осваивала документацию, знакомилась с партнерами агентства и надзорными органами, Владимир Геннадьевич вел себя корректно. Окончив курс секретарей, Светлана со свойственной ей сметкой легко «влилась в коллектив». День ото дня шеф становился доверчивей. Несколько раз в офис наведывалась его супруга, юркая, молодящаяся, точно травести на сцене, коротко подстриженная дурнушка. Она внимательно рассмотрела Светлану, поговорила с ней и, очевидно, одобрила выбор благоверного. А он, между тем, целенаправленно приручал секретаршу, делился впечатлениями, дарил

подарки. И когда градус взаимоотношений поднялся до нужной близости, отправился с ней в соседний город. Разумеется, командировка была надуманной. И в первый же вечер, явившись в ее номер с шампанским, признался, что «влюблен по уши», стал сулить горы и обещать развестись с женой...

Поездки, впрочем, были редки. «Рандеву» обычно случались на даче или в кабинете шефа. При этом она сразу пресекала эротические фантазии Владимира Геннадьевича, посоветовав экспериментами заниматься с собственной женой. Будни чередовались праздниками. И первоначальное чувство самоосуждения за связь с женатым мужчиной вспоминалось всё реже, сменилось привычкой, – разве мало женщин в ее положении? Более того, она начинала привязываться к «Володюшке», как называла его вне работы, скучать и как будто даже любить...

Цены на недвижимость росли, особенно в столице. И шеф надумал покорить Москву, хотя конъюнктура в городе была устойчива. Бес, видимо, обуял! Он без конца твердил о проектах, выгодах и рисках, о взятках московским муниципалам, о желательной поддержке криминальных «авторитетов», о баснословной прибыли. Но дела, по всему, в Белокаменной застопорились. И на третий раз он настоял, чтобы с ним поехала и Светлана. Поселились в элитной гостинице, вечер провели в ресторане. А когда вернулись в номер, то увидели в нем гостей, двух небрежно одетых мужчин, напоминающих эзков. Вели они себя вызывающе. Были пьяны, и при появлении хозяев тотчас выставили бутылку водки, потребовали, чтобы «братан Вован», как окрестили подельника, «сбегал за закусью». И тот засуетился, на ходу бросил Светлане, что «только спустится в буфет». Когда за ним запер дверь один

из «братков» и, войдя в комнату, показал Светлане ключ, она похолодела. «Слушай, а ты, в натуре, по кайфу. Командир твой смотался. Вся ночь – наша!» – по-блатному, с радостным запалом цедил этот с отвисшей губой зверь. А второй, разя перегаром, принялся расстегивать ремень...

Точно слыша за спиной голос, подсказавший ей выход, Светлана попросила сигарету, хотя никогда не курила. Затем взяла со столика зажигалку и, хмельно пошатываясь, направилась в ванную. Там, запершись, убедилась, что глазок противопожарной сигнализации помигивает, и с сухого конца подожгла полотенце. Огонь занялся, комнатенка постепенно наполнилась дымом. Его не сразу учуяли «гости». Бросились выбивать дверь ванной, но за малым не успели, – безотказно сработал датчик. Взвыла сирена. Дежурная по этажу и какие-то люди появились в номере вовремя, когда Светлане уже стало трудно дышать...

Так свершилось второе предательство. С тех пор Светлана возненавидела гостиницы. И, вернувшись в свой город, не смогла быстро побороть депрессию. А суть ее была в том, что целых два года провела точно в плену, не в ладу со своей совестью. Понимала и прежде, что зависит от низкого человека, готового на любую подлость, но – всё ждала, ломала себя. И то, что случилось в Москве, – перст божий. Она как будто очнулась, ощутив себя забрызганной грязью. И захотелось вымыться, отринуть эти годы. Светлану во многом изменили те дни прозрения, и – жизнь повернулась к ней неведомой прежде стороной, побудив действовать. И она решила уехать. Благо, двоюродная сестра Ванда, служившая в администрации таежного поселка, приглашала к себе, обещая хорошо оплачиваемую работу и казенную

квартиру. И Светлана строила планы, что всё начнет с белого листа.

Но вот поселилась она в тайге, сработалась с коллегами в школе и доме культуры, обрела подруг. Оставалось только познакомиться с достойным кандидатом в мужья. Но немногочисленное население поселка, в основном, составляли мужики из вахтовых смен, «женихи на час». Надежда рухнула – и в личной жизни повторилось то же самое, – стала любовницей тренера по каратэ, отца троих детей. И эта вялотекущая связь тянулась, тянулась несколько лет..

– Ваш заказ, – сквозь зубы бросила официантка, ставя на столик чашку с блюдцем.

– О! Даже блюдечко. Благодарю, – с сарказмом похвалила Светлана, и только сейчас обнаружила, что держит в руке радужно поблескивающую визитку...

3

Мефодий неспроста досадовал на себя. Надо же, встретить у кассы такую привлекательную женщину, оказаться рядом с ней в вагончике, получить шанс сблизиться, представ в роли врача «неотложки», и – так бездарно расстаться! Что-то было в ней необъяснимое. «Ну да ладно! – смирял он свой пыл. – Видимо, у мадам завышенные требования». Однако при мысли о том, что о его визитке, – знаке внимания профессора, – мечтают десятки людей, а эта красотка сунула ее в сумку и ушла без единого слова, вновь разгоралось самолюбие...

Потягивая холодное баварское пиво в кафе на втором этаже, Мефодий созерцал в широкое окно взгорье и окрестные долины. Он фанатически лю-

бил лыжи, не жалея денег, при первой возможности отправлялся за границу. И сейчас казнил, что теряет время в провинциальной глухомани, никому, в сущности, здесь особенно не нужный. Вспомнились Альпы, Монтженевр, горнолыжный курорт на итальянско-французской границе. Лезвием полоснуло по душе воспоминание о Терезе, о роковом февральском дне...

Убивая время, несколько раз спускался он к посадочной площадке, высматривал, нет ли поблизости его «пациентки». Но она как сквозь землю провалилась! После пива, – чего давно не случилось, – он заказал еще сто граммов виски со льдом. И, захмелев, подойдя к стойке, решил от скуки разыграть бармена.

– Вас как зовут?

– Гамлет.

– Великое имя! Слушайте, между нами... Вы случайно не видели? Минуту назад за окном пролетело существо, вроде пузатенького малыша.

Рослый здоровяк, в светлой сорочке с красной «бабочкой», носатый, длиннолицый, с недоумением вскинул брови:

– Вы о чем?

– Мальчишка с крылышками и луком... – понизил Мефодий голос. – Прямо за окном...

Собеседник напряженно шевельнул ушами, гадая: пьяный перед ним или сумасшедший? И ответил, на всякий случай, уклончиво:

– Мне некогда рассматривать, да. Я на рабочем месте!

– Жаль, что не заметили, – вздохнул Мефодий. – А этот амур выстрелил и попал стрелой в меня.

Только теперь Гамлет догадался, что клиент «заливает». Он неприязненно поморщился:

– Приколы нашего городка?

– Что вы! Слушайте... Если появится красивая женщина в желтой майке, скажите, что ее разыскивает полиция. Пусть ожидает здесь.

– Скажу! – рявкнул сбитый с толку бармен. – Скажу, да...

И всякий раз, когда ускользал вниз вагончик, Мефодий сходил, надеясь на встречу с красавицей. Становилось всё тягостней. Разочарование от приезда на курорт росло. Поддавшись на уговоры Игоря, товарища по аспирантуре, главного врача санатория, он взял отпуск на неделю. Казалось, удалится от дел, отключит смартфон и планшет, укроется в городе, связанном с судьбой Лермонтова, любимого писателя, и ощутит блаженство в долгожданном уединении.

Но смартфон отключить было невозможно, хотя бы потому, что его пациенты проходили реабилитацию, и он контролировал назначения коллег. Несколько раз за день перезванивались они с Игорем, который умудрялся выкраивать часок-другой для встреч с приятелем. За зеленым чаем, который предпочитали оба, вспоминали учебу и круг научных «светил», обсуждали проблемы здравоохранения, возмущаясь убийственным образованием интернов, коррупцией, очевидным ухудшением здоровья нации. С горечью констатировал Мефодий, насколько отстала наша кардиохирургия от германской, израильской, американской. Количество его коллег и профильных клиник в расчете на численность населения у нас ничтожно мало. А квотами в центральные институты пользуются преимущественно избранные, хотя и выделяются кое-какие крохи для простолюдинов. Умирают десятки тысяч людей, которых можно спасти. От этих продолжительных бесед оставался в душах осадок, – и сами они были не ан-

гелами, принимали подношения, варились в котле отлаженной системы наживы, сломать которую, разумеется, им не под силу...

В сауне, где побывали однажды, стол накрыла хорошенькая медсестра. На поощрительный взгляд Игоря, желавшего удружить приятель-холостяку, он лишь устало качнул головой. Неизбыточная память о Терезе мгновенно встал преградой. Рубеж в сорок пять лет был преодолен, и прежние молодечество, азарт, эпикурейство уступили место остылой иронии и сдержанности. Он уже начал уставать после многочасовых операций, не торопился к друзьям в бильярдную, паб или в тренажерный зал, реже встречался с сыном-студентом. Досаждала бессонница, и не раз он порывался бросить эту изматывающую кабалу и уйти из Центра. Устроиться кардиологом в обычную поликлинику. Даже прикидывал, когда на это решится. Но с каждым утром, захватывая и подчиняя, жизнь несла его вперед знакомой, за годы набитой колеи...

Вопреки заблуждениям пациентов, Мефодий не был чудотворцем. Да, весь мир клином сошелся на любимом деле, и по праву считался Ладыгин классным кардиохирургом. Не раз оперировал за рубежом. Однако круговерть планёрок, операций, обходов, консультаций, лекций, руководство диссертантами – этот спрессованный, расписанный по часам режим не давал даже подумать о себе отвлеченно. А еще общественная обуза, участие в симпозиумах и конференциях. Подобно своим сослуживцам, он не замечал текучести времени, перемен в мире, событий, узнавая о них от знакомых или натываясь на информацию в интернете. Поневоле читал не классику, а монографии и научные журналы. И недаром свидания с Терезой укорачивались раз от раза...

Мефодий навек запомнил день, когда впервые увидел жену пациента, пришедшую в палату предоперационной подготовки. Как пошутила Тереза при знакомстве, ее «падре» преподнес советскому народу «подарок» по окончании университета и вернулся на Кубу. Латиноамериканская броская красота, смугловатая кожа, точеная фигура, – разве могло это оставить равнодушным? И Мефодий, оказавшись с ней рядом, задохнулся от изумления. Мелькнула в голове шальная мысль, что будет обладать этой синьорой...

Операционный план по шунтированию, который разработал до мелочей, в ходе проведения усложнился. Пришлось двумя стентами усилить кровоток левого желудочка. Сверх того, выявилась почечная «хроника», и реаниматологи изрядно потрудились, пока стабилизировали давление больного. Муж Терезы, к счастью, быстро пошел на поправку. А когда на третий день назначили в малой дозировке красное сухое вино, он уверовал в Мефодия Андреевича, как в бога! И, дождавшись выписки, пригласил к себе домой, на «пикничок». Два этих противоречивых понятия легко совместились, когда служебный «БМВ» хозяина привез профессора в загородное поместье. Выяснилось, что Эдуард Семенович начал административный взлет еще с «собчаковской» мэрии, занимаясь проблемами ЖКХ, а теперь был «особой, приближенной к губернатору».

Пикник собрал бизнес-элиту. Центром внимания, разумеется, должен был стать «великий хирург и профессор», как представил его владелец усадьбы, сродни царской резиденции. Мефодий не терпел дифирамбов, и неучтиво оборвал тамаду, воротилу автомобильного бизнеса, напомнив, что всё зависит от Бога, – он располагает, а мы лишь предполагаем. С таким утверждением валютные

миллионеры, должно быть, не совсем согласились. Но ведь были они людьми отменной породы, преодолевшими тернии девяностых и – что немало важно – оставшимися в живых, и о присутствии «спасителя» хозяина, коль он сам того хотел, без промедления забыли, играя после застолья в преферанс и уйдя в витиеватость своего многозначительного общения.

А Мефодий, все больше волнуясь, кожей чувствовал присутствие хозяйки. Он следил за ней, замечая, как двигается, разговаривает, улыбается. Тереза была чертовки маняща: в облегающем платье цвета спелой вишни, с асимметричной прической, в ландышевом облачке «парфюма». Гости, женщины исключительно гламурные, уступали ей внешне, и это понимала она сама, и была весела и великодушна. Предлагала напитки, то и дело острила. И наконец «похитила» профессора, уведя на второй этаж. Подвыпившие женщины жаждали танцев. И вытащили Мефодия на середину гостиной, окружили, завихлялись, отдаваясь музыке, – ритмичной, страстной, как будто всё разрешающей. И он, ошалев от суматохи, огромный и неуклюжий слон, тоже «ломал» нечто рок-н-рольное, двигал руками, как поршнями, вертелся туда-сюда, пыхтя и порывивая. Когда зазвучал обволакивающий голос Тони Брекстон, решительно пригласил хозяйку на танец. Она, посмеиваясь, слушала его бред о своих нежных руках, о переполняющем его чувстве преклонения пред ее карибской красотой. И вдруг, прижавшись губами к его щеке, с озорным бесстыдством шепнула: «Извините, а я вас... просто хочу...»

Дома Мефодий обнаружил в подаренном альбоме репродукций белый конверт с банковской пластиковой картой на свое имя. На ней, как обнаружилось, числился ровно миллион рублей...

Через полгода он развелся с женой. Принял это решение – точно в бездну шагнул. Испытанием стало не только расставание с Майей, возненавидевшей его, с сыном-подростком, но и объяснение с престарелой тещей, профессором Шиловской. В обличительной речи она напомнила, как неотесанный деревенский парень, ни рожи, ни кожи, бедный студентик, стал ухлестывать за ее дочкой, однокурсницей, каким был стеснительным, как приглашали они его на ужин, чтобы спасти от голода. Коварный карьерист и хитрец принудил девушку выйти замуж, хотя она, как мать, была категорически против. Он, Ладыгин, не только добился прописки, но и, благодаря ей, профессору, поступил в аспирантуру, устроился в Центр. А теперь, как законченный негодяй, бросает семью...

Мучила совесть, и проблескивало в сознании, что теща во многом права. Да и материально она в значительной мере помогала. Самобичевание прошло отнюдь не сразу, как и привычка поворачивать машину от Центра направо, к прежнему дому. Он купил квартиру в новом микрорайоне, взяв кредит. А обставила ее щедрая подруга, потребовав сделать это в ультимативном тоне. «Я люблю комфорт, – непреклонно заявила она. – Кое-что уже присмотрела. Мы достойны кусочка рая на Земле!»

Тереза, со своим «а ля Фидель» темпераментом, была непредсказуема и на редкость неутомима: в бизнесе, в заграничных путешествиях, в постели, за рулем авто, в застольях, когда все прочие перепивались и раскисали. Порой скупилась до скарденности, порой сорила деньгами. На свидания почти всегда опаздывала, случалось, срывала, но нередко являлась среди ночи и оставалась до утра. Их ро-

ман будет длиться, как казалось обоим, вечность. Неизменно приветливый Эдуард Семенович, как будто ничего не замечал...

Он скоропостижно умер в Лондоне, играя в настольный теннис со студенткой-дочкой от первого брака. И с этого момента жизнь Мефодия, вошедшая в берега некоей определенности, взбурлила половодьем. Между Терезой и бывшей женой покойного, опротестовавшей завещание, разгорелась война за недвижимость и банковские счета. И Мефодию пришлось задействовать своего пациента, влиятельного адвоката, умеющего договариваться с судьями. В конце концов, им удалось отстоять только две третьих наследства.

На радостях Тереза купила дорогуший, усиленный турбиной, «Мерседес». И на пустом утреннем шоссе устроила испытания. «Ага! Есть!» – возликовала она, когда стрелка спидометра пересекла отметку «200». «Не дури! И не смей так рисковать!» – строго осадил он. – «Рожденной летать – ползать не пристало», – ответила она высокомерно...

Новый директор Центра не признал профессора Ладыгина. Вероятно, счел своевольным гордецом. В фавориты выбрал покладистых. Конкуренцию и зависть, присущую чиновничьей орде, теперь Мефодий изведать сполна. Он отказался от ставки врача Центра, оставшись только на кафедре. Операций стало меньше, его бесцеремонно «отодвинули», намекнув, что сорок пять для кардиохирурга – глубокая старость. Разумеется, это была чушь. «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет – и выше...», – эти слова Сальери вспомнились нередко. И потому тяготило недовольство собой, постоянство преследующей неудачи. Зато Тереза, заключив контракт с французской косметической корпорацией, раскручивала свою сеть сало-

нов, пропадала за границей. И они мало-помалу стали отвыкать друг от друга.

В конце февраля, взяв краткосрочный отпуск, он отправился во французские Альпы, условившись с Терезой, что там встретятся. В уютный Монтжневр, городок-деревушку, с простенькими отелями и шале, немногочисленный и тихий, он добрался первым, и позвонил Терезе, прося приехать на поезде до Биансона, от которого к нему на такси – четверть часа. Она заупрямилась и решила примчать на арендованном «Ситроене». Каких-то полтыщи верст по отличному шоссе – одно удовольствие! Мефодий, стараясь переубедить, напомнил о преимуществах в зимнюю пору рельсов. Она перевела разговор на другое...

В тот вечер, устав от катания на лыжах, он заварил кофе, ароматом наполнивший шале, маленький деревенский домик, и разгадывал шахматные задачи. Тереза приезжала завтра парижский экспрессом. Когда несколько раз не смог дозвониться до неё, и в ответ не дождался ни сообщения, ни звонка, сердце сжала тревога. Почти всю ночь не смыкал глаз, обдумывая, как связаться с ее партнерами из корпорации. Ранним утром, услышав мелодичный сигнал, он схватил смартфон. Напряженный баритон произнес с акцентом: «Кто здесь? Это переводчик криминаль полисия!» Мефодий машинально назвал себя по-английски. «Ми звонить первый номер рюс мадам, – снова раздалась корявая речь. – Она погибла катастрофа. Авто мадам ударил на большой авто...» Непостижимо, как хватило тогда самообладания расспросить, где это случилось, и каков порядок передачи жертв родственникам...

В шумном Центре-муравейнике, во многомиллионном Петербурге, во всем мире он остался один. Сутками не выходил из Центра, оперируя сам

и становясь у операционного стола ассистентом, – лишь бы спастись от наваждения, преследующего его, когда приходил домой. Чудились шаги, вздохи, шелест платья. Ее кремированный прах, по просьбе племянников, он взял к себе. Урна стояла на подставке для цветов, которую когда-то выбрала она сама. Опасаясь худшего, он стал ночевать в Центре, в своем рабочем кабинете. Больше спастись было негде.

При первой возможности Мефодий выполнил последнюю, столь неожиданную волю Терезы. Прах ее самолетом доставил в Гавану, и там с катера развеял над океаном. Наследство, будучи бездетной, она отписала племянникам. В завещании, представленном нотариусом, о Ладыгине не упоминалось...

День за днем, точно подлодка в пучину, Мефодий всё дальше уходил в глубину одиночества. Он был обычным человеком. Не посещал храмов, но не отрицал существования Высшей силы. Перед операцией произносил: «С Богом!». Без оговорок верил только в свое назначение на Земле – продлевать людям жизнь. Но, как и коллеги, терял пациентов. И до мелочей помнил эти случаи, и переживал состояние исступления, личного горя, когда наступала развязка.

Властный на кафедре и в кардиологическом отделении, Мефодий в уличной толпе как-то терялся, невпопад разговаривал с кассирами супермаркетов, в троллейбусе и метро не отвечал на грубости.

Вот и в этот день всё шло не так...

Когда терпение его иссякло, он вновь прошел на поляну, где видел «мадам» в последний раз. Опять поглазел на дощечки, отыскал надпись с названием северной столицы. «Скука – не работа, можно пережить», – вспомнил он фразу приятеля по Центру. А ради чего скучать?

И вдруг осенило: эта женщина оттягивает час возвращения. Попросту боится подойти к канатке! Или решила спуститься с Машука пешком, как сам это сделал вчера. Значит, надо догнать!

5

Он внезапно увидел ее, – под навесом серебристых еловых ветвей, в открытом кафе, и так осадил шаг, что едва не споткнулся. И она, заметив «ёжика», растерянно опустила чашку.

Пригибаясь, чтобы не задевать головой за колючие лапы, Мефодий прошел к столику. На мгновенье их взгляды, – обостренные, испытующие, взволнованные, – снова встретились. Она, с распущенными теперь волосами, в зеленоватом сумраке, придающем коже оливковый оттенок, а карим глазам – глубину, поразила его своей красотой.

– Присаживайтесь, – прервала Светлана молчание. – Правда, кофе не из лучших. Возьмите минералку.

Мефодий слегка поклонился, смахнул с плеча сумку и сел на пластмассовый стул напротив. Оттого, что оказались вот так близко, оба чувствовали скованность. Ветерок обдавал то горячим духом, то горьковатым запахом хвои.

– Вы сделали правильный выбор, – с неестественной живостью начал Мефодий. – Кофе – оптимальный вариант при вашем состоянии. Вообще, человеческий организм в процессе эволюции приспособился защищаться. Вот, скажем, сколько в такую погоду рекомендуется пить? Расчет индивидуальный. Прежде всего, – до появления пота, а уж затем – понемногу, восполняя водно-солевой баланс. Хуже всего, если человек не потеет... – Мефодий, вдруг поняв, что несет неуместное сей-

час, умолк. – Извините. Я, наверно, кажусь вам занудой.

– Почему? Это полезно знать всем.

– Да... Закажу я себе чаю! В ожидании вас, признаюсь, употребил кое-что.

– В ожидании? – удивилась Светлана.

– Да. Хотел снова увидеть... А что в этом дурного? Вообще, в присутствии вас, черт возьми, ощущаешь себя не в своей тарелке! – воскликнул Мефодий и вздохнул.

Откровение это еще больше удивило Светлану. Но не подала виду. Пригубив чашку, шутливо упрекнула:

– Однако там вы не растерялись! Схватили, как медведь.

– Форс-мажор! А сейчас воспринимаю вас, как знакомую. Пытался даже имя ваше отгадать.

– Мефодий Андреевич, – назвала она его по имени, давая понять, что прочла визитку. – Зовут меня просто. Светланой Леонидовной. А вот у вас – имя редкое. Мне, например, нравится.

– Вы так думаете? Мама назвала в честь деда, погибшего на войне. Вообще, как только не поливали меня в школе и институте! Друзья кличут Мифом.

– Мифом?

– Если хотите, и вы... – в эту минуту мелодическим сигналом отозвался смартфон. Мефодий поспешно достал его из сумки.

– Да. Я вас слушаю. Можно оставить престанс, а из бета-адреноблокаторов – коронал. Вы – рядом, решайте. Что показала биохимия? Сколько в сыворотке магния? – и, продолжая консультацию, отошел к мангалу, где громоздилась поленница. Светлана, запустив руки назад, вновь зажала резинкой свои каштановые, с мелировкой, волосы и встала.

– Вы уходите? – растерянно спросил Мефодий, вернувшись к столику.

– Да, пора в санаторий.

– У меня предложение. Давайте спустимся пешком. Я дорогу знаю. Это около часа.

Светлана, не раздумывая, ответила согласием, но тут же спохватилась:

– А как же ваш чай?

– Воспользуюсь советом. Минералка лучше!

В приподнятом настроении шагая рядом, он украдкой оглядывал ее. Легкие кофейные брючки подчеркивали стройность ног, ладно сочетаясь с открытыми туфельками и желтой майкой. Она, несомненно, обладала хорошим чувством стиля. Во всем угадывалась продуманность женщины, относящейся к себе любовно и взыскательно. Даже стрелки нанесены с таким расчетом, чтобы не выделялись, а лишь обозначили форму крупных миндалевидных глаз. Несомненно, она была тренирована, судя по уверенной и легкой походке.

Шоссе, сделав петлю влево и вниз, потянулось вдоль склона. Его наверняка прорубили давно. И асфальт нанесли еще при советской власти, – ныне в трещинах и выбоинах. Тогда этот «серпантин» служил для проезда к телевышке технарей. А теперь суются, кому не лень, – «обслуга» кафе и киосков, «крутые», власть предержащие, туристы. Пока шли, пришлось не раз сторониться от микроавтобусов и внедорожников.

Машук громоздился слева, за деревьями, устремленными ввысь. А с правой стороны зияли спуски и балки, провалы, тоже в чащобе, в непроходимом молодом подседе. Лесная сумрачность благостно умиротворяла. Идти под горку было приятно, и не покидало Мефодия ощущение, что они всё время прибавляют шаг.

– Не слишком ли быстро? – осведомился он, взглянув на Светлану.

– Я – бывшая лыжница. И, честно говоря, никогда на сердце не жаловалась.

– Необходимо знать реальную ситуацию. Одной кардиограммы мало. Существуют современные методы обследования. Нужно проверить щитовидку. Гормоны. Кроме того...

– Я на прием не записывалась! – с усмешкой возразила Светлана. – Давайте о более приятном.

– Извините. Сам не люблю поучений. Видно, и меня жара достала! – повинился Мефодий и, помолчав, доверительно спросил: – Кем вы работаете, если не тайна?

– Преподаю музыку и руковожу в доме культуры хором. Пианистка. Или, как говорит знакомая, – пианист. Дескать, Цветаева называла себя поэтом. А, по-моему, глупо говорить о себе в мужском роде.

– Вы замужем?

– Была. Дочери двадцать один. Учится на фило-софском факультете. В вашем городе.

– Ай да умница! Такой дочерью надо гордиться.

– Я и горжусь.

– Наверно, в вас? – воскликнул Мефодий, не скрывая полыхнувшей в душе радости. – Значит, бываете в Питере? Отлично! А мой оболтус на год старше. Бросил юрфак на четвертом курсе. В ночном клубе – ди-джеем... Я живу один. Встречаемся с ним редко. К сожалению. Норовом удался в свою маму. Надеюсь, осенью призовут в армию, чтобы мужчиной стал....

Несколько минут шли, глядя по сторонам, невзначай отдаленные напоминанием о прошлом. Ни одного птичьего голоса не слышалось в лесу. Стволы грабов, буков, черноклена (их название поведал

Мефодий) росли в наклон, как бы валясь и мешая друг другу, только вверху соединяясь макушками. А дубы вольготно топырили ветки, красовались своей мощью. К ним жались кустарники – орешник, бузина, бересклет. Ощущался легкий запах прели и листвы. На заповедных участках виднелись перистые веточки рододендронов. Близ поворотов подступали пласты камней, слоистой сланцевой породы. Шоссе виляло, выравнивалось, снова ныряло за поворот, кое-где вместо асфальта смыкались бетонные плиты. Только однажды, на полдороге, встретила дощатая лавка.

Присели, ощущая себя вполне туристами. Мефодий не мог побороть волнение, знакомясь всё ближе с женщиной, о существовании которой не ведал до сегодняшнего дня. Она сидела рядом, расслабленно смотрела куда-то в просвет деревьев, на причудливые кружева ветвей и светотени. «Что значит – момент. В вагончике держал в объятиях, а сейчас не имею права даже прикоснуться к ней», – подумал с затаенной улыбкой.

– Давайте выпьем за знакомство! – предложил Мефодий и выставил из сумки бутылку нарзана, два пластиковых стаканчика.

– Не откажусь.

Они чокнулись и не спеша, с наслаждением стали отхлебывать прохладную водичку.

– Вы в каком санатории? Надолго здесь? – заинтересовался Мефодий, уже не скрывая своего пристального взгляда.

– В имени Лермонтова. Через день улетаю.

Он ошеломленно застыл, как человек, обретший несметное богатство и вмиг потерявший его. Значит, не судьба... Впрочем, и ему осталось коротать всего три дня...

– Его Величество – случай, – проговорил он раздумчиво. – Помните, у Евтушенко: «Ко мне мой старый друг не ходит, а ходят в праздной суете разнообразные не те...». Очень трудно встретить людей, которые тебе нужны. Тех, кто близок по духу, по мироощущению.

– Чтобы оценить человека, необходимо знать его, хотя бы несколько лет. Но и это не гарантирует от заблуждения.

– Иногда понимаешь это сразу. Узнать, значит, – понять.

– Возможно. А я не верю в любовь с первого взгляда.

– Что ж, тогда выпьем за то, чтобы у вас это сбылось! – и Мефодий снова разлил минералку.

Вскоре Светлана поднялась. Мефодий спрятал пустую посуду в сумку и поплелся следом. Сбитый с толку ее признанием, он не мог придумать, что сказать столь убедительное, чтобы Светлана всерьез, – как он сам, – отнеслась к их знакомству. После гибели Терезы он почти утратил интерес к женщинам. А сейчас терял голову! И не только любовался ею, но ощущал потребность рассказать о своем сокровенном, волнующем ...

– Можно спросить, как у хирурга? – обратилось Светлана, приостанавливаясь. – Если бы дуэль состоялась в наши дни, спасли бы Лермонтова?

– Когда-то я читал об этом. Помнится, раневой канал затронул всю брюшную полость. Есть версия, что в него выстрелили из-за куста. А какой смысл гадать? Хирургия – дело сугубо конкретное. Хотя, конечно, разница между той медициной, и нынешней – несоизмерима.

– Да, ученые в разных науках достигли высот. В генетике, космонавтике. Гаджеты ломают тра-

диции и поведение людей. А в искусстве – упадок, примитивизм. В науке принцип: сегодня лучше, чем вчера. А в искусстве наоборот: сегодня хуже, чем вчера. Ничего лучшего по сравнению с минувшими веками. Как думаете, почему?

– Мы, однако, далеко зашли в разговоре... – усмехнулся Мефодий. – По-моему, корень всего – в безверии. Я, как врач, убеждаюсь в печальной истине: жизнь утрачивает ценность. Если нет бога, потусторонней жизни, – то здесь и сейчас изведай все блага! Прежде европейцев держало в нравственной узде христианство. Литература и искусство достигли пика в эпоху владычества церкви, в Средневековье, в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Мы же – материалисты-потребители. Берем, не отдавая. Нас так же манят богатства, положение, слава. Одни чудаки еще надеются, что можно мир усовершенствовать. Много раз пытались – не получилось. Только любовь озаряет жизнь смыслом. Извините за пафос... – Мефодий прервал речь и, улыбаясь, напористо спросил: – Вы свободны вечером?

– А у вас есть предложение?

– Хочу пригласить в ресторан. Я приеду на закате. Ровно в двадцать. У главного входа.

Светлана, видимо, вспомнив о чем-то, тоже улыбнулась. И потеплевшим, глубоким взглядом, без слов, дала понять, что не отказывается.

Между тем они уже спустились по ответвлению шоссе к первым строениям, откуда рукой было подать до верхней станции канатки и до санатория имени Лермонтова. На прощанье он набрал в смартфоне ее мобильный номер, ставший самым ценным на свете. А Светлана протянула руку, – и в жесте этом, плавном и несуетном, открылось Мефодию, что не безразличен ей...

– Ну ты, мать, и чудишь! – встретила Илона недоуменным возгласом. – Почему не явилась на ужин?

– Боялась вам помешать, – парировала Светлана.

– Не переоценивай моего Жорика. Чирикнул и – улетел. Наверно, уже в Ставрополе. Где загуляла?

– На Машуке. Представь себе, с мужчиной.

– Вау! Подцепила? Кого? – от удивления фигуристая Илона подпрыгнула на кровати. – Симпатичный?

– Тайна мадридского двора. А то отобьешь. Тебе и так мужчины проходу не дают, – отшучивалась Светлана, раздеваясь и торопясь в ванную.

Илона, расставшись с любовником, солидным работником прокуратуры, навещающим ее в санатории каждую неделю, не преминула нарядиться и отужинать в столовой. В ожидании приятельницы валялась на постели в обтягивающем ее пышные формы льняном халате и, намазав свое широкое лицо жирной сметаной, подремывала, медленно отпускала блаженную расслабленность, поселившуюся в теле после забав. И, довольная жизнью, была настроена потрепаться, посплетничать. Когда Светлана, закутанная в банное полотенце, появилась в комнате, повторила вопрос:

– Мужик ничего? Красивей обезьяны?

Светлана оглянулась, в глазах мелькнули лукавые искорки. Взяв из своей тумбочки гель для укладки волос, «лореалевский» крем, она снова ушла. Илону это задело. Стараясь не испачкать подушку сметаной, она поднялась, скользнула отечными ступнями в «комнатушки» и вперевалочку подошла к двери ванной. Светлана, сидя на стуль-

чике, поддвигала с помощью фена свои густые, роскошные волосы.

– Чо молчишь? Готовишься к свиданию? – перекрикивая жужжание фена, полюбопытствовала толстушка. – Курортный романчик?

Светлана окончила укладку прядей с одной стороны и выключила фен. Повернула голову. И даже не накрашенная, – в который раз подметила Илона, – походила чертами породистого удлинённого лица, с полными губами, на киноактрису.

– Нет, скорей, антироманчик. Послезавтра уезжаю.

– Так оттянись, мать, по полной. Чтоб было, что вспомнить! Наставь рога своему тупице, чтоб не звонил в шесть утра, забывая о разнице во времени.

Светлана изменилась в лице, напоминая о любовнике, не говоря о фамиллярной интонации, было совершенно некстати. Она снова включила фен. Наконец уразумев, что не вовремя устроила расспросы, Илона, опять плюхнулась на кровать, раскинула руки, чтобы случайно не повернуться набок. Щелкнув пультом, включила телевизор. На российском канале показывали сериал для малоумных. Она так увлеклась, что обратила внимание на сожительницу, лишь ощутив запах дорогих духов. И в упор стала рассматривать Светлану в потрясающем, наверняка фирменном платье зелёного цвета, украшенном светлыми кружевцами, с выкатом на груди и продольном вырезом сзади до бедер, в белых туфлях на шпильке, с висячими низками-сережками из жемчуга. Из того же, пожалуй, набора шею охватывало изящное жемчужное кольцо. Судя по спешке, приятельница опаздывала. В окне цвел закат.

– Ну, мать, ты – бомба! И прическа – супер-пупер. Удлинённый боб? А мне не идет. Если этот «муцин-

ка» отпустит тебя раньше утра, убей его! На тебя олигарх клюнет.

– Придержи язык, дорогая, – искоса посмотрела Светлана, убирая флакончик.

Упоительная сладость устоялась в номере. «Ишь, как старается! – раздраженно наблюдала Илона. – Строила из себя аристократку, этот не такой, другой не сякой. А сейчас хвост подняла, обо всем забыла! Богатая, зараза... Ну, ничего, я Жорика раскручу на платье!»

– Дорогой прикид? Где оторвала?

– В Вене. Фирма «Герри Вебер». Что-то около тысячи евро.

– А губная не соответствует! – уязвила толстушка, снедаемая завистью. – Поменяй.

– Мне лучше знать.

Илона тяжело встала. В «гримерке», как называла ванную, отерла бумажными салфетками лицо. Вышла мрачная, не в настроении.

– Где справедливость? Я, как папа Карло, вкалываю в стоматполиклинике. Сбиваю шабашку. И – бедная по сравнению с тобой! Хоть перебирайся в вашу медвежью берлогу, в приют трех сосен. Муженек мой, журналюга, не обеспечивает. Бойфренд – скупердяй. Вот и приходится, блин, самой устраивать личное счастье. Терпеть Жорика, пока не устрою дочь в прокуратуру. У всех мужиков одно на уме. Все они – козлы!

– Ты кончила психологическую обработку? – прервала ее Светлана, уходя. – Напрасно затевала. Я – сибирячка. Закаленная...

Она миновала просторный холл с колоннами, в котором находился рецепшен с настенными часами, юркнула в стеклянную дверь мимо ахнувшего кавказца, и вышла к калитке, пластиковой картой-ключом открыла ее. На узкой подгорной улочке, где

по-прежнему ощущалась духота, теснились автомобили. В обе стороны влеклись по тротуарам прохожие. Неожиданно из черной «Тойоты», отмахнув дверцу, выбрался с букетом бордовых роз и встал во весь рост Мефодий. Тщательно выбритый, помолодевший, в голубой сорочке и джинсах. Он был непривычен, нов, интересен. Широкими шагами пересек брусчатку, с оторопью глядя на Светлану и протягивая цветы.

– Добрый вечер! Перед вами, черт возьми, хочется стать на колени...

– Спасибо, – сказала она сдержанно, взяв букет. И вдруг призналась. – Я не люблю розы. Только вы не обижайтесь.

Мефодий, по всему, вообще мимо ушей пропустил эту колкость.

– Прошу в машину.

Светлана, осторожно ступая по камням, подошла. Он с особой галантностью распахнул переднюю дверцу.

– Ваша? – спросила она, усаживаясь.

– Товарищ ангажировал.

Несколько минут, подчиняясь голосу, исходящему из навигатора, кружили по кривым, ведущим то вверх, то вниз улицам, пока не выбрались на окраину. Прямой проспект, расцвеченный огнями магазинов, кафе и торговых центров, вел за город.

Медленно угасал южный вечер. Позади, на фоне бронзового неба, громоздились лиловые склоны Бештау, с лысыми вершинами. В салоне, пахнущем морской свежестью, держалась приятная кондиционированная прохлада. Когда шоссе устремилось по эстакаде в темнеющую степь, Светлана вскинула брови:

– Куда мы едем?

– В Пятигорске, – в это трудно поверить, – нет ни одного достойного ресторана. Товарищ посоветовал отдохнуть в «Афинах». Это в Эссентуках. Наше путешествие будет недолгим. Может, музыку?

Чистый звук саксофона, наполнивший салон, заставил Светлану вздрогнуть. Эта была мелодия, которую часто слушал Владимир Геннадьевич. «Везет мне! – нахмурилась Светлана. – Весь день везет! Розы напомнили о муже, а блюз о подонке...» Она встряхнула головой, вежливо попросила:

– А есть что-то другое?

Следующий трек снова оказался неудачным. Сладкоголосый певец вопил: «Всё для тебя! Рассветы и туманы. Для тебя! Моря...»

– Ой, только не это! – воскликнула Светлана. – «Звезды» самодеятельности не по мне.

– Зато вся страна знает, кто это! – скаламбурил Мефодий и выключил плеер.

«Наверно, я капризничая, – вздохнула Светлана. – Пора расслабиться, а то сижу, как гвоздик». Мефодий, скользнув взглядом, замер от подкатившего желания поцеловать ее в обнаженное плечо, подумал: «Она красивей Терезы»...

7

Ресторан, напоминающий фасадом и колоннами Парфенон, в ливне цветных огней, фонариков, рекламных дорожек, показался издали, как только переехали мост через Подкумок. Мраморная лестница вела на второй этаж, – сами собой распахнулись перед ними стеклянные двери, открывая ярко освещенное пространство, – стены, украшенные мозаичными, в греческом стиле панно, бра в виде амфор, столы под златотканными скатертями, пики белоснежных салфеток. Остановились,

высматривая место, и выбрали стол с двумя креслами в углу зала, где в кадучках стоял строй пальм, средиземноморских сосенок и кипарисов. Отодвинув кресло и усадив Светлану, Мефодий подошел к метрдотелю, симпатичной немолодой брюнетке, о чем-то сказал. И едва вернулся к столику, как тут же возник щеголеватый горбоносый официант в беленькой сорочке и расшитом жилете. Улыбаясь, паренек раздал глянцевые книжечки меню, застыл с ручкой и блокнотиком наизготовку. Многие из блюд Светлане были незнакомы. Мефодий со знающим видом пробежал страницы, вскинул голову.

– Пока будем изучать, принесите нам фραπε со льдом.

Официант, с артистическим поворотом, отправился на выполнение задания.

– Что это? – поинтересовалась Светлана.

– Кофе. Может, еще что-то подсказать? Вы предпочитаете мясо, рыбу, морепродукты?

– Нет, мясо в такую жару... Я почему-то не вижу здесь греческого салата, – недоуменно промолвила Светлана. – Все названия мудреные.

– Тогда так. «Хориатики» – это и есть классический салат с «фетой». Очень пикантное блюдо – «Скампи» из креветок с чесночным соусом. Могу посоветовать, сам когда-то ел, кальмаров в сметанном соусе с орехами. Или вот, устрицы, запеченные с апельсинами. Хорош и салат с мидиями... А знаете что, закажем микст из морепродуктов! И еще микст из олив! Побольше зелени...

– Я полностью доверяю вам.

– А вино возьмем испанское. Пожалуй, остановимся на.. – Мефодий проверил еще раз список. – На «Альбариньо». Оно, по-моему, из Галисии. В Испании, как у нас, в разных регионах свои вина. В Кастилии и Наваре – темпранильо, в Андалусии, ко-

нечно, херес. А моей гражданской жене нравилось «Педро хименес». Десертное, из спелого, подвяленного винограда.

Лицо Светланы стало серьезным, она откинулась на спинку кресла. Мефодий почувствовал ее неустойчивое настроение и поспешно договорил.

– Она погибла полгода назад. Вы – первая, с кем я ужинаю с тех пор...

«Благодарю за оказанную честь! – едва не съязвила Светлана, но сдержалась, ощутив в его голосе неподдельную горечь. – Какая же я дура! Он ничем мне не обязан. Это я должна благодарить его!»

– Вы, наверно, объездили всю Европу? – спросила она заинтересованно.

– Да нет. Дважды бывал в Греции, на островах. В Барселоне месяц находился по работе. Вообще-то я – закоренелый горнолыжник. А лучшие трассы, конечно, в Альпах. Так что у нас с вами общая страсть!

– Мне уезжать не нужно. Косогор за поселком. Детвора набьет санками, сноубордами колею, – станюсь на лыжи да езжай. Вокруг кедры, царство снежное. Только морозы мешают. Прошлой зимой доходили до сорока пяти. В школе занятия отменяли, – Светлана смолкла, посмотрела в глубину зала, куда был направлен отрешенный взгляд Мефодия. Там, у банкетного стола, собирались гости.

Официант ловко снял с подноса синие, с мифологическими фигурками, чашки и два стакана с водой. Настроил в блокнотике заказ и – опять же с выкрутасом – удалился в сторону кухни.

Пригубили кофе, исподволь наблюдая друг за другом. И оба взбодрились от его холодка и специфического крепкого аромата. Плавающие кусочки льда не позволяли пить крупными глотками, цокали о фарфоровый край. Светлана ощущала празд-

ничность в душе, как сладко замирает сердце, и полнится тело несказанной легкостью. Она всё заметней поддавалась обаянию этого удивительного человека, хирурга, эрудита. Приятно было замечать, как ненавязчиво он ухаживает, ни на секунду не оставляет без внимания. Её уже тянуло к нему...

Вскоре вихлястый паренек сервировал стол, возведя композицию из отменных блюд, зелени и овощей, и попытался было отточенным движением разлить золотистое вино. Но Мефодий остановил его:

– Пусть бутылка подышит. От этого вкус вина выразительней.

И поднял бокал только через несколько минут, – торжественный, сияющий от непонятной радости, осмелевший.

– Светлана... Я благодарен судьбе за встречу с вами. Почти полгода не покидало меня ощущение, что впереди стена. Уперся – и дальше ходу нет... По-моему, вас послал мне бог, чтобы выбрался из западни. Простите за откровенность... И еще. По-моему, вы очень добры. Не восторгаться вами невысказанно: красотой, жестами, голосом... Вашим именем!

– Вы уж слишком! – зарделась, отрицательно мотнула головой Светлана и опустила глаза.

– За вас!

Они столкнулись бокалами и долго не могли развести взглядов, устремленных друг на друга. Что-то независящее уже от них, обоюдно влекущее, подчинило жуткой и неодолимой силой. Светлана выпила вино до дна с легкомысленной беспечностью, и вовсе не думая, что опьянеет. «Не бойся! Всё хорошо, – точно убеждал ее неведомый голос. – Будь раскрепощена. Не упusti часа!»

Таких яств, конечно, она никогда не отвеживала. С небывалым наслаждением ощущала на зубах упругую плоть устриц и мидий, их пикантный вкус, усиленный соусом и специями; время от времени лакомилась крупными оливками, разными по способу приготовления, отдающими маринадами, особыми травками, горчицей, – и запивала эту вкуснотищу ароматным вином. А рядом не умолкал, волнуя искренней теплотой, голос мужчины, который становился ей всё желанней...

Мефодий, дождавшись подходящей блюзовой фонограммы, за руку вывел Светлану на площадку. Она, оперев локоть на его плечо, с приятным удивлением ощутила твердость мышц, свойственную спортсменам. Да и лапа, распластанная на талии, показалась медвежьей. Не зря там, на Машуке, в шутку сравнила его с косолапым...

– Какое чудо – забыть обо всем на свете, – проговорил он взволнованно. – Так полюбить, что этот человек заслонит прошлое, все беды и жизненную суету...

Она млела в его руках, одурманенная музыкой и вином, и молчала, боясь прервать, спугнуть эту изумительную сказочную быль.

Вернулись за стол, выпили по бокалу (уже из второй бутылки), снова поспешили танцевать. Пленительная и возбужденная, она ласково обняла его за плечи и заглянула в глаза отрешенно-глубоким, оценивающим и вместе с тем поощрительным взглядом.

– Вы божественны! – говорил он, смелая от близких, лоснящихся помадой губ. – Никогда не ощущал подобного счастья...

– И я... Голова кружится...

Ее бормотание опалило огнем, он точно обзумел.

– Вы мне очень, очень нравитесь.

Светлана безмолвно прижалась к его груди, а он, уже не сдерживая себя, опустил голову так, чтобы щекой касаться прядей, ласковых и благоуханных...

Крики, беготня, шум, внезапно умолкнувшая музыка – всё нагрянуло разом, смешалось, неприятно насторожило. Они, постояв в танцевальной позе, разомкнули и опустили руки. «Скорую!» Вызывайте «Скорую!» – пробасил кто-то, следом подняли гвалт женщины. Из-за банкетного стола все выбрались. Вероятно, случилось нечто непредвиденное. Метрдотель и два официанта метались туда-сюда с растерянными лицами. А приглашенные сбились в кружок, склонили головы к полу, точно рассматривая что-то.

– Уважаемые клиенты, есть среди вас медработник?! – зычно обратился к залу усатый официант. – Срочно нужен!

Светлана не успела слова сказать, как голубая сорочка Мефодия исчезла в толпе. Ротозеи задвигались и расступились. И стало видно, как плечистый парень и Мефодий подняли с пола маленького лысенького старичка и положили на освобожденный от посуды край стола. Он, страшно побледневший, был без сознания. Тонкие руки и ноги болтались, как веревки. В разные стороны развернулись большие новые коричневые босоножки. Немолодая, в слезах, женщина, наверно, дочь выхватила изо рта его два съёмных протеза, с зелеными перышками лука. И, припав к посиневшим, запавшим губам старичка стала вдвухать воздух по команде Мефодия, который, выдерживая паузу, делал руками закрытый массаж сердца. Оторванная от банкета публика сгрудилась невдалеке, наблюдая за происходящим. Угрюмые лица, как отметила Светлана, выражали преимущественно не сочувствие, а разочарование,

что прервано веселое и сытое времяпрепровождение. Тот самый плечистый качок, проходя мимо, говорил блондинке в необъятных красных штанах: «Удружил дедок! Какого хрена его пригласили? Мало ли – родственник. Всю малину испортил!»

Мефодий не отходил от несчастного, пока не явился фельдшер «неотложки». Старичок был мертв. Дочь, причитавшую в горе, под руки увели во двор. Метрдотель, официанты и пузатый повар в колпаке стали требовать, чтобы покойника вынесли из ресторана. Однако на их и фельдшера призывы никто не реагировал. Гости мялись, отнекивались, отговаривались, что боятся мертвяков. Только вмешательство разгневанных женщин заставило их сделать простое дело – донести до машины «Скорой помощи» тело человека, веселившегося с ними в застолье...

8

Смерть старика потрясающе подействовала на Светлану. Она с небывалой остротой ощутила всю беспомощность перед временем. И в смятенье вдруг осознала, что не одна в жестоком мире, что рядом Мефодий, – такой сильный и настоящий, с которым так хорошо и надежно...

А он держал в руке наполненный бокал и, покачивая, смотрел на блики, зажигающие вино.

– У медиков есть понятие: парность случаев. За одной неприятностью следует другая. – ровным голосом объяснял он. – Когда мы зашли сюда, закралось предчувствие. Подумал, всякое может быть. Случилось...

– Тебе страшно, когда на твоих глазах умирают?

Мефодий, через стол протянув ручищу, взял ее ладонь в свою.

– Я – хирург. Сделал много-много операций. Проработал уйму лет. И каждый день где-то неподалеку бабка с косой. Всем Центром боремся с ней и отгоняем. Ну, а если серьезно... Выходи за меня замуж!

Она как будто нехотя, осторожно выдернула руку, нахмурилась. Мефодий поставил свой бокал на стол.

– Мы разъедемся. И никогда, наверно, не увидимся снова, – проговорила Светлана, дрогнув голосом. – Я в свою Тьмутаракань, ты – в Питер... Я вполне устроена. Квартира. Неплохая зарплата. Начинать с нуля мне уже поздно, милый Миф! И ты это отлично сознаешь. И я поняла тебя. Ты нашел во мне замену своей погибшей женщине, которую до сих пор любишь.

– Ты не права. Давай не трогать ее! Сейчас есть мы. Ты и я. И говорить должны только о существующем. Мне наплевать, какие у тебя были до меня мужчины. С этого дня ты – моя, единственная, понимаешь?

Светлана взяла бокал, подняла свои прекрасные, блестящие от влажной наволоки глаза.

– Давай выпьем за нас! Правда, когда с тобой, – не страшно и ни о чем не хочется думать...

Торопливо вышли из «Афин», хотя шел только двенадцатый час ночи, и посетителей накануне выступления эротического шоу-балета прибавилось. Официанты были, по обыкновению, улыбкивы. Клавишник азартно наяривал то «Сиртаки», то лезгинку. Никто из новоприбывших ничего не знал о случившемся здесь час назад.

Наконец духота спала, и ночной воздух овеял тонкий запах белого табака, растущего на клумбах. Едва сели в машину, – кинулись друг к другу, дали волю губам и рукам. Когда ночное шоссе оказалось в полной темноте, где-то между городами, она по-

ложила руку на его колено и так впиалась пальцами, что он почувствовал боль от ее ногтей. Круто свернув на второстепенную, совершенно пустую дорогу, Мефодий подальше съехал на обочину. Торопя, с властностью в голосе шепнул:

– Перейдем на заднее сидение...

Глубокой ночью они подъехали к санаторию, где жил Мефодий. И, не замечая ничего вокруг, не давая отчета в действиях, обезумевшие от вина и влюбленности, поднялись в его номер. Откупорили третью бутылку «Альбариньо», купленную в ресторанном баре. Выпили немного. И пошли мыться под душем, дурачась и хохоча, – беспричинным весельем напоминая детей, – окатывали друг друга из распылителя прохладной до дрожи водой, не могли унять объятий...

Их разбудил переливчатый мелодический звук. Светлана, стесняясь своей наготы, встала, юбкой завязала полотенце и достала из сумки айфон.

– Да. Слушаю, – проговорила она глуховатым голосом, не скрывая раздражения. – Конечно, еще спала.

Минуту-другую она терпеливо слушала, не проронив ни слова. Наконец собралась с духом.

– Алексей, прости, я должна тебя огорчить. Нам придется расстаться. Нет, это не блажь. Я встретила мужчину... Да, представь, в предпоследний день. Какая тебе разница, кто он? Да, у нас уже всё было... Что-о? – вскрикнула Светлана и отключила айфон. Тут же внесла номер звонившего в «черный список». Видимо, его последняя реплика была оскорбительной. Повернувшись к их ложу, встретила устремленный на нее, восторженный взгляд Мефодия.

– Ну вот, мосты сожжены, – сказала со вздохом. – Теперь я совершенно одна.

– Теперь ты – совершенно моя, – поправил Мефодий. – Наверно, это лучше. Рубить, так сплеча... Я не верю глазам, неужели это сон? Ты, самая красивая на свете женщина, со мной рядом...

– Сон, это сон! – жалобно пробормотала Светлана, юркнув под простынь. – Жутко хочу спать. Не приставай, пожалуйста...

Уснула она мгновенно.

И промелькнул день, который разделили на двоих, и промелькнула ночь пред их расставанием.

В Минеральные Воды вез в полуденную пору на знакомой «Тойоте» водитель Игоря, молчаливый и серьезный пенсионер. Они сидели на заднем сидении, донельзя уставшие, измотанные утехами, опустошенные. В присутствии чужого человека молчали, смотрели по сторонам. Мефодий ласково поглаживал пальцы ее руки, с ярким красным маникюром. Такого же цвета была и кофточка, и две заколки, скрепившие волосы, и летние кроссовки. И особенно молодила Светлану белая расклешенная юбка, высоко открывающая ноги. В этой одежде предстала она еще привлекательней, чем прежде, и выглядела лет на тридцать пять. Ни жену, ни Терезу он никогда не ревновал, и думал, что эта одурь ему чужда. А сейчас завидовал тем, кто будет сидеть с ней в самолете, общаться, стараясь установить отношения. Завидовал мужчинам, кто ежедневно встречает ее в таежном поселке. «Где любовь, там и ревность, – вспомнил он чье-то поучение. – Хотя какой в этом прок?»

В небольшом зале вылета, с раздвижными стеклянными дверьми, как в ресторане, уже шла регистрация билетов на рейс в Москву. Мефодий, кативший большой чемодан, и Светлана встали в хвост очереди. Как все, кто оправляется в дорогу, она была несколько отчужденна, поглядывала по

сторонам и всякий раз, когда вновь ловила его сосредоточенный взгляд, подбадривала:

– Не грусти.

А у самой подрагивала нижняя губа.

После того, как сдали багаж и поднялись на второй этаж, ожидая приглашения в «накопитель», Мефодий, возбужденный и грустный, старался отвлечь ее разговором.

– Я по приезде сразу займусь квартирой. В любом случае нам нужна четырехкомнатная. Аленка и так в Питере, потом заберем твою маму. А к Новому году напоследок приедешь и ты. Распишемся тридцать первого декабря! Как идея? А наутро махнем в Альпы. Пожалуй, в Валь-ди-Фассу. Доберемся туда через Милан или Инсбрук. Природа нетронутая, изумительная! Много «синих трасс» для новичков. Хотя вдвоем сможем кататься и на «красных».

– Слушай, я улетаю! – сукором напомнила Светлана и припала плечом к его груди. – Мне тебя будет очень не хватать...

– Останься. Соверши подвиг!

– Нет. Это называется иначе. Подвести людей, которые ждут. Сорвать занятия в школе.

– Когда я учился в нашей вятской деревне, физику вел механизатор широкого профиля. И тебе найдется замена.

– Музыку вести он не смог бы! – возразила Светлана и понизила голос. – Вот так всегда... Хочется сказать о самом важном, – несешь как назло околесицу... Спасибо за всё! За то, что ты есть.

– Во сколько самолет из Москвы?

– В час сорок ночи. Придется в «Шереметьево» куковать целый вечер. Но лучше – заранее. Научена горьким сибирским опытом.

– Погоди, ты так и не ответила! Когда свадьба?

– Наша? Об этом рано... Звони. Мне нужно слышать голос.

С замиранием в душе, он обнял и поцеловал Светлану в последний раз, сбивчиво пожелал удачного полета и божьей помощи. Она с белой сумкой на плече и цветастым полиэтиленовым пакетом, резко повернулась, порывистой походкой устремилась к двери служебного помещения, плеча подолом юбки. И ни разу не обернулась, не взмахнула рукой, пока преодолела этот путь, – вдоль огражденного прохода, мимо контролера, расплывшегося навстречу ей в улыбке, по затемненному вестибюлю. И когда пропала из виду, с недоумением и даже обидой Мефодий задался вопросом: почему она спешила? Откуда такое хладнокровие? Может, наскучил ей, и даже не осталось желания оглянуться?

А причина была в другом.

Слезы навернулись у Светланы, как только сделала первый уходящий шаг, и стали жечь, и захотелось скорей укрыться от этой тройной муки – слепящей боли в глазах, разлучной печали и опасения, что слезами расстроит его. В «накопителе» повернулась лицом к стене и, достав из сумки остро заглаженный платочек, стала промокать глаза и катящиеся по лицу капли, удивляясь, почему такие крупные. Сумасшедшая мысль вернуться назад, отказать от полета, придумать что-то убедительное, задержаться хотя бы на денек, пронзила сознание. И она даже посмотрела на дверь, не скрывая от любопытных взглядов лицо, испачканное тушью. Но, отрезвляя и заставляя подчиниться общему движению, толпа повалила к подъехавшему автобусу. И, пока добирались до самолета, Светлана исподволь отрешилась от опрометчивого поступка, думая о дороге домой. Там – Аленка, за которой соскучилась просто невозможно, милый уют квартиры, подружки, вековые мохнатые кедры...

Мефодий купил в киоске бутылку холодной «колы» и, откупорив, выхлестал на ходу, стоически перенося испепеляющий жар ветра. Он устало шагал по акациевой аллее туда, где за шлагбаумом ждал водитель, чтобы не платить за стоянку в аэропорту, и отрывочно перебирал в памяти пролетевшие эти дни. Вспомнилось: как поднимались в застекленном «ковчеге» на гору, пили за знакомство минералку, с какой тревогой ожидал у санатория в первый вечер, и тот неумный восторг, когда прикасался к ее отзывчивым губам...

Автомагистраль «Кавказ», по всему, основательно ремонтировали. На выезде из города образовался затор. Три полосы сузились в одну, вдоль которой укладчики утюжили только что привезенный, дымящийся асфальт. Несмотря на закрытые окна, в салоне запахло гудроном. Мефодий с заднего сиденья посматривал на Машук, открывшийся слева северным склоном, по которому они спускались со Светланой. И душа зашлась от тоски! Как случилось, что эта женщина из небытия пришла к нему? Внезапно, вдруг. Почему вот так, в полный накал, полюбил в первый и, пожалуй, в последний раз? Светлана была той, которую искал с юности, верил, что есть где-то. И, не встречая, принимал за нее других. А какая любовь настоящая, познал, всем нутром понял только сейчас! Ее, обретенную, ни за что нельзя, как пойманную птицу, выпускать из рук. Умчит – не вернется.

Передвигались черепашим шагом. Машук, точно на открытке, застыл перед глазами. Мефодий, размышляя, созерцал даль и случайно заметил самолет, со взлета уходящий в пепельно-синеватое поднебесье. Вскинул руку с часами. Это улетала Светлана! Он представил ее, такую родную и ласковую, в этой огромной ревущей машине, на страш-

ной высоте, в потоках ледяного воздуха, – и больно замерло сердце от растущей оторванности друг от друга, своего бессилия и нежности к ней... И это настолько поразило его, что в безысходном отчаянье сама душа подсказала: лететь, немедленно лететь следом! В сознании мелькнула верная мысль: через Москву доберусь в Питер, здесь делать нечего...

Мефодий вынул из сумки планшет, включил его и вошел в интернет. Он не отрывался от светящегося экрана до самого санатория.

– Приехали! – поторопил водитель, с недоумением наблюдая в зеркало заднего вида за пассажиром, который, похоже, заигрался в «тыкалку». Мефодий вскинул голову, предупредил:

– Сейчас поедем обратно, в аэропорт. Только соберу вещи.

– Не могу! Должен забрать «главного» в Кисловодске. Он там, на совещании в холдинге.

Мефодий, не вылезая из машины, дозвонился до Игоря. Приятель воспринял новость с огорчением, посетовал, что не успели вместе побывать в Домбае, и, конечно, лично дал распоряжение шоферу, когда тому был передан смартфон...

* * *

В «Кофе-хаусе», расположенном на первом этаже терминала, Светлана, не спеша, растягивая удовольствие, выпила две чашки «эспрессо» с пирожным. Полное самообладание не только вернулось к ней, но и многое отсюда, издалека, виделось уже по-иному. В последние годы у нее пропало намерение выйти замуж. Она привыкла к свободе и самостоятельности. Эта жизнь ее вполне устраивала. Более того, когда Алексей, досаждая ревностью, пытался в чем-то ограничить, не соглашался отпустить одну

на отдых в Таиланд или Вьетнам, Светлана с таким напором отстаивала свою независимость, что он поневоле уступал. И теперь, чем больше рассуждала, приходила к выводу, что ничего у них с Мефодием не получится. И все будущие планы – только иллюзии. Во-первых, мужчина в повседневной жизни и в постели – понятия неоднозначные. Да, он необыкновенный. Да, она влюбилась в него как дура. Можно допустить, что и он полюбил ее. Однако в райских наслаждениях провести можно несколько дней, неделю. А что ожидает их, когда первоначальный дурман рассеется? Смогут ли подстроиться друг к другу в быту, в мелких делах и заботах? Легко сказать: бросай всё и переезжай в Питер! Не девочка... Да и он, именитый ученый, избалованный, состоятельный человек, никогда не изменит привычек, пристрастий, замашек. И надо смотреть правде в глаза: их знакомство, как ни тяжело это признать, лишь любовный эпизод. Никогда к ней он не придет. Начнет отговариваться занятостью на работе, потом – отвыкнет. И правильно сомневалась тогда, на горе...

Думала она именно так, трезво, как опытная женщина.

А душа ее почему-то не верила этому, сопротивлялась, не позволяла покинуть затаившуюся в глубине радостную озаренность, надежду. И когда уселась Светлана в кресло, готовясь коротать вечер, то достала айфон и попыталась дозвониться. Но его номер оказался недоступен. Спустя пять минут, повторила набор и – снова звонок в никуда. Это же повторилось и через полчаса, и через час. Она не на шутку стала волноваться. Удивительно, что он не отвечал на ее вызовы! Вихрь тревожных мыслей бросал то в жар, то охлаждал виски. Неужели что-то произошло в дороге? Или... решил так расстаться,

жестоко и издевательски? Рубить, так сплеча? Долго рассматривала на экране его фотографию. Нет, в плохое не верилось...

Затем рассеянно читала в журнале о кинозвездах, не пряча айфон в сумку. Не уследила, как задремала, прислонив голову к чемодану, поставленному на соседнее кресло. Вероятно, образ прекрасной Катрин Денев навеял столь необычный сон. Он был цветным: на песчаный берег настигались тонкие океанические волны, слепя бирюзой, вокруг синело небо, буйная тропическая растительность окружала виллу, из которой вышла она с сильным загорелым красавцем. Их встретила восторженная толпа. Дальше стоял длинный белый стол, накрытый для какого-то праздника. Она заупрямилась, но мужчина обнял ее. И вдруг они взлетели, держась за руки...

Светлана вздрогнула, проснувшись. И чутким слухом уловила: кто-то к ней подошел. Встревоженно открыла глаза. И вскочила, потрясенная!

– Что тут такого? Опять встретились на закате, – шутливо бормотал Мефодий, улыбаясь и ладонью вытирая ее счастливые слезы. – Думала, улетила от меня? Не выйдет! Ты меня еще не знаешь. Если надо, перенесу ваш поселок, вместе с тобой, прямо на Неву. Сотворю любые чудеса... И ни за что больше не отпущу. Без тебя нельзя. Ты – совершенно моя. Понимаешь?

Недорубы

Роман

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(Продолжение. Начало в № 3)

15

Пережили зиму, весну... Наступило еще одно лето. Но мало радости принесло оно в фермерское хозяйство Недорубова. Павлик-младший сообщил о своем желании остаться в армии по контракту.

В самую уборочную страду наведалься из Москвы к Павлу, уже как к другу, Михаил Иванович Медведев. Перезванивались частенько. С появлением мобильной связи с этим проблем не было. Медведев, с теплой авторской подписью, подарил супругам свою новую книжку, в которой не одна страница была посвящена мытарствам ставропольского фермера Павла Недорубова и его семьи. А вообще-то, Павлу понравилась небольшая книжка, которую он одолел за два вечера. Толково, со знанием дела писал автор о людях на земле. Павел сделал вывод – да, ему тяжело выживать в хлебном, теплом Ставрополье,

**ВЛАДИМИР
МАЛЯРОВ**

Проза

но вдвое тяжелее его собратьям в середине России, на Севере, и вообще...

– Думаешь, Михаил Иванович, ТАМ прочитают твою книжку? – потыкал Павел большим пальцем в потолок, когда оба сидели за графинчиком вина в гостевой комнате.

– Не думаю, – задумчиво произнес Медведев, – всю жизнь о страдальцах земли пишу, а что изменилось? Советскую власть угробили, и что – людям на земле еще хуже стало.

– Может оттого, что наш президент далек от земли и назначает в министры сельского хозяйства кого ни попадя, – предположил Павел. – Вот и нынче до того скромный наш министр, что за другими министрами его и не видно.

– А при Горбачеве, разве лучше было? – вопросительно глянул Медведев на хозяина.

– Не скажи, по крайней мере, излишки знали, куда девать...

– Вот именно – излишки, которых было негусто, – едва приметно усмехнулся гость. – Все дело в том, Павел, что этих самых излишков на Западе скопилось столько, что их девать некуда. Благодаря наработанным и давно освоенным технологиям, тамошние фермеры и целые компании задыхаются без сбыта. Конечно, лучшее себе, остальное на рынок.

– Возьми Боже, что нам не гоже, – дополнил с усмешкой Павел.

– Да, Павел, – подтвердил слова хозяина гость. – Хорошего не может быть в избытке. Вот наши мудрецы, не мудрствуя лукаво, подсчитали, что дешевле купить на Западе дерьмо, чем поднимать из гиблого упадка собственное сельское хозяйство. А разницу, деньги и не малые, которые ежегодно выделяются на село, положить в собственный карман.

Сами-то высокие чиновники тем дерьмом не пользуются. Возьми хотя бы машины, на которых ездят...

– Наверное, так оно и есть, – в раздумье, ни к кому не обращаясь, подтвердил Павел. – Не припомню светлой головы в министрах сельского хозяйства, хотя их перебывало...

Не прибавлялось радости на душе у Павла от этих вечерних посиделок с Медведевым. Но, вместе с тем, Михаил Иванович заряжал Недорубова здоровой злостью – врешь, не возьмешь, еще сдюжу... Хотя признавал, что силы его не вечны.

Уехал в Москву Медведев на своем джипе, оставив Павла с его тяжелыми думками. А тут, словно нечаянное горе, свалился мучительный разговор с младшим сыном Анатолием. Он окончил одиннадцать классов с серебряной медалью – не любил математику, хотя и уделял ей больше внимания, чем другим предметам, которые были милы сердцу – литература, история...

Как-то, вроде бы вскользь, сказал матери:

– Мам, думаю, поступать учиться...

– Мы с батей только будем рады, сынок – куй железо пока горячо, с твоей-то головой и мы пока при здоровье, – согласилась Лариса, – а то в армию заберут. Чего хорошего видит в той армии Паша? Правда, платят ему хорошо, и то ладно.

– Мам, я в Саратовский юридический институт, думаю...

– Куда?! – изумилась Лариса.

– Ну вот, я так и знал, – огорчился сын. – В старейший в стране Саратовский юридический институт! – повторил он, добавив престижности учебному заведению.

– Ты только бате не скажи, – полушепотом проговорила Лариса, хотя в комнате никого не было и Павел был в поле.

– А как же я поступать стану без его ведома?

– После как-нибудь, – умоляюще проговорила мать. – Может, еще передумаешь, Толичка? Я сама поговорю с отцом, а потом ты – все не обухом ему по голове...

– Нет, мам, я не передумаю, потому что долго думал, – глядя на страдающую мать любящими глазами, сказал Анатолий. – Ты же знаешь нашего папку, – скажет, чего ты ужом вьешься – мать подослал...

На следующий день Павел и Анатолий возились у старого комбайна «Дон» – старый, изрядно потрепанный, но Павел надеялся, что еще одну запарку в нынешнем году выдержит. Предстояло убирать подсыхающий на жарком солнце подсолнечник. Рядом в мастерской стучали инструментами, незлобно матерились Алешка Свиринов и Никита Бердников. Что-то у них там не ладилось.

– Бать, разговор есть, – разом охрипнув, проговорил Анатолий.

– И то, гляжу, какой день маешься, а помалкиваешь, – с усмешкой посмотрел Павел на сына. – Часом не жениться ли собрался?

– Нет, учиться, – хмуро ответил тот.

– Хорошее дело, – оживился Павел. – Кто ж тебе поперек?

– Я уже документы отослал...

– И куда ж ты, сынок, надумал?

– В Саратовский юридический институт...

– Куда!? – Павел с недоумением посмотрел на сына.

– В юридический институт, – повторил Анатолий.

– Вот так да, – растерянно проговорил Павел. – Ты, сынок, с батькой не шутики ли шутишь? Я-то думал, что у нас все решено – утрешь нос нашему вояке Пашке – в сельхозуниверситет поступишь, а ты...

– Бать, ну не лежит душа!!... – чуть ли ни со слезой выкрикнул Анатолий, приложив ладони к груди. – Юристом хочу, много думал об этом...

– Следователем, что ли? – Павел, как бы заново познавая сына, с глубоким интересом посмотрел на Анатолия.

– Не обязательно следователем – учеба покажет, если поступлю...

– Да, душа, – ей не прикажешь землю любить, – проговорил в раздумье Павел. – Она и сама, земля, не любит приказаний разных...

Павел присел на корточки и склонился над какой-то деталью, лежавшей на земле.

У Анатолия сердце сжималось, глядя сверху на сплошь седую, но по-прежнему курчавую голову отца, его некогда широкие, развернутые, а теперь приопущенные плечи, да и весь он как-то подсох, уменьшился во всей своей фигуре.

– Ты ж не против был, когда Павлик остался в армии, – проговорил Анатолий в спину отцу.

– За ним еще был ты – на тебя надеялся, – не оборачиваясь, сказал Павел. – Лучше бы ты, к примеру, вот нынче женился и то мне б легче...

– Я о женитьбе пока не думаю, – негромко произнес Анатолий. – Лизе тоже учиться надо, но мы поженимся... только не сейчас.

– Тоже поговорка, хоть и наоборот, – сказал Павел, поднявшись с корточек. – Не хочу жениться, а хочу учиться. Отговаривать, Анатолий, я тебя не стану, думаю, не сегодня с юридическим решил. Но еще одну занозу болючую, после Пашки, ты мне в душу вогнал....

– Прости, бать, но с седьмого класса мечтаю, – повинился Анатолий.

– Матери сказал?

– Сказал.

– Вот, старая, – удивленно произнес Павел, – и помалкивает себе в тряпочку! Небось сразу в пляс пустилась? – он взглянул в сторону дома, и лицо его разом разгладилось, даже повеселело.

От дома Маринка вела за руку к деду уже уверенно шагавшего с теткой Ваню.

Забегая вперед, она же, Маринка, в ту осень порадовала родителей, поступив на заочное отделение агрономического факультета, в зачатый университет.

16

Из института Анатолию пришел вызов на экзамены. Чувствовал себя виноватым перед родителями, но уезжал с чистой душой. Отцу крепко помог на запашке уже убранных полей. Работал в дневной зной, когда, казалось, в раскаленном колесном тракторе и часу не усидеть. Работал прохладными ночами. Бывало утреннюю зарю встречали с подружкой Лизой, расстелив тут же у трактора и свежей борозды старое ватное одеяло.

Летом виделись нечасто. Лиза жила в Ставрополе у тетки, училась на подготовительных курсах. Ей тоже скоро предстояла сдача вступительных экзаменов в медицинскую академию.

– Паш, ты сильно не кручинься, – слыша ночью в постели бессонные вздохи мужа, как могла, успокаивала Лариса. – Мне кума Мария Свирина говорила, что дюже сурьезный тот Саратовский институт и кто из Курановских туда ни поступал – все проваливались. Так что...

– И ты будешь рада, если наш Толька провалится? – задал коварный вопрос Павел жене.

– Я ж, Паша, думаю, чтоб тебе лучше было, – увернулась от прямого ответа Лариса.

– По мне, если решил, то пусть поступит и утрет нос всем курановским поступалам, – сказал Павел. – А не поступит, то тут уж я посмеюсь над нашим доморощенным юристом...

– Поступит, Паша, как пить дать – поступит, – вздохнула Лариса. – Он, Толька, ужас какой настырный...

– Знаю – оба такие...

– Так ведь в тебя, Паша, – приглушенно всхлипнула в подушку Лариса.

– Вот и договорились, – обеспокоился Павел, положив ладонь на голову жены. – Будет тебе, Лар...

– Все, Паш, почему-то не так складывается, как нам хотелось и думалось, – Лариса обвила шею мужа теплой рукой. – И у Маринки никак не сладится...

– Не скажи, гляжу, они вчера с Федькой у пруда обнимаются...

– И ты про то знаешь?! – воскликнула Лариса.

– Нет, одна ты, досужая, все про всех знать должна, – самодовольно усмехнулся Павел.

– Паш, а Ваня, гляди, как они – Маринка и Ваня друг к дружке привязались. – улыбнулась в темноте Лариса. – Прямо не разлей вода... родные же кровиночки, – шмыгнула носом Лариса. – Павлику надо позвониться, а то все недоступен, да недоступен и сам не звонит бессовестный...

Позвонил по мобильнику на следующий день ей, матери, и сказал:

– Мам, ты только сильно не пугайся, – только начал Павлик, а у Ларисы все внутри оборвалось.

– Чего там стряслось, Павлуша?! – едва не закричала Лариса на пути к дому от коровника. Со своим мобильным телефоном она не расставалась ни на минуту – вдруг Толик позвонит из Саратова,

вдруг Павлик выберется из проклятых гор, куда не дозвонишься.

– Мам, успокойся, я живой, здоровый, но звоню из госпиталя...

– Павлуша, из госпиталя здоровые не звонят! Где ты?

– Совсем близко – в Ростове, – Павлик говорил спокойным, но некрепким голосом. – Меня слегка зацепило, но с недельку, наверное, поваляюсь, отоплюсь и домой приеду... Мам, как там Ваня?

– Ваня – хорошо, – уже приняв решение, сказала Лариса. – Я завтра к тебе приеду...

– Мам, ну зачем? – взмолился Павлик. – Я скоро...

– Павлуша, – говори адрес госпиталя, – перебила Лариса сына.

Они приехали оба – мать и сын, спустя месяц.

Павел встретил машину жены у крыльца, но и Маринка с Ваней на руках тут же выметнулась из дома. От конюшни спешил Федор и с машинного двора поспешали Алешка Свиринов и Никита Бердников.

Глянул Павел на родные лица и сердце кровью облилось. Пашка худой, желтый и виски уже серебрились – это в его-то годы. И у Ларисы одни огромные печальные глаза на лице остались. А седина теперь и вовсе торжествовала в ее некогда смолисто-черных косах.

Всегда сдержанная Маринка всплакнула на плече у брата. Павлик хотел подхватить на руки подросшего сына, но тут же охнув, опустил мальчишку на землю.

– Ты знаешь сколь в нем кило!? – тут же воскликнула обеспокоенно Лариса. – А тебе доктор тягельше ложки велел год ничего не поднимать!

Павлик перенес тяжелую операцию, чуть ли не из сердца извлекли бандитскую пулю, как говорят в таких случаях, еще бы сантиметр и сердце насквозь.

Не все родные и близкие собрались за столом, но, дай Бог, еще соберутся, жизнь продолжается. Еще в госпитале Павлика навестил дядя Дима, а прощаясь, подмигнул племяннику:

– Держи хвост морковкой, Пашка, мы еще с тобой повоюем!

– Хватит, отвоевался! – обрезала деверя Лариса, почти не покидавшая своего поста у койки сына. – Отцу будет помощник, как говорят, не было бы счастья...

– Лар, вы с Павлом совсем одичали на своем хуторе, а жизнь все мимо вас, да мимо вас...

– Да, на Багамы не летаем, как некоторые, но живем справно и по-людски, – возразила Лариса деверю. – Отстань, Димка! Вот станешь старым, так еще попросишься к нам – на наш плохой хутор.

– Нет, Лар, – почти серьезно, но с улыбкой, сказал Дмитрий, – не попрошусь, потому что я никогда не буду старым и дряхлым...

– Ой ли! – удивленно взглянула Лариса на деверя.

И что-то она разглядела в его грустных, но смеющихся глазах – да, он никогда не станет старым и дряхлым.

Анатолий, успешно сдавший экзамены в юридический институт, тоже навестил брата в госпитале. Как ни странно показалось Ларисе, но братья не нашли слов для долгой беседы. И она впервые с болью в сердце отметила, насколько они разные, ее единокровные сыновья.

И в Недорубы Анатолий наведался до начала занятий в институте.

– Ну я рад, что со щитом вернулся, – неловко обнял Павел сына. – Поздравляю! А то, грешным делом, думал – вот уж посмеюсь над нашим Шерлоком...

Откровенно радовалась успеху младшего брата Маринка. И даже несмышленный Ваня хлопал в ладоши, видя радостно смеющуюся тетку.

17

На добрых хуторских харчах и без прежней беспокойной службы Паша быстро шел на поправку. По утрам, как и все обитатели хутора, не залеживался, выходил на утреннюю управку многочисленной хуторской живности.

– Павлуша, ты бы поберегся, поспал бы до завтрака, – сокрушалась Лариса. – Сами управимся без хлопот...

– Мам, я и так все бока отлежал, – едва размыкая губы, усмехался Павлик, – то в госпитале, теперь, вот, дома...

Павел молча наблюдал за сыном и делал нерасторопные выводы – нет, не приживется и он на хуторе. Далекі его мысли от простой сельской жизни.

И Лариса своими переживаниями добавляла горечи в сердце Павла. Оставаясь наедине с мужем, делилась своими беспокойными думками:

– Паш, что-то гнетет нашего сына – с нами молчун-молчуном, а по мобильнику по сто раз на день с кем-то разговаривает, а то и ночью...

– Лар, ну что мы знаем о его жизни? – резонно замечал Павел. – Много он рассказал о том, как его ранили: «напоролись в горах на засаду» – весь сказ.

– А что друга убили, с которым с самой учебки были неразлучны, – напомнила Лариса. – Про Бо-

риса Токарева, тоже рассказывал. Молодая жена с дитем осталась...

– Не в этом дело, Лар, – вздохнул Павел и заключил: – Вижу, что не останется Пашка на хуторе.

– А как же Ваня?! – возразила Лариса. – Павлуша к сыну всей душой...

– Ваня... Ваня в хороших руках – они с Маринкой прикипели друг к дружке, – сказал Павел, – так что Пашке беспокоиться нечего...

– Паш, а и Маринку пожалеть надо, – вздохнула Лариса. – Думаю, у них серьезно с Федором...

– Дай-то Бог, а работник он стоящий – этот не подведет...

– И собой парень видный, и всего-то на семь годов старше Маринки, – подтвердила Лариса.

– Ты-то откуда знаешь? – встрепенулся Павел.

– А его паспорт у меня в конторе, на столе лежит! – удивилась Лариса. – А как же, Паш, я его бы без паспорта в ведомости заносила? Дважды женился, дважды разводился – вот что меня беспокоит, Паш, – и, повозившись в постели, робко попросила: – Ты бы, Паш, поговорил с Федором, может у него какая ваша мужицкая немочь. Не хотелось бы, чтоб Маринка мучилась...

– Вот и спроси у Маринки о Федоровой немочи, – подсказал Павел жене. – Небось уже спят вместе...

– Да ты чо сдурел, старый?! – подхватила в постели Лариса. – Ты глянь, как он вокруг нее вьется!.. Так не любят, когда уже спят вместе...

В очередную поездку Ларисы в Ставрополь по торговым делам, засобирался с нею и Павел-младший.

– Съезжу, дядьев проведу, – за обеденным столом коротко объявил он.

Супруги переглянулись.

– Да, сынок, развейся маленько в городе, – ласково проговорила Лариса. – А то у нас на хуторе самая скукота зимняя настала...

– Анатолий обещал к Новому году приехать, – напомнил отец. – Хотелось бы вместе встретить...

– До Нового года еще две недели, – сказал Павлик. – Созвонимся...

Новый год на стыке двух тысячелетий они встречали вместе. Братьев, Павлика и Анатолия, а еще Лизу Бердникову привез из Ставрополя Дмитрий на шикарном внедорожнике, которых прежде не любил. Сам за рулем и без охранника Сани – надо и тому с семьей побыть, а то все в разъездах да отлучках.

Для Толика и Лизы, сидевших на заднем сидении, дорога до дому промелькнула одним мигом. Дмитрий только усмехался, поглядывая на влюбленных в зеркало заднего вида.

– Зацеловал Толька Лизу, – подмигнул он Павлику.

Тот, прикрыв глаза и откинувшись на высоком сидении, не меняя позы, проговорил:

– Детский сад, дядь Дим.

– Ну, вы, молодежь, – Дмитрий слегка повернул голову в сторону пассажиров на заднем. – Чего мучиться? Давайте вместе с праздником и свадьбу закатим!

– Все б ты подглядывал, дядь Дим! – игриво упрекнула Лиза.

– Мне, старому, теперь и осталась одна забава – подглядывать, – усмехнулся Дмитрий.

Павлик, не размыкая век, усмехнулся, а на заднем сидении непритворно расхохотались. Лиза, не отсмеявшись, выдала:

– И кто б тебе поверил, дядь Дим?! Даже я от знакомых о твоих походах в Ставрополе наслышана...

– То все брехня, Лиза, – глядя на дорогу, с усмешкой отозвался Дмитрий. – Завистники на меня черную порчу наводят.

Лизу высадили в селе у ее дома и помчались дальше, на хутор.

– Как же ты, Толян, без Лизы праздновать думаешь? – спросил Дмитрий младшего племянника. – Ведь мать от тебя не отлепится до самого твоего отъезда...

– Вечером привезу на хутор, – уверенно ответил Анатолий. – Лиза и без того у своих каждый выходной...

– Так и будете до конца учебы женихаться, в ожидании играть? – недоверчиво спросил Дмитрий.

– А почему бы, нет? – вопросом на вопрос ответил Анатолий.

– Да, как погляжу на нынешнюю молодежь – одна насмешка над лебединой верностью.

– Наверное, дядь Дим, не та молодежь тебе на встречу попадается...

– Ну, дай бог, чтоб я ошибся, – повинился Дмитрий. – Вон, глядите, мать на крыльце в дозоре...

Павел открыл глаза, разом освобождаясь от думок, подался вперед. Да, она, мать, простоволосая стояла на крыльце под колючим степным ветром, кутая плечи в пуховый серый платок.

18

Сразу после новогоднего праздника Дмитрий и Павел-младший уехали в Ставрополь. Как ни уговаривала Лариса старшего сына пожить на хуторе хотя бы до Рождества, тот ни в какую:

– Мам, я же не куда-то еду, а всего лишь в Ставрополь. Сама не сегодня-завтра туда примчишься по делам...

И для всех Недорубовых стало ясно, что Павлик для хутора отрезанный ломоть, и не помощник отцу в его делах. Дмитрий непривычно отмалчивался и старался не замечать неодобрительных взглядов золовки. А Лариса была уверена, что упрямство сына – это его рук дело, любимого дяди Димы.

Когда Павлик укладывал вещи в своей комнате наверху, в так называемой – гостевой, к нему поднялся отец. Сел в кресло, в котором любил сидеть в одиночестве вечерами за стаканом вина и сигаретой, размышляя о дне сегодняшнем – ушедшем и завтрашнем – наступающем. Теперь, вот, комната вновь освобождалась для одиночества и размышлений.

Павел закурил, пододвинул поближе, стоявшую на столе чистую пепельницу, Павлик не курил, бросил, когда лежал в госпитале.

– Куда ж ты теперь? – спросил отец сына. – Имею в виду, что делать собираешься?

Павлик оставил раскрытую большую багажную сумку, прошел к столу и сел на стул напротив отца.

– Пойми, батя, не могу я жить подолгу на хуторе, – Павлик посмотрел отцу в глаза. – Тоска – ножом по сердцу!..

– Вижу, – кивнул Павел, – но что делать собираешься?

– Пока в помощники к дяде Диме, а там видно будет...

– Его, Димку, охранять? – предположил Павел.

– А хотя бы, – сын с вызовом глянул на отца. – Дядя Дима того достоин.

– Мало ему одного охранника, – пробормотал Павел.

– Саня без работы не останется, – усмехнулся Павлик. – На всех хватит.

– А как же сынок, Ваня? – пытливо глянул Павел на сына. – Ведь ему отец рядом нужен!

– Я, что, Ваню на произвол бросаю!? – хмуро бросил Павлик. – Пока с вами, с Маринкой побудет... Постараюсь почаще наведываться...

– И на том спасибо, – задавливая недокуренную сигарету в пепельнице, сказал Павел и будто ни к кому не обращаясь, добавил: – Черти что получается! Вырастил два сына, с малства, как тех щенят, натаскивал на сельскую работу, думал, с двух сторон подпорками станут. Ан, нет – с чужими людьми дела правлю!

– Бать, прости...

– Скажи мне, Пашка, ну что это за работа для молодого парня – охранник! – перебил отец сына. – Ладно, Только хочет стать юристом – следователем или адвокатом – это понятно. А вот охранник, мне видится вроде лодыря, который делает вид, будто работает.

– Каждый делает то, что умеет! – огрызнулся Павлик.

– К примеру, за версту стрельнут в Димку, не приведи Господь, конечно, – продолжал Павел, – а вместе с ним и в тебя...

– Бать, хватит, а то поругаемся, – досадливо поморщившись, проговорил Павлик.

– И то правда! – поднялся с кресла Павел. – Я-то, ладно, переживу, а вот мать жалко...

За завтраком сидели тягостно. Дмитрий и во все отказался, ушел к машине, вроде бы, устранить какую-то неисправность. Ванюшка сидел на коленях у отца. Шалил, ероша его отросшие густые волосы, дергал за нос, в глаза пытливо заглядывал батьке.

– Ты, Ваня, уши ему пообрывай, – посоветовала внуку Лариса, – чтоб помнил про тебя, да и про нас не забывал...

Мужики выпили на прощанье по стакану красного и все равно разговор не вязался. Пашка условился с братом встретиться в Ставрополе, перед отъездом последнего в город Саратов для продолжения учебы.

Уже у машины Лариса всплакнула, глядя на своего старшего:

– А то бы остался, Павлуша...

– Мам, ну не трави себе и мне душу! – взмолился Павлик. – Ведь не сегодня-завтра опять увидимся в Ставрополе.

– Одно дело – в Ставрополе, другое – дома...

Маринка держала на руках Ваню.

– Извини, сеструха, что сына тебе навязал, – проговорил Павлик, обнимая и целуя обоих.

– Забудь и думать, – сердито сказала Маринка. – Мы с Ваней завсегда поладим!

Павел, пожимая на прощанье руку старшего сына проговорил:

– Смотри, Пашка, станешь в городе жировать да баловаться, попомни, приеду – морды обоим побью, – и уже к брату: – Слышал, ты, черт сивый?

– От сивого слышу, – огрызнулся Дмитрий. – Не бойсь, братуха – все будет путем!

Уехали.

– Как есть, Димка настропалил Павлушу на город, – жалобно посмотрела Лариса на мужа. – Соблазнил легкой жизнью...

– Нет, Лар, Димка тут ни при чем, – в раздумье проговорил Павел. – Пашка еще в армии решил не связывать судьбу с хутором. Вот, что дальше будет – вопрос...

19

Отец был прав – не лежала Пашкина душа к сельскому труду, но родительский хутор он любил

и каждый раз, подъезжая к Песчаной горушке, испытывал волнение и даже сердцебиение в предвкушении встречи не только с дорогими близкими, но и с родными местами, знакомыми с раннего детства. А вот рутинный, каждодневный крестьянский труд повергал его в тоску и безысходность. Его мятущаяся душа требовала иной деятельности, то есть адреналина в кровь. Казалось, он нашел свое призвание в армейском спецназе, но теперь туда путь заказан. И если пуля прошла возле сердца, то смерть друга Бориса Токарева вонзилась занозой в самое сердце. Павлик снова и снова переживал тот последний поход в чеченские горы.

В цепочке из двенадцати человек Борис шел впереди Павлика. Он и принял на себя пулеметную очередь, почти одновременно с предупредительным выстрелом Игоря Соловьева, шедшего в головном дозоре. Бандиты били с двух сторон. Наверное, только-только подошли и не успели толком рассредоточиться для губительной засады.

Разведчики, отстреливаясь, отползали к спасительным скалам, которые прошли минутой раньше. «Паша, пристрели, но не оставляй ...», – повторял Токарев, истекая кровью.

– Борька, заткнись! – кричал Пашка другу и, в очередной раз выпустив короткую очередь из своего автомата вдоль тропы наугад, тянул за поясной ремень друга туда, где шедшие замыкающими цепочки уже достигли скал и вели прицельный огонь по засевшим в подлеске «чехам». В автоматную трескотню уверенно вмешался ручной ПК разведчиков.

Свою порцию свинца Пашка получил, когда до ближайшего бурого камня оставалось, буквально, рукой подать. Погибли Игорь Соловьев, обнаруживший засаду, но поздно. Погиб земляк-ставропolec

Коля Букин – душа взвода, гитарист и знаток неза- тасканных анекдотов на военный быт, подозрева- ли – сам сочинял. Погиб богатырь, титулованный гиревик, замкомвзвода Степан Кулагин, по прозви- шу – Князь. Степан утверждал, что он княжеского рода, чем черт не шутит – коренной москвич. Умер от ран Борис Токарев. И еще двое раненых, Недо- рубов – тяжело.

С возвращением на хутор Павлик думал там и остаться, заняться сыном, во всем помогать отцу, вникать в его простые и такие сложные дела. Было у него и еще одно неотложное дело. Собирался на- вести семью Токаревых в подмосковных Мыти- щах, просто обязан был, потому что за время учебы стал для них своим человеком, можно сказать род- ным, и они для него стали не чужими. А еще была свадьба Бориса и Лиды и он, Пашка, выступал сви- детелем со стороны жениха. Веселая, но не пьяная была свадьба, словом, хорошая, потому и запомни- лась. По телефону разговаривал часто, чаще с вдо- вой покойного друга – Лидой. Вот совсем недавно, буквально за несколько минут до наступления Но- вого года, поздравлял по мобильнику всю семью Токаревых и они Павлика – сквозь печаль и слезы. Свежа была рана, после гибели Бориса не прошло и полгода.

Как-то пожаловался дяде Диме, мол, на хуторе тягостно, а чем заняться – ума не приложу.

– Мог бы тебе предложить ресторанный биз- нес, – тут же задумался дядя, – но там свои замороч- ки и долго вникать надо... Слушай, Пашка, давай я для тебя ЧОП организую! – вдруг воскликнул Дми- трий. – ЭТО твое, племяш!

– Что еще за ЧОП? – подозрительно взглянул Павлик на дядю. Чоп, в понятии хуторянина, обык- новенная затычка в бочке и в любой дырке.

– ЧОП, Пашка, чтоб ты знал – частное охранное предприятие, их сейчас развелось по Ставрополю, что собак нерезанных...

– Так зачем же еще одно?

– Наше, Пашка, будет наилучшее – одних бывших вояк, вроде тебя, наберем! – уже загоревшись новой идеей, с уверенностью произнес дядя. – А пока вместе с Саней при мне побудешь. Он уже эту школу прошел – банк охранял, инкассатором, то есть сборщиком податей разъезжал – все допуски имеет, как и ты, раненый был. У него есть чему поучиться. Ты хоть и боевой мужик, но в этом деле есть свои тонкости...

– Было б чему учиться, – без обиды сказал Паша, – а если делу, то всегда рад...

– Первым делом, сотворю тебе разрешение на ношение оружия, как моему телохранителю, а там пойдем дальше...

И вскоре Паша, сопровождая дядю в постоянных разъездах, имел у себя под мышкой новенький пистолет Макарова, с которым был накоротке знаком по службе в спецназе.

Дел у дяди Димы было много, и они простирались от Ставрополя до Черноморского побережья, где у него в Сочи простаивал с видом на море большой новый дом или, как нынче принято говорить – вилла, но не отделанная внутри. Пока из десяти комнат одну приспособили под жилье, в которой жил немолодой охранник-сторож – абхазец Георгий с женой.

Дмитрий Недорубов хотел, чтобы отделка внутри дома делалась под его чутким наблюдением, но все не получалось со временем. Неделю-другую надо было пожить на побережье.

Постепенно Паша вникал в дела дяди, и тот не раз говаривал племяннику:

– Ты, Пашка, присматривайся, что да как. В случае чего, тебе брать в руки мое хозяйство, больше некому...

– В каком это – случае? – усмехался Паша.

– Глядишь, чаяно-нечаянно грохнут меня, – без улыбки отвечал Дмитрий. – Вот тебе и случай!

– Брось, дядь Дим, каркать, – хмурился Паша.

Дела у дяди были, в основном, торговые. Но были и другие заморочки. Павлик подозревал, что связанные они с наркотой. Дядя на этот счет отмалчивался или попросту не хотел пока вмешивать племянника в дела свои несправедливые. Иногда он оставлял Пашку на несколько дней в Ставрополе, в своей просторной квартире, на Тухачевского, а сам уезжал в сопровождении Сани. Тогда Пашка звонил домой в Недорубы. Приезжала мать, а с нею Маринка с Ваней. Лариса попусту времени не теряла. Управлялась со своими торговыми делами, выполняла заказы мужа – наведывалась в большие промтоварные магазины и на базы.

А для Паши наступали лучшие дни отдыха. С сестрой и сыном ходили в большой городской парк, ели мороженое в кафе. Иван оказался азартным водилой и минимобили на электротяге предпочитал всем остальным развлечениям.

Вечером возвращалась со своего промысла уставшая Лариса. В гостиной, перед огромным настенным экраном телевизора, они пили чай. Когда Маринка уходила укладывать Ваню спать, Лариса возвращалась к одной и той же теме давнего разговора.

– Павлуш, ну что у тебя за жизнь такая? – всякий раз задавала она один и тот же вопрос. – Чем ты занимаешься? Чем гордиться станешь перед сыном, когда он вырастет?

Ну разве это дело, за дядей хвостом виться? А там, на хуторе, отец в работе день с ночью путает...

– Мам, ну сколько можно? – хмурился Павлик и тянулся к сигаретам. – Не лежит душа к сельской работе! Что ж прикажешь насильно себя приковать к хутору?

– Вот и опять за соску взялся. – не унималась мать. – Бросил же!... На хуторе у нас здоровее и отцу бы подмог... Главное, Павлуш, за ту работу взяться, а там как в омут головой, и задумываться станет некогда, – убеждала Лариса сына.

– Вот именно – головой в омут, – усмеялся Павлик, – а я не хочу – головой в омут. Есть одно дело – вот обмозгуем с дядей Димой и приступим...

– Павлуша, твой дядя Дима всегда был человек рисковый, – понизив голос почти шептала Лариса, словно их мог подслушать кто-то посторонний. – Он сам по краю ходит и тебя тянет. Хороший он человек, и я люблю его за удалство, но чует мое сердце – тюрьма по нем давно плачет...

– Да брось ты, мам! – нарочито смеется и машет рукой Павлик.

И так их неоконченный разговор оставался до следующего раза.

20

В каждодневных хлопотах промелькнули весна, лето. И чем больше разрасталось хозяйство хутора, тем больше прибавлялось забот хозяевам. На хуторе уже работало больше дюжины курановцев, в основном, пожилых. Молодежь по-прежнему стремилась в город. А с исчезновением колхоза, так и вовсе. Бывшие колхозные земли зарастали бурьяном, дичали. Павел, сколько мог, взял пай бывших колхозников, но больше не получалось.

Ведь с людьми надо было по осени рассчитывать. Пресловутая рентабельность всего недорубовского хозяйства, едва-едва позволяла обновлять технику, приобретать горюче-смазочные и латать прочие дыры. Пока все надежды по-прежнему оставались на зерновые, в частности, пшеницу. Но губили трудности фермера низкие закупочные цены, которые государство не торопилось повышать. Вот и приходилось вертеться, как говаривал еще покойный дед Петро, ужаком на вилах.

Павел вертелся и вокруг него вертелись, зато редкий отдых был милее и слаще. И он, праздник, наступил. В октябре, в аккурат на Покров день, когда о зиме напоминали лишь колкие утреннички, пришли к Павлу и Ларисе, рука об руку, Маринка и Федор.

Екнуло сердечко у Ларисы, а Павел усмехнулся:

– Давно ждем, а вы все женихаетесь...

– Павел Тимофеевич, Лариса Федоровна – вот мы пришли... – забубнил весь банно-красный жених. Невеста стояла овечкой, потупив глаза долу.

Лариса метнулась в соседнюю комнату, где стоял семейный иконостас из пяти икон. Схватила первую попавшуюся под руку богородицу и обратно к молодым.

– Чтоб по-людски было, – пояснила она свою мгновенную отлучку.

– Значит, прошу руки вашей дочери Марины, – продолжал Федор.

– Тогда уж на колени, – посмеиваясь, сказал Павел, – как в кино показывают...

Федор не замедлил бухнуться на колени, потянул за собой и невесту.

Лариса, держа перед собой икону, уже плача, приговаривала:

– Совет вам да любовь от Бога, достатка, деток здоровеньких и сами, чтоб здоровы были до глубокой старости, и нам помощники...

– Лар, ты сильно-то Бога не загружай, а то рассердится, – посоветовал Павел.

– Мы, Паш, и так у него не часто просим, авось простит, – еще пуще обливаясь умильными слезами, сказала Лариса.

И была свадьба с богатым выездом и многолюдьем. Из Ставрополя приехал целый автопоезд из четырех дорогих иномарок, но больше всех удивил снежно-белый, длиннющий свадебный лимузин, коих в здешних краях пока не видывали. Конечно, свадебным генералом выглядел он – Димка, Дмитрий Тимофеевич Недорубов.

– Дима, ну зачем такое роскошество?! – завидев выходящего из головного лимузина деверя, вместо приветствия воскликнула Лариса, всплескивая руками. – Мы ж люди простые, и нам лишних пересудов не надо...

– Опять прибедняетесь, куркули! Позахватили колхозные земли, куда ни глянь – все Пашкино! – обнял Дмитрий невестку, смачно расцеловал в обе щеки и губы. – То, Лар, называется – знай наших! Что ж, у меня племяшка в бурьянах найдена?

Из следующего, огромного, как сарай, внедорожника выскочил Пашка, и сразу к сыну. За ним выбрался из «мерса» Саня с пистолетом под мышкой. И замыкал кавалькаду машин семейный «Опель» среднего брата Недорубовых – Сергея, приехавшего со всем своим малым семейством – женой Зинаидой и красавицей дочерью Тамарой. Тамара побывала замужем, но вскоре развелась. Так сказать, решила продолжить девичество в уютном лоне родительского дома. После медового месяца и свадебного путешествия на Канары, супружеское житье показалось

избалованной девушке рутинным прозябанием. Правда, папаша Сергей Тимофеевич, до сих пор почесывался – свадьба и прочее влетело ему в копеечку.

– Ничего, братуха, – успокаивал Дмитрий брата, – накинешь по тыщенке на пасть каждому клиенту и можно будет снова выдавать Тамарку замуж.

– Тебе, заклятому бобылю, легко рассуждать, – вздыхал Сергей.

Как бы там ни было, а дорогих братьев с домохозяевами с радостью встречали Павел и Лариса.

Радостной суматохой наполнился хутор. Вновь Саня с Данилычем удили рыбу, но у Щукина уже сидели в садке отборные карпы и сазаны для свадебного стола. Маринка с неразлучным племянником Ваней и сестрой Тамарой резали на плантации к столу последний, самый поздний и самый вкусный виноград. Тамара от одного вида огромных, подернутых матовым туманцем кистей, охала и ахала.

Пашка с братом Анатолием помогали Свирину смолить соломой, а потом разделявать огромную свиную тушу, часом раньше заваленную умелыми руками жениха Федора.

А на двух кухнях, в доме и во времянке, дым коромыслом. Здесь хозяйничали сама Лариса, тетка Лена со старого недорубовского двора, чопорная Зинаида – жена Сергея и проворная кума Мария Свирина.

21

Братья Павел, Сергей и Дмитрий уехали на черном «мерсе» в Кураново. Горожанам хотелось поглядаться с немногими, оставшимися на селе ровесниками. У Павла своя миссия – созывать назавтра односельчан на свадьбу. Накануне вместе с Ларисой корпели над списком – кого приглашать на гулянку.

– Маминых подружек, Паш, надо всех позвать, – Лариса заносила в список – кого именно звать. – Их там и осталось, старушек древних, всего ничего...

– Конечно, Лар, – соглашался Павел с женой. – Им и стол отдельно поставим. Старушкам будет вольно и гостям без конфуза. Бабка Лукерья, помнишь на поминках матери, не жуя, наглotalась мяса впрок, а потом тут же за столом блевала. А старая Левадиха постоянно сморкается, что и в Кураново слышно...

– Не обиделись бы бабки... – с сомнением проговорила Лариса.

– Так они ж рядом будут, Лар! – удивился Павел. – Только чуточки в сторонке для собственного комфорта. Меня другое беспокоит, Лар...

– Чего, Паш? – Лариса поискала глазами на лице мужа то самое беспокойство.

– Со Смолиными что делать будем? – вопросительно и хмуро посмотрел Павел на жену.

– Как- что, Паш?! – в свою очередь удивилась Лариса. – Они, Смолины, считай, наши родственники. Внучок, Ванечка, он ведь чуточки и ихний, Паш.

– Вот именно – чуточки! – передразнил Павел жену. – Потому и глаз не кажут на хутор.

– Паш, они тебя робеют, – жалостливо сказала Лариса.

– Это с каких же пор Васька Путо оробел?! – воскликнул с усмешкой Павел, – Слышал, как подопьет «У Агаши», так и погоняет меня словами разными... Не пойду к Смолиным, ну их к черту!

– Паш, а что потом люди скажут? – Лариса понимала и жалела мужа, но рассуждала по своей, женской логике. – Нехорошо скажут, Паш...

– Мне отсюда не слышно, что в Кураново скажут, – усмеялся Павел.

– Услышал же, что Путо про тебя буровил «У Агаши»...

В Кураново въехали в предвечерний час.

– Совсем село обезлюдело, огорченно проговорил Сергей, оглядывая дворы справа-слева улицы.

– Счас я тебе покажу людное место, – усмехнулся, сидя за рулем машины, Дмитрий. – Злачно, зато смачно...

В самом центре села, «У АГАШИ», действительно перемещалась небольшая толпа, в большинстве своем, мужиков, но присутствовали и женщины, и даже девушки. Головы тут же обратились к роскошной машине. Дмитрий притормозил на обочине, обратился к старшему брату:

– Кати по своим делам, а мы с Серегой тут тебя подождем...

– Здорово, земляки! – Дмитрий без всякого смущения направился к мужикам.

Сергей малость помялся, прежде чем последовать за братом. Отвык от сельской простоты.

Вышел из машины и Павел в надежде увидеть завсегдатая кафе Ваську Смолина и тут же избавить себя от обузы посещать его на дому. Но, к его удивлению, Васьки Путо не было ни снаружи, ни внутри помещения.

А за Дмитрием в кафе устремился шлейф мужиков. Всем была давно известна широкая натура младшего Недорубова. Что последует дармовая выпивка, в том земляки не сомневались.

Павел, объезжал дом за домом, созывая гостей. Радовались односельчане приглашению, устав от скучного однообразия жизни, от безделья и чувства своей ненужности. Отказывались разве те, кто был сильно болен и немощен.

Напоследок подъехал к расхристанному на все четыре стороны смолинскому подворью. Сам хозяин курил, сидя на ступеньке частично обвалившегося каменного крылечка.

Поздоровались, правда, без рук.

– Каким ветром, Павел Тимофеевич? – криво усмехнулся Василий, показав едва ли ни пустой рот.

– Чего ж внука не проведаешь? – вопросом на вопрос ответил Павел.

– Пашка, ты не думай, что я, вроде как, вам внука сбагрил и руки умыл, – хмуро проговорил Смолин. – Появлюсь на твоём хуторе, скажешь – вот бедный родственник на выпивку пожаловал.

– Не скажу, но и ты за своим поганым языком следи, там, «У АГАШИ», – Павел ступил на первую ступеньку, приблизил лицо к лицу хозяина. – Меня можешь хаять как тебе вздумается, а семью не трожь, а то порву в клочья, как бобик мячик.

Смолин, отпрянув, виновато пробормотал:

– Ты уж, Пашка, извиняй, может по пьяни что и сбрыхнул...

– То-то – по пьяни, – отступил Павел. – О Ларисе, что говорил: «Неспроста деверек Ларке таковскую машину отвалил...» Смотри, Васька, мало я тебя в пацанах колотил...

– Прости, Павел, если можешь, – пришибленно глянул Василий на Недорубова. – Действительно из-за своего языка много неприятностей имею...

– Ладно, не за тем приехал, – Павел закурил сигарету, посмотрел сверху на понурившегося хозяина. – Лариса послала гостей назавтра созывать, приезжай... Маринку замуж выдаю...

– Спасибо, но наверное, не получится... – едва слышно проговорил Василий.

– Чего так?

– Евдокия совсем плоха, жду дочек из города. Боюсь, что не сегодня-завтра...

– То-то «У АГАШИ» тебя не нашел. Можно Евдокию увидеть?

– Можно, да смотреть не на что...

Следом за хозяином Павел прошел в небольшую горенку, наполненную запахом человеческого тления.

В высохшей до человеческого предела женщине, Павел едва признал, пусть и невзрачную, но такую шуструю и деятельную одноклассницу Дусю Дятлову, потом проворную бабенку, обремененную семьей, пьяницей мужем и тяжкими колхозными работами на свиноферме.

Она смотрела на гостя глубоко запавшими, смертельно уставшими глазами.

– Никак сваток пожаловал, едва разомкнула синелые, истончившиеся губы Евдокия.

– Вот пришел на свадьбу звать, – присел на табурет в изголовье Павел. – Дочь замуж выдаю...

– Видно отгуляла я свое, Павел, – едва слышно почти прошептала Евдокия. – И ты постарел, а вроде и не жили... – с уголка глаза женщины выкатилась слеза и скатилась на впалый висок.

– Дусь, а что же врачи говорят? – чтобы не молчать, спросил Павел.

– Ничего не говорят, – проговорила Евдокия, – но я-то знаю, что совсем скоро... Так и не увижу внука, сколько ни говорила Василию...

– В том и моя вина, Дусь, – повинулся Павел. – Завтра свадьбу отгуляем, самолично привезу Ваню...

– Хорошо назвали – Ваня, – прошептала Евдокия. – Привези, Паша, порадуй перед дальней дорогой...

– Вот, видишь, Васька, ты виноват, что Евдокия до сих пор не видела внука, – выговаривал Павел, провожавшему его до калитки хозяину. – Я весь в заботе, а ты груши «У АГАШИ» околачиваешь, вместо того, чтобы внука проведать...

– Да редко я теперь бываю «У АГАШИ», – оправдывался Василий. – На какие ши-ши, Паш? Как кол-

хоза не стало, так и в кармане вошь на аркане. Что дочки дадут, то и есть, а до пенсии – сам знаешь...

Приходи на хутор, – поколебавшись, сказал Павел, – что-нибудь придумаем, насчет работы...

– Спасибо тебе, Паш, на добром слове...

На том и расстались, казалось, два заклятых врага, пожав на прощанье друг другу руки. У Василия, у того, даже слеза сбежала на впалую щеку.

22

Пожалуй, не видели в райцентре у Дворца бракосочетаний такого шикарного выезда, с веселым вступлением на просторное крыльцо самого жениха с гармонью под мышкой.

Затея жениха с гармонью принадлежала Дмитрию, чтоб, значит, он, жених, был замечен гостями не как лицо постное, ожидающее окончания всей этой суматохи, с мечтой уединения с невестой, а настоящего жениха, веселящегося на своей свадьбе вместе с желанными, дорогими гостями.

Марина лишь попросила суженого:

– Федь, ты пой да не запевайся, а то могут подумать, что ты пьяный так раздухарился.

– Марин, ни боже мой!... – поклялся Федор. – Только школьное...

Кто-то из гостей принес из Кураново дурную весть – нынче ранним утром умерла Евдокия Смолина.

– Вот тебе, Паш, и ложка дегтя, – сказала со слезой Лариса мужу. – Как бы на Маринкином счастье, то не отразилось... Небось, дурная примета, Паш?

– Нет, Лар, – мудро заметил Павел. – Свадьбы и похороны сопровождают всю человеческую жизнь. Ну прикинь, разве не бывает – мчится свадебная канитель на машинах, а ей навстречу похоронная

процессия. Одних ожидает свадебный стол, других поминальный – все как в жизни. Так что успокойся, Лар, и не иди к гостям зареванной, а то всем настроение испортишь. Вот только жаль, что не выполнил последнее пожелание Евдокии и везде-то мы опаздываем...

Нет, смерть Евдокии никаким образом не отразилась на свадьбе. Правду говорил Павел – все как в жизни.

И денек выдался на славу – ясный, теплый и на голубых небесах ни облачка. Столы стояли на воле и над головами гостей, а то и касаясь их лиц плыли едва видимые паутинки – спутницы ласкового бабьего лета.

Невеста была прекрасна в своем свадебном наряде, тонкой, но уже сложившейся фигурой молодой женщины. И жених под стать невесте: кудряв, синеглаз и его счастье просто было написано на загорелом, слегка скуластом лице.

Под гармонь Федора лихо плясали девчата. Тон задавала малость отяжелевшая, но все еще лукавая и привлекательная Галина Щукина:

*Дядя Вася из Рязани
Вдруг проснулся в Мичигане.
Вот какой рассеянный
Муж Сары Моисеевны.*

Ей вторил жених-гармонист:

*На деревне девки пляшут:
Самогонку пьют в розлив:
Тракторист Самсонов Паша
Уезжает в Тель-Авив.*

И, все же, Федор, упоенный игрой на гармонии и подзадориванием девчат, однажды забылся:

*Пожалела б ты меня –
Бедного, несчастного.
Все имею при себе,
Для секса безопасного.*

И тут же незадачливый гармонист получил от невесты крепкий тумак в бок, а от девчат шаловливый смех и поощрительные возгласы: «Жми на все лады, Федя!»

Как и задумал Павел, старикам накрыли отдельный стол в беседке под виноградной лозой. Так те не только не обиделись, но благодарили хозяев за то, что уважили, отделив от всеобщего гвалта луженых глоток. В стариковской компании преобладали старухи, среди которых затерялись несколько стариков, в том числе Корней Щукин на правах тамады и распорядителя.

В самый разгар свадебного застолья, охранник Саня привез из райцентра «сладкую» парочку – Толика и Лизу. Студентов ждали родные, а гости вполошились:

– Никита, Павел зачем откладывает? Давайте завтра еще одну свадьбу заодно гулять!

– Все бы вам гулять, – шутливо отмахивалась от гостей жена Никиты Бердникова Софья. – Работать вовсе отвыкли!

А парочка действительно привлекала общее внимание. Оба рослые, как нынче говорят, спортивного сложения. Толик смуглолицый и кудрявый, Павел просто не мог в младшем сыне не узнать себя молодого. Лиза, напротив, белокурая, голубоглазая девушка с хорошо развитой грудью.

Немногочисленная молодежь вскоре заскучала за общим столом и ушла на берег пруда, ушел с ними и Пашка, не расстававшийся с сыном. И там во всю загремела «своя» неживая агрессивная музыка, за которой и певцов-то едва слышно.

Кто-то столкнул на воду дюралевую лодчонку и, прихватив пару пассажиров, выгребал на веслах на середину пруда. А кто-то, в подпитии отчаянный, сбросив штаны и рубаху, полез купаться под визг девчат и хохот парней. Забеспокоился дед Корней, кабы озорники не утопили его рыбацкий «пароход».

Довольными остались хозяева «бескровной», хотя и многолюдной свадьбой, редкий случай, чтобы обошлось без драк. Чудом среди молодежи не оказалось драчливых петушков.

Провожая гостей, Павел и Лариса приглашали и на следующий день желающих «полечить голову».

Лечить головы пожаловали не только мужики, но и добрая треть женщин, кто помоложе. А на третий день Павел самолично лечил головы на старом дворе, потому что добираться до хутора многим мужикам стало тяжело, а то и невмочь.

– Пропадают нынче мужики, – вздыхала Елена Семеновна, нынешняя хозяйка старого двора. – Придумали себе безработицу и распились без удержу, а чтоб мозгами пораскинуть, на то их не хватает. За столом сидеть третий день на дармовщинку куда приятнее...

Из дневников

* * *

Высшая награда писателю – признание читателей. Я эту награду получил.

Доктор Малахов, так он подписался, проживающий в Болгарии полвека, похвалил мой роман за верность событий, только в некоторых эпизодах напутал я с фамилиями – не Гарцев, скажем, а Уланов. Наверное, он прав: роман-то я придумал, а фамилии брал, понятно, местные, типические, станичные. Известно, какую большую нагрузку несут фамилии и прозвища в книгах, вспомним пьесы драматурга А. Н. Островского. Но за эти фамилии я и пострадал: подавала на меня в суд одна родственница, дочь отца, якобы нелестно упомянутого мной в романе. Я не знал её отца. Как и не бывал в оренбургских степях, откуда написала мне старая оренбургская казачка. Прочитав роман, она подтвердила, что вся её жизнь мною изложена правильно, и как замуж ее отдавали, и как она родила от другого, любимого, а вот одно событие автор запомнил, пропустил: как её брат пропал в степи в во-

**АНДРЕЙ
ГУБИН**

Проза

семнадцатом году, за сеном поехал на верблюдах, ещё один верблюд прихрамывал.

Один механизатор просил в письме указать ему точный адрес *нашей станицы* – как названо место действия в романе – «места так понравились, что мы решили с женой, она тоже трактористка, провести там очередной отпуск». Больно было разочаровывать его: точно такой станицы на самом деле нет, она симбиоз группы станиц, а общие границы ясны по упоминаниям конкретных гор, рек, местности.

Но я забежал вперед – до читательских наград было ещё очень далеко. А тогда, в тот апрельский, шелестящий дождинками денёк, *я проснулся*, и потекли стихи – о колёсах, их хозяине, звездоглазой синезарной зимней ночи, когда он, задыхаясь, тащил своё последнее богатство, переехавшее его жизнь, любовь, счастье, в яр...

Длительно и упорно избегал я презренной прозы даже в пьесах и киносценариях о паре колёс – я трогал многие жанры. Но знающие люди отговорили меня от *романа в стихах* – дескать, устарел, исчерпался колодезь романов в стихах, да он давно написан, роман в стихах, «Евгений Онегин». Уговорили... Глупец, поверил им... Глупец! Не может истина в искусстве выражаться вне музыки, красоты, ритма, стихов. Ритм есть и в прозе. Но если слышишь музыку, поэт, не спеши соглашаться с умудрёнными, знающими, исчерпавшими себя до дна, с погасшим ключом родника, их мудрость – сестра импотенции. Слава богу, хоть загородил *свою* прозу сторожевыми вышками старинных казачьих песен.

Мне не попался сундук с рукописями времён гражданской войны. Даже и старой соломенной шляпы или плетеной корзинки, заброшенной на чердак, с пачкой пожелтевших, как водится, листов внутри не находил. Зато постоянно пребывал в

сокровищнице – язык и песни матери, её, а не мою фотографию следует помещать перед титулом романа. Сыны только записывают книги, а пишут их матери, бабушки, няни. А кроме языка – главного, основного – судьба подбросила мне в тот день вещественное доказательство драмы, о которой я подзревал, – пару колёс.

Дни слились в одну красную линию строк. Я плыл в замечательном море, и частенько мой парус – оранжевый, фитилёк керосиновой лампы – тонул в багряном океане утренней зари. И я никак не мог пробиться к колодцу, чтобы отрыть его, сам засыпанный на десятки лет обвалом в шахте...

Приходит похмелье: вижу, герой мой смахивает на уже *бессмертных*, в книгах – огнеупорные собственники, древнейшая тема золота, денег – мальтийский еврей Варрава, венецианский еврей Шейлок, Скупой Мольера, Скупой рыцарь Пушкина, Плюшкин, Чичиков, папаша Гранде, полуеврей Гобсек, христианнейший Иудушка Головлёв... Но это бронза, вершины, тут можно и копировать – никто не осудит. Но вот эти как броневики на мою арбу надвигаются – ровесники, сверстники, однополчане моему герою: Яков Лукич Островной, Петр Соустин, Сторожев, Опанас... Уж очень походит на них мой герой, оказывался их кровным братцем. Колёса мои остановились, застряли...

Я погрузился на золотое дно библиотеки, искал, штудировал, учился... Выше я написал, что самое лучшее из написанного мной придумано. Но самое весомое подбросила все-таки реальность, непридуманное, сама жизнь: резко засияла грань отличия моего героя от предшествующих литературных героев: не характером, а биографией, изменившейся исторической обстановкой, вре-

менем, фактором существования социализма четверть века до войны.

Кровных братьев моего героя так или иначе смёл карающий вихрь революции – Глеб гибнет от самого себя, от контрреволюции, от частной собственности, в мир которой, в вожделенный мир, попал при оккупации, и оказался в эпоху монополий анахронизмом, способным лишь на последнюю градацию: отрицание отрицания, что и случилось с ним, как я помнил по сорок второму голу.

Про себя я никогда не считал роман историко-революционным – есть и такая табличка-дощечка в жанрах, хотя по этим табличкам вовек не определить: военный роман «Война и мир» или деревенский, лирический, или сатирический, философский, или бытовой? Втайне я думал, что роман мой современный: в буднях жизни я постоянно натыкался на своего героя уже в атомно-космическую эру, в Польше или не в буржуазном обществе, где это закономерно. Я встречал его в разных обличьях – шофёра, писателя, кондитера, физика, подобно тому как иной раз читаешь в газете о какой-нибудь Салтычихе в должности директора фабрики или о Печорине в чине инструктора альпинизма. Понятно, другие одежда, стремления, цели, а суть та же: самостоятельность, единоличность, самоличность, самоволие – как возвратный тиф. Сказать об этом я бы не решился и сейчас – автору не дано.

Не дано права делать оценку своим трудам, если бы мне жизнь не выдала самый лучший пряник читательской оценки. Меня пригласил председатель колхоза, знаменитый на всю страну Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР. Во время беседы в кабинет зашёл его заместитель – парторг, агроном, знающий и живот-

новодство, коренной в колхозной упряжке. Председатель познакомил нас, а когда тот ушёл, сказал:

– Читал ваш роман и удивлялся: не с моего ли заместителя писали – вылитый ваш Глеб... Конечно, ваш течёт, куда хочет, а этого в турбину запрягли, на общую пользу...

Ну слава богу, значит, я писал не вхолостую, и писал хоть и прошлого человека, но с натуры, с живых, современных, да ведь и тема пока вечная, своей рубашки, своей хаты с краю, можно и на посту министра оказываться единоличником, эгопатриотом своего министерства, как некоторые квазикоммунисты и лжесоциалисты Запада да и Востока на поверку обыкновенные националисты, думающие лишь о своей рубашке или претендующих на роль вожатых.

А не повторяться никому не дано; новое это то, в котором 95% старого, девяносто пять веточек старых, а пять новых, весенних.

Проснёшься затемно – в Москве, на Мангышлаке, на Камчатке – и видишь без всякого усилия, как на экране телевизора: ночь, горы, месяц заливаёт жёлтой медью аул с белой, как язык ледника, мечетью – мама вывела меня, маленького, «на двор»...

И остро захочется сесть за стол с чистым листом бумаги. Писать не об этом, но о матери, о Ярославне на городской стене, о новых островах Вселенной. Не надо только тужиться, силиться – усилия в поэзии вредны, бесплодны, хотя и нету более каторжной работы.

* * *

И вот сию, осыпаемый звёздами, тоненькая тень-былинка, и боюсь глянуть вниз глазами раз-

ума – в беспредельность млечных глубин, всасы-
вающих меня в спирали вечности. Я упираюсь,
краткий, как утренняя росинка, и, качнувшись,
чуть не падаю за борт нашей лодки-Земли, но жи-
листая ветвь винограда, посаженного отцом, креп-
ка и долголетня – я хватаюсь за неё как за канат,
и прочны старые стены, и уже поют петухи, и спе-
шит к нашей Лодке-планете флагманская золотая
каравелла Солнца, натягивая над нами ежедневно
синий парус неба с ватным рожком месяца, застиг-
нутого рассветом, пастушьей звездой или молоч-
ными тучами.

И я открываю свои неизвестные острова – в
зарослях анютиных глазок и *львиного зева* под са-
манной стеной хаты, а мои тигры и анаконды при-
таились на гряде помидорной рассады и укропа.
Сапфиры каратов на сто тоже попадают – в стре-
мительных потоках жизни, но не только слушай и
смотри, сам тоже угощай словом встречающих.

Снова большой город, кафедра, стройка, пло-
щадь...

В толпах стою волноломом, книга в кармане как
браунинг...

Счастливы только путешественники, писал я в
юношеской тетради и не отказываюсь от этих слов.
Приглашаю всех путешествующих: никуда не уез-
жая, посетить эти прекрасные дальние страны –
родительский дом, сердце матери, улицу, городок
в тучах сирени, не спешить из этой таинственной
гавани, отрыть живой колодезь, защитить голубя,
дерево, ребёнка, что, конечно, больше открытия
новой тайны материи, ибо из средств рождения че-
ловека известно пока одно, а перечислить средства
уничтожения жизни – как пересчитать кварки во

Вселенной, они к тому же, эти частицы элементарных частиц, гипотетические.

То есть наряду с неизбежными полётами по Солнечной системе посетить наконец и планету Земля в её самых богатых краях – отеческих, материнских.

Или вам не дорога акация, лепестки которой вы так аппетитно жевали на дереве в детстве? И разве не камыш на берегу речонки, где вы бродили в детстве с арбалетом, нашептал вам грядущие песни?..

Когда я перестану быть – я быть землей не перестану...

Я – землей Кавказа, снежинкой белой крепости гор, сформировавших мои представления о добре, красоте, чести, счастье. Я не выбирал её на карте – я её песчинка, и расстаться с ней уже не сумею, даже если придется доживать век в пансионате дядя престарелых где-нибудь под яблонями Марса или чабану на Венере.

В молодости я, как все начинающие, мечтал, чтобы мои тетради, рукописи стали книгами. А теперь я хочу одного: все свои книги переписать опять в тетради, превратить этот книжный свинец в первозданное золото.

Здесь, в светлейшем мире, полном зелёного солнца и синих звёзд, в золотых и сизых балках, на благородно серых горах в крапинах барбарисовых лесов слушал я исповедь конского черепа, истлевшего в земле клинка, пировал с пчёлами и родниками, и пытался подоить волчицу, хотя и отговаривали меня *знающие* люди.

Как памятник последним зубрам, волкам я мастерил свою арбу, колесницу, в которую впряжён хозяин, а под колесами арбы – его любовь, жизнь, смерть. Но памятник не получился: он оказался

живучим и живым, рыцарь своей рубашки: живого в сквере не поставишь – уйдёт. А бронза это или глина, моя арба, покажет время. Во всяком случае я старался избегать поэзии травоядной, литературы бисквитной и конфетной.

* * *

Когда я прочитал слова И. В. Курчатова о родителях, подумал: вот он отрыл свой родник, колодец, засыпанный в нечеловеческом напряжении величайших дел, забот, битв. И эти родниковые слова, этот живой ключ – тоже памятник его жизни.

Внушительны и бронза, и гранит. А для меня бессмертие С. П. Королева и в одной, ничтожно малой детали, говорящей о *Человеке*, кем бы он ни стал. Шестнадцатилетний Серёжа Королёв сказал:

– Мама! Дай мне, пожалуйста, пятьдесят копеек.

– Хорошо, но скажи, для чего?

– Хочу поступить в лётное общество, нужен вступительный взнос.

Стартовый стол ракет глубже – в нравственной чистоте, заложенной детстве.

Однажды я проходил в зимних сумерках мимо памятника Королёву – бюст, вырастающий из глыбы серого, в пятнах снега, гранита. Пронизало видением: пятна снега зримо показались изображениями туманностей, завихрений галактик, звёздными островами, из них и выросла голова учёного.

Наверно, скульпторы не думали о таком оформлении памятника, хотя, конечно, учитывали и свет, и тени, освещение места, тот же снег. Можно ли на метре камня показать Млечный путь?

В Америке открыт памятник Эйнштейну. Учёный сидит над звёздной бездной мироздания. Кру-

глая карта неба выполнена из чёрного норвежского гранита, диаметр 8,5 м. Светила – 2700 гвоздей из нержавеющей стали. Солнце – бронзовый диск величиной с пятак.

В тот вечер я увидел мирозданье, из которого выросла голова Человека. Глаза мои явно не в ладу с действительностью, видят не то, что есть, а что быть должно. В поэзии только так и можно увидеть. Этим ценнейшим качеством одаряют поэтов и учёных их матери – другого рудника в природе нет. Крупнейшие ученые в 30-х годах скептически, иронически смотрели на занятия инженера Королёва, потом признались: Королёв обладал талантом видеть мир и людей лучше, чем они на самом деле, – и таким образом делал их лучше. Это особенно важно в эпоху, когда перед человечеством разверзлась термоядерная пропасть, более глубокая, чем пропасти Вселенной.

* * *

Мысль о колодце не покидала меня, но всё некогда было, вот сделаю то-то и то-то, побываю там-то, напишу... Так и не собрался. А теперь на хату надвигался жутко воющий железом электронный звероящер – бульдозер. Прораб махнул рукой. Квартал сносили. Я отвернулся...

Смерть бессильна перед нашей памятью. Несмотря на все старания талантливейшего критика Писарева, Пушкин в каждом доме. А тело похоронили – там, где он завещал, а не по прихоти императора или жандармов.

Память напомнила мне, что мама хотела, чтобы я отрыл колодец. Так она еще раз спасла меня, вернула домой, к себе самому, как раньше спасала от

доктора, копыта, голода, холеры – в её разных обличьях вплоть до любви.

По счастью, рядом с бетонной опорой ЛЭП осталась – спасибо бульдозеристу и монтажникам – старая груша, помню ее тонким прутиком ниже меня. От груши я рассчитал расстояние и угол до порога, а там и колодец.

Вставало новое Солнце. Утро великолепное, с туманцем, росой. Груша отцвела, завязались зеленые серьги плодов. Я поплевал на ладони и взял лом.

Земля схвачена бетоном, кусками труб, арматуры. Но в глубине клад. Это и памятник – только не в высь, а в глубь планеты, где обложенный золотистым доломитом и гранитом с искрой живой драгоценный глаз Земли, кристалл жизни.

...Полдень. Жара. Пот. Лом мой стучит, и звенит лопата. Хорошо бы сейчас ключевой водицы из лопуха, свернутого ковшом, из ведра или крышки термоса.

Впереди – тайна, очарование, родник...

А вода в колодце была пополам с нарзаном.

Лёгкая утренняя дымка пронизана золотыми струнами солнечных лучей – неужели застоялся тот табачный дам моей комнатёнки?..

После сорока лет я с ужасом и отвращением к себе констатировал: какую бездну художественной литературы прочитал я за жизнь! А она не вся была художественной. А рядом лежали книги с поэзией геометрии пространства, тайны разбегания галактик, возникновения нейтронов и протонов, и до каких пределов делимо вещество, почему фотон не имеет массы покоя, а нейтрино имеет, нейтрино, прилетевшие из звёдных далей, их ловить лучше

всего в глубине земного океана, хотя это всё равно, что искать там монету, оброненную каким-то мореплавателем неизвестно когда и где, и что это – гравитация, тахионы, мю-мезоны... Успокаивало лишь одно: немецкий астроном Дитер Херрман, *всё* рассказав о чёрных дарах, не упустив ни одного аспекта их *бытия*, закончил раздел в книге так: «А существуют ли вообще черные дыры?»

Учиться никогда не поздно. При белой голове я стал таким самодеятельным студентом Физического факультета, утешаясь и здесь, что Слокам и Чичистер отправились в кругосветку на крохотных парусных яхтах в одиночку, когда достигли уже пятидесяти лет – оба впоследствии бесследно исчезли в океане.

И конечно, оставалась страсть побывать всюду, увидеть, ощутить, узнать. Кое-что в романе не придумаешь вовек – только из самой жизни.

Поэтому и теперь не много времени у меня на колодец. Но лом и лопата не успевают поржаветь.

...Бью ломом землю и думаю – биением материнской крови во мне:

Долго брели мы к звездам... И однажды – во льдах и пустынях, в шелесте берёзовой листвы и реактивном грохоте, в грусти и торжестве взлета – услышали голоса пришельцев:

– С Добрым Утром, Земляне!..

Ими оказались поэты и философы, математики и инженеры, строители моделей мира. Их гноили в тюрьмах, сжигали, заливали рты свинцом или золотом наград, чтоб замолчали, но они не сдавались:

– Доброе Утро, Люди!..

Их и любили, прославляли, поклонялись им, но змеино торопилась Зависть, дёгтем исподтишка брызгала Клевета, цинично хохотала повелитель-

ница Бедность, насмерть била из-за угла Подлость, не раз пришельцы оказывались с хворостиной против танка, в ялике против броненосца, но и тогда не уступали:

– Жизнь прекрасна! Вставайте же – всходит Солнце!

Бросьте немедленно ядерные копы ракет и лазерные мечи в Космосе – закурите Трубку Мира!

Доброе Утро бесконечно длинного, ясного, теплого, светлого Дня Человечества – на зелёных островах голубых планетных систем искрящейся мирами Метагалактики!

– С Добрым Утром, Земляне!

– Помните: мы летим в одном корабле!.. Корабле-планете. А планета эта – родник во Вселенной... И мы все пьём из него.

г. Москва, 1991 год.

Подготовка текста Е. Ивановой.

Степан – казак терский

(Отрывок из романа
«Сильнее страха»)

Когда Россия начала войну с Японией, Терское Казачье Войско, наряду с другими казачьими войсками России приняло участие в боевых действиях на Дальнем Востоке. Оно выставило 1300 конников. Буквально все терцы, участвовавшие в войне, были отмечены за проявленную храбрость: 1-й Сунженско-Владикавказский и 1-й Кизляр-Гребенской полки, 2-я Терская казачья батарея. Они принимали участие в рейде на Синминтинь и Факумынь, в штурме и взятии у деревни Санвайзы хорошо укрепленной стратегически важной японской позиции.

Кроме этого, по указу от 24 марта 1904 года была сформирована Кавказская конная бригада из 2-х полков, набранных исключительно из горцев: 2-го Дагестанского и Терско-Кубанского.

Степану Ерофеевичу Сотникову, казаку станицы Ессентукской, в числе немногих ессентучан довелось участвовать в русско-японской войне. Моло-

**ЮРИЙ
БОЙЧЕНКО**

Новое имя

дому казаку исполнился 21 год, он только недавно перешел во второй (строевой) разряд служилого состава. Всего месяц, как поступил на действительную военную службу в Пятигорске, и командование 1-го Волгского Наследника Цесаревича полка откомандировало полусотню лучших казаков не по месту постоянной службы, в город Каменец-Подольский на западной границе империи, а в Ростов-на-Дону. Там в это время находился военный инженер с Дальнего Востока, полковник граф Воронин. Слухи о возможном скором начале военных действий против Японии уже не были большим секретом. Любой, даже далекий от политики россиянин знал, что в ночь на девятое февраля у мыса Чемульпо японскими военно-морскими силами были потоплены «Варяг» и «Кореец», что Япония объявила России войну. Николай II издал Высочайший Манифест от 28 января 1904 года. В прессе активно началась пропаганда быстрой шапкозакидательской войны. Граф Воронин как один из лучших в России военных специалистов по сооружению фортификационных укреплений в срочном порядке выехал на Дальний Восток. Ему в сопровождение были выделены кубанские казаки: сотник Андрей Штепа, здоровенный, медвежьей силы, неповоротливый, преданный служака – для особых поручений; два урядника-вестовых и десять казаков-терцев боевого охранения.

Из станицы Эссентукской в конвое сопровождения графа оказались только двое – Степан Сотников и Фрол Гарцев. Фрол был из старообрядцев, года на три старше Степана, но уже имел густую дремучую черную бороду и потому казался намного старше. В станице у него остались брюхатая жена и годовалый сын. Оттого, наверное, они и не пытались сблизиться, в головах были совершенно разные думки.

Но хотя Степан с Фролом и не дружили, отношения у них были ровные, почти приятельские. По станицам в те времена так и велось: казак за своего станичника голову в бою положит, или, как говорили: «сам погибай, а товарища выручай». Оба свято чтити это неписаное правило, и обоих само собой сложившиеся отношения устраивали.

Каждому – свое. Фролу – думушки про родной курень да оставшуюся в станице жену, а Степану – свобода! Любил он джигитовать да шашкой побаловаться, а особенно – врукопашную с кем-нибудь сразиться, в этом деле не знал устали! Только в полку объявится кто-то да нечаянно обронит слово о своем умении биться на кулачки или тягаться на поясах, а может, как по-иному силой да ловкостью меряться – Степан тут как тут! А ну! Бьемся об заклад! Давай на кинжал в серебряных ножнах, или на золоченые газыри! Не гляди, что шире меня вдвое!

Заводной был Степан до рукопашного боя. Мало того, что талант у него от природы был, так еще отец и дед его в совершенстве владели искусством казачьего кулачного боя и всех сыновей и внуков приучали к нему с малолетства. В роду было так заведено: казак с малых лет должен постигать, как говорилось, казачью науку. Да и сама порода сотниковская как нельзя лучше сподобила сильную половину рода для единоборства с противником. Мужчины в их роду были чуть выше среднего роста, – жилистые, хлесткие, выносливые. Кисти рук с толстыми мощными пальцами, не кулаки, а кулачищи!

Женская линия рода была совсем иная – в молодости бывали миловидны да кудрявы, а с годами становились румяными да пухленькими, несмотря на то, что работать приходилось от зари и до зари, а рожать почти что ежегодно.

Дед Акинфий рассказывал, что род их ведется от карпатских малороссов. Когда-то там был известен неугомонный атаман-гайдук Кондрат Бойко, непобедимый кулачный боец, до самой старости его никто не смог побить. Родом он был из мест, где проживало славянское племя, прозываемое «бойками», между рекой Сан и притоком Днестра, речкой Ломница. Вот от него и идет род Сотниковых. Это уже после, когда отец деда Акинфия Стефанец Бойченко, будучи в волгских казаках, постоянно вместе со своим отцом избирались сотниками, так при переписи потом и стали записывать – Сотниковы. А до этого весь род прозывался Бойко, а младшие, по карпатским традициям, прозывались Бойченко. Суффикс «чен» означал: младший, малый, сын Бойко.

На Волгу Стефанец Бойченко убежал вместе с отцом своим Остапом Бойко, спасаясь от панского преследования за дела лихие гайдуцкие. Добрались до Волги, там и осели, прибились к казакам. Поприжали вскоре вольницу и на Волге, но все-таки помнил там еще народ Пугача и времена былые. Казаки зауважали пришлых хохлов за их удаль и умение одному побить шестерых, а то и боле, супротивников. Среди казаков того времени было немало добрых кулачных бойцов. Казачий кулачный бой – бой «на кулачках» или, как его кое-где в казачьей среде называли, «казачий спас», – это неотъемлемая часть не только казачьей, но и любой другой славянской культуры. Должно отметить, что в нем удары руками значительно отличались от других, существовавших тогда систем рукопашного боя. Главной их особенностью являлось не только вкладывание силы в удар и не его тяжесть, а стремление сохранить траекторию удара и правильно скоординировать тело. Характерны удары ногами в прыжке и в стойках, также с земли (сидя, лежа). Это требо-

вало длительной подготовки, четкой координации и уверенного владения своим телом. Итогом этого являлось умение в прыжке вышибать из седла кочевников на их низкорослых лошадях как в паре с партнером, так и в индивидуальном исполнении.

С первых же походов и Остап, и Стефанец были удостоены высокой среди казаков чести – носить знамена, хоругви по-тогдашнему, и оберегать их от врагов. А через год-два отец и сын стали постоянными незаменимыми предводителями казачьих сотен, сотниками. Остап привез себе на потеху молоденькую турчанку из похода, но детей она ему не нарожала, померла при родах лет через шесть-семь, так и не оставив потомства. Более Остап женщин не заводил. Стефанец на другой год пребывания на Волге женился на казачке, сосватали с отцом на Днепре, после совместного похода с запорожцами на крымских татар. Детишки пошли как из рога изобилия. А тут как раз приехали московские казенные людишки произвести ревизию казачьему сословию. Вот с Волги-то и стал род прозываться Сотниковыми. Оттуда и попали к терцам, на новое порубежье – в станицу Ессентукскую Азово-Моздокской оборонительной линии вместе с другими казаками Волгского полка, на двенадцати знаменах которого, пожалованных им в 1762-м году, с оборотной стороны было начертано «*Никово не Устрашусь*». И только эти скупые сведения были известны Степану о происхождении рода Сотниковых.

Мужчины сотниковского рода – «бойки» – делились в основном на две части: одни бывали уж очень шустры по молодкам да вдовушкам, другие отличались постоянством и домовитостью, тянулись к детям, к куреню. Степа относился ко второй части сотниковского корня. А вот, к примеру, дед его, Акинфий, уже будучи в весьма почтенном воз-

расте, в девяносто-то лет, не прочь был хлопнуть ладошкой молодых невесток по тыльной части тела. Да еще при этом так, бывало, крикнет, что молодки – в краску, а казаки переглянутся и глаза вниз – «не видели», как дедушка пошутил!

* * *

В Ростове-на-Дону неподалеку от казарм, где расквартировалась полусотня из горячеводских, ессентукских, кисловодских, баталпашинских, боргустанских и суворовских казаков, находился рынок. При рынке была небольшая кузня с навесом, принадлежавшая хохлу Михайле Дыннику. Низкорослый, медлительный, крепкий, как его наковальня, Михайло снискал себе уважение и почет среди ростовчан, и особенно казаков, тем, что мог выковать то, чего не могли сделать другие кузнецы. Бывало, посмотрит Михайло на сломанную шашку или испорченный карабин, помолчит, подумает и скажет:

– Прийдешь через два дни.

И если сказал, то обязательно делал! Очень редко отказывал, говоря, что вещь нельзя починить. В те годы уже были в ходу косы и серпы заводские, штампованные. Но если уж Михайле заказывали выковать, к примеру, серп, то делал он это, нехитрое, на первый взгляд, орудие таковым, что знающие люди сразу оценивали его намного выше, чем штамповку. А уж как лошадей ковал! Казаки в очередь к нему стояли по неделям.

Узнав о предстоящем дальнем походе, отписали служивые домой по письмецу, погрузились в поезд, попрощавшись со своими конями. Командование запретило выделять целых два вагона для полутора десятка лошадей – там, на месте дадут! Хотя и

без малейших задержек, но ехали больше месяца до Маньчжурии. Проезжал Степан Западную Сибирь, Прииртышье, и так ему понравилась эта ровная безбрежная степь с маленькими пушистыми березовыми лесочками, что он несколько раз, когда поезд замедлял ход или останавливался на время, соскакивал на землю и, походив по сибирской земле, догонял свой вагон, ловко вскакивал на платформу. Граф Воронин увидел это однажды и спросил:

– Что, удалец, нравятся сибирские края?

– Так точно, ваше сиятельство!

– Да-а, много здесь земли плодородной! Неосвоенная, щедрая земля!

Запали тогда глубоко в сердце Степана красота и ширь бескрайних сибирских земель.

По прибытии на место службы полковник граф Воронин не стал отправлять терцев назад, а оставил при себе. Он постоянно был в инспекционных поездках по линии фронта, и терцы, как никто другой, по его мнению, подходили для этой походной жизни. Справедливости ради, должно сказать, что это было исключительно субъективное мнение графа. Сибирские казаки тоже отличились в той неудачной войне храбростью и находчивостью, а также безропотным и самоотверженным исполнением приказаний командования, чем заслужили по окончании войны «Особое Монаршее благословение». Отличились и оренбургские казаки, когда полусотня лихих конников взяла в плен два батальона японской пехоты. И тем не менее полковник оставил при себе именно терцев.

Промеж себя побурчали они недовольно, но делать-то нечего – служба есть служба. Графу только и сказали, что кони местные не очень нравятся.

Полковник выслушал их и велел порученцу Штепе разобраться. В тот же день почти всем тер-

цам поменяли коней. Степан не стал отдавать свою кобылицу, она ему сразу приглянулась. А вернее сказать – прились они с лошадей друг другу по нраву. Степан дал Няньке – так звали ее – пару сухариков, она осторожно приняла, неспешно сжевала и принялась обнюхивать Степу. Казаки знают, что у лошадей очень тонкое обоняние, если нравится ей запах седока, то дружба вполне возможна. А если нет, – то всяко бывало в походной жизни.... Но лучше коня поменять!

Нянька, рослая гнедая кобыла, была несколько тяжелее коней, привычных для терцев. Но в Няньке Степан почувствовал силу и выносливость, хотя, конечно, в скорости она не смогла бы тягаться с его домашним жеребцом Изюмом. Нянькина шерсть вполне соответствовала суровому дальневосточному климату – густая, мохнатая.

Пока Степан гладил Няньку по шее и гриве, почесывал за ухом, она обнюхала его, мотнула длинной гривой, взяла осторожно губами черкеску выше газырей и неожиданно коротко заржала.

– Чего? Дурашка! – спросил ласково Степан. Он уже почувствовал, что они с кобылой подружатся, что он ей тоже понравился. Нянька ткнулась влажными губами ему в шею.

Две недели отряд полковника графа Воронина, усиленный двумя топографами и двумя солдатами при них, кочевал вдоль линии фронта, обследуя мосты, укрепрайоны, дороги. Большая часть пути проходила по лесистым местам, поэтому пики казаки с собой не брали: в лесу пикой много не навоюешь, да и путается она по ветвям, мешает в походе. Шашка, кинжал, нагайка (она у казаков приравнивалась к холодному оружию), карабин да еще нож засапожный – вот и все вооружение. Зато по две суммы переметных у каждого, сухарей да солонины на две

недели, а патронов – кто сколько посчитал нужным взять. Заводных коней не брали, так что вымотались крепко. Потом дали два дня на отдых. Казаки выспались, помылись, постирались, поели наваристых щей. В общем, отдохнули неплохо

А наутро – направление на Мукден, срочная инспекция. К отряду прибавились еще двое унтеров-топографов и высокий полный инженер, специалист по сооружению фортификационных укреплений. Граф Воронин построил команду и строго наказал охранять и беречь инженера пуще него, полковника. Сообща решили, что и в этот раз одвуконь будет несподручно, придется взять только двух вьючных лошадей под топографическое оборудование да троих запасных.

Инженер был уже пожилой мужчина, не очень привычно чувствующий себя в седле. Он еще как-то удерживался на коне в галоп, а уж на рысях его растрясло, он начинал прямо-таки умолять сбавить скорость. А это означало – ехать шагом. До самого Мукдена! Вместо двух дней добирались пять суток. Казаки еще не бывали в этих местах, поэтому дорогу определяли топографы, ориентируясь по картам. Видя, что экспедиция сильно затягивается, инженер на пятый день предложил спрямить дорогу – перебраться через невысокий перевал, там в двух местах должны быть проходы, к вечеру можно вполне успеть. Посоветовавшись, решили ехать через перевал.

Кто по жизни знает, где соломки подстлать? Редкому человеку дан дар предвидения. Гораздо большему числу людей знакомо чувство непонятной тревоги, ожидание чего-то неотвратимо надвигающегося, предчувствие опасности.

Когда подъехали к подножию перевала, Фрол Гарцев, этот молодой, крепкий как гранит, казак,

вдруг остановил коня, подождал Степана, ехавшего шагом в беззаботной полудреме. А чего, казалось бы, опасаться – до линии фронта еще около десяти верст.

– Стой, – хрипло бросил Фрол Степану. Тот недоуменно уставился на земляка. Казак был бледен, папаха на затылке, белый лоб в блестящих каплях пота.

– Ты чего?

В те времена казаки так редко болели, что про самочувствие как-то и не принято было спрашивать.

– Чтой-то в грудях тяжело. Сам не пойму, ни с того ни с сего. Вот как повернули к хребту, так прямо давит чего-то и в пот бросает....

Степан не знал, что и сказать.

– Степа, если со мной... чего..., у меня под бешметом крест золотой, с камнем. Очень дорогой, сказывали. Батька из Туретчины привез, еще в ту войну. Отдашь его жене..., а мне уж попроще – медный....

Степан недоуменно смотрел на обычно собранного и прямолинейного Фрола. Он по-прежнему не находил, что сказать.

– Ладно, поехали, – тронул поводья Фрол.

Степан поехал позади, с трудом соображая, о чем это они только что говорили, сон как рукой сняло.

Через полверсты начался подъем, лес стал гуще. Степан следовал за Фролом, они были замыкающие. А по воинскому уставу и по законам казачьей походной жизни замыкающий должен быть максимально осторожен. Но у Степана не выходили из головы слова станичника, непонятные и настораживающие. Он машинально снял с плеча карабин, подержал в руке на весу, потом опять перекинул через плечо, не переставая глядеть на парнику в спину.

И прозевал бы казак свою жизнь, не будь он сотниковских корней, не будь ловок и удал!

Из-за путаных раздумий не уследил Степан, откуда на Фрола темными тенями метнулись четверо врагов и уже боковым зрением увидел, что и на него бросились столько же. Успел только подумать, что эти японцы совсем не такие, каких он видел раньше, и что шашку не успеваает выхватить. В один миг лазутчики впились в Степана, как пиявки: по одному повисли на руках и с двух сторон схватили Няньку под уздцы. Еще Степан успел заметить, что и впереди происходит то же самое, хотя и не видно из-за деревьев, но и там раздавались вскрики, звуки ударов и борьбы. Нападающие действовали умело, слаженно. Степан почувствовал, как по две крепкие, прямо-таки железные, руки клещами вцепились в него, и оторваться от них он просто так не сможет.

Но казак был из бойцовского рода Сотниковых! Он моментально оценил, что на правой руке висит более легкий японец, резко тряхнул головой, сбросив папаху за спину, и сильно дернул на себя вверх правую руку. И со всего размаху ударил головой в нос подтянутого к себе японца. По ослабевшей хватке понял, что ударил правильно, как отец с дедом учили: наверняка! Затем, перегнувшись к коренастому крепышу, державшему его за левую руку, молниеносно, как умели, пожалуй, только Сотниковы, кулаком нанес страшный удар в лицо нападавшему. Тот как сноп упал на спину и руки. А Степа уже выхватил шашку, рубанул того, что держал поводья справа, а затем – с другой стороны! На Няньку брызнула кровь, она отпрянула от разрубленного лазутчика, мотнув головой.

А лихой рубака уже понукал Няньку, направляя к Фролу. Того уже стащили с коня и пытались пова-

лить на землю. Без папахи, в изодранном бешмете, рычащий, как дикий зверь, Фрол был силен, и четыре японца никак не могли свалить его. У Фрола и у двоих лазутчиков лица были сплошь в крови, куда и повязки у японцев подевались.

Нянька упрячилась. Зная, что конь без седока сразу уйдет с поля боя, Степа, соскакивая с кобылы, успел снять с плеча карабин, воткнул возле себя в мягкую землю шашку. С малого расстояния, почти в упор, застрелил двух стоявших возле однокашника вражин.

А тот душил на земле верткого японца, а второй – сидел на самом казаке и душил его. Не бросая карабина, Степа с разворота хлестанул шашкой. Голова отлетела! Фрол с хрипом добил последнего врага. Вдвоем кинулись вперед, где шло побоище.

Японские лазутчики не стреляли, очевидно, по двум причинам: во-первых, не желая себя обнаружить на чужой территории, а во-вторых, им, скорее всего, нужны были «языки».

Произведенные Степаном два выстрела внесли замешательство в ряды нападавших: бесшумной вылазки не получилось. И это позволило кое-кому из казаков собраться для отражения внезапного нападения, и время борьбы затянулось, несмотря на численный перевес врагов. А тут еще и Степан с Фролом подоспели. Какие-то мгновения – и уже четверо казаков: из Эссентукской станицы Степан и Фрол, из Горячеводской Митяй Корнев, а там впереди усатый Никола Сигачев из Боргустанской прочищают себе дорогу к инженеру, которого поручено им беречь и сохранить.

Вдруг один из японцев пронзительно и коротко вскрикнул – в казаков молниями полетели какие-то острые звездочки, короткие пики, метательные ножи, впиваясь в тело, началась пальба из револьверов.

Степан успел увидеть, как Фролу в бок, чуть ниже сердца, воткнулся узкий короткий метательный нож, глубоко вошел, Фрол сразу выронил шашку и растерянно глянул на Степана. Степа вмиг вспомнил их последний разговор. Но никак нельзя мешкать и отвлекаться в бою! Что-то тупое, тяжелое, как пушечное ядро, прилетело сзади и ударило Степана по затылку....

* * *

Сознание вернулось от резкой боли.

Ему жестко связывали руки и ноги. Вокруг слышен был только негромкий непонятный чужой говор, точнее – короткие отрывистые слова. Русской речи не слышать, звуков борьбы – тоже; неужели один остался в живых?

Только хотел приоткрыть ресницы, как его поставили на ноги, быстро просунули крепкий шест меж рук и ног, снова опрокинули и – понесли на плечах ногами вперед. Успел заметить, как в пяти-шести шагах пожилой крепкий японец срывает с мертвого Фрола крест. Рядом, наклонившись, стоит с длинным, похожим на шашку, клинком худой безусый юнец, снимает серебряные газыри с черкески сотника Штепы, лежащего с перерезанным горлом. Было невыносимо больно болтаться на корявом шесте, хотя можно было наблюдать за происходящим и запоминать дорогу.

Несли плененного казака попеременно версты две. Когда Степану стало неважно терпеть боль в онемевших руках и ногах, он дважды простонал. Японцы тут же бросили его на траву, брызнули в лицо водой. Подумал: лучше «очухаться». Ошалело поглядел вокруг, застонал еще протяжнее, сделал попытку повернуться. Японцы убрали шест, разрезали веревки на ногах и поставили.

Врагов было с десяток, приказы отдавал тот пожилой крепыш, что сорвал с Фрола крест. Двое японцев подхватили пленного под руки и повели быстрым ходом, вернее, поволокли. А к Степану постепенно, медленно возвращались силы. Если бы не намертво перетянутые онемевшие руки, он бы, пожалуй, и подумал о том, как прекратить эти мучения.

Еще с полчаса, не более, вытерпел Степан перебежки по пересеченной местности, а потом почувствовал – пропадут руки! Он ловко, как клещей, стряхнул на землю обоих японцев, упал на колени и протянул к опешившему вожаку свои опухшие руки:

– Развяжите, басурмане! Окалечусь, – прохрипел, не узнавая своего голоса.

Командир пнул по очереди замерших в поклоне обоих конвоиров. Молча подошел к Степе, пригрозив ножом, потом полосонул им по веревкам.

– О-ох! – вырвался у Степана вздох облегчения. Он понял, что ему приказали не пытаться бежать. Согласно закивал головой, снимая обрывки веревки и разминая одеревеневшие руки. Тут же японец набросил на шею петлю из жесткого ремешка и, не мешкая, погнал дальше. Где бегом, где быстрым шагом одолели еще верст пять. Стало смеркаться. На короткое время присели передохнуть, попили, дали попить и пленнику. Степан был уверен, что дорогу он запомнил. Он уже готов был к схватке. Но видел, как зорко следят за ним японцы, особенно старший и худой юнец, не выпускавший из рук коротенькую пику.

Шли почти всю ночь. «Далековато затащили, басурмане!» – невесело подумал Степа.

Перед рассветом повернули по узенькой лесной тропинке и оказались прямо посредине неболь-

шого селения. Таких домов Степан еще не видел, хотя уже несколько недель находился на чужбине: островерхие, с загнутыми краями крыш. Степану почему-то вспомнились сказки о «тридевятом царстве за семью морями», что слушал в детстве.

Командир японцев отрывисто крикнул, будто гавкнул, два слова. Степана схватили и быстро опустили в какую-то яму, сунули в руки две чашки. Он сообразил, хотя в яме было темно, что это пища и вода. Японцы чем-то тяжелым закрыли лаз. Степан выпил воды, она оказалась холодная и приятная на вкус, видно, родниковая. Присел, стал есть. Каши, к сожаленью, дали маловато. Пошарил вокруг – ничего, сухо, даже сена немного нашел. Сгреб себе на подстилку, приготовился спать – силы всегда нужны поутру, так учили с детства старшие. Поворочался немного и уснул, раз сразу не убили, теперь втихую никто не станет его трогать...

Разбудил скрежет наверху. В свете утреннего неба увидел, что посадили еще одного сидельца с двумя чашками в руках. Тут же задвинули крышку. Новый сосед, очевидно, не успел разглядеть, что он тут не один. Стоял, не сходя с места, и жадно пил воду, слышно было, как он шумно дышит. Выпил всю, бросил на землю пустую посудину.

– Зря всю воду выпил, – подал голос Степан, – каша у них ядреная, после нее еще пить захочешь.

– Ты кто? – голос очень знакомый.

– Пленный, стало быть....

– Голос твой мне знаком.

– Ваше сиятельство! Вы?! – Степа узнал графа. – А я вас сразу и не признал. Я – казак Сотников.

– А-а-а! Ну что ж, друг мой, в живых остались, пожулуй, только мы с тобой.

– Как вы, ваше сиятельство? Не поранены?

– Цел, ни единой царапины. Но все это не так уж и важно, плохо то, что сундук с картами у них...

Почему они застали нас врасплох?! Ты успел заметить, сколько их было? Не меньше сотни! Ты-то как, служивый?

– Да уж почти все прошло.

Помолчали. Граф улегся в темноте неподалеку и до шепота понизил голос:

– Сотников, завтра, о чем бы тебя ни спрашивали, отвечай: я ничего не знаю! Понял? Что ни спросят, показывай на меня, как, мол, начальство приказывало, так и поступали.

Снова затянулось молчание. В яме было сухо, но прохлада давала о себе знать. Степан был в бешмете, черкеска осталась где-то с Нянькой. На графе был черный военный мундир и тоже вроде бы не должен замерзнуть.

Однако Степа несколько раз сквозь сон слышал, как граф ночью растирался да разминался, согреваясь.

А когда утром с грохотом открыли крышку, он мигом проснулся, глянул на полковника, тот был бледен, его бил озноб.

– Ваше сиятельство, вы не захворали?

– Да, ночью озяб.

– Водочки бы вам сейчас, ваше сиятельство. Помогает, когда промерзнешь.

Между тем сверху опустили деревянную лестницу, махнули рукой: вылезайте. Первым полез граф, неуклюже преодолевая около десятка поперечин. Степан последовал за ним и сразу же очутился в окружении японцев. Вернее сказать, в двойном кольце: впереди стояли с длинными, похожими на шашки, клинками, человек десять в гражданском платье; за ними, на три шага дальше – несколько японских солдат с бельгийскими карабинами наизготовку. Степан видел подобные карабины в родной станице. Граф стоял прямо, щурясь на яркое солнце, – в его глазах нет ни тени страха.

В круг вошел старый Степана знакомый, пожилой командир. Он поклонился графу, посмотрел на Степана и воскликнул:

– Ты, ни-исево не дерай! Са-аразу убем! – Говорил резко, как гусак при гусятах, невнятно бросая непривычные слова. Так же недобро глядя в глаза, провел пальцем по шее.

Степа согласно кивнул: мол, все понял.

Японец еще раз поклонился графу и продолжил:

– Пра-асу ийти за ма-ной, – повернулся, и все остальные двинулись за ним. Степан шел и примечал: сколько домов, куда идут тропинки, где стоит солнце, рассчитал, примерно, откуда их привели. Смотрел, как вооружены солдаты. Отметил, что лазутчики, как один, крепкие, жилистые парни, хотя низкорослые. Солдаты были заметно слабей.

Миновав несколько домов, вошли в огромный двор, огороженный высоким частоколом. Солдаты остались стоять с карабинами, направленными на пленников, все остальные разом пали на колени, но клинки остались в руках. Из фанзы – Степан слышал, что так называются здесь дома – вышел мощного сложения японец средних лет в богатом одеянии. Лицо неподвижно, как маска. Взгляд тяжел и надменен. По тому, как он двигался, Степа сразу определил, что под его роскошными, но несуразными, по европейским понятиям, одеждами скрываются могучие руки и плечи.

Степан с графом возвышались среди павшей ниц оравы. Он неторопливо оглядел черными, как смоль, глазами пленников и кивнул пожилому японцу, а затем ушел в свой дом.

Командир лазутчиков толкнул пленников в спины:

– Ийди!

В жилище оказались незнакомые предметы, странные запахи. В глубине большой комнаты на циновке сидел пожилой японский офицер в европейской военной форме, судя по нашивкам, высокого ранга.

Хозяин движением руки разрешил узникам сесть. Сам тоже опустился возле офицера.

Бесшумно вошла молодая японка, поставила четыре малюсенькие чарки, налила в них прозрачной жидкости и так же быстро удалилась. Хозяин и офицер взяли в руки посудыны и показали жестами: пейте. Переводчик вполголоса произнес:

– Сакэ – пить.

Граф тихо шепнул:

– Водка их, – взял чарку и, подняв по русскому обычаю на уровень лица, сказал обыденно: – Спасибо.

Махом выпил.

Японцы ничего не выказали на лицах, отпили по глоточку, глянули на Степана. Он понял, что от него ждут того же. Он, обращаясь к хозяину дома, коротко сказал:

– Я не пью вина и водки.

Переводчик быстро произнес несколько слов.

Офицер удивленно вскинул брови, взгляд хозяйина остался непроницаемым.

После короткой паузы хозяин налил графу еще чарку. Граф снова осушил посудинку, аккуратно поставил. Японцы опять отпили по маленькому глоточку. Хозяин уставился на графа тяжелым взглядом и произнес несколько фраз.

– Тебе скажай нам все на карта. Покажай все, как тебя писай. Не хочесь – тебе буди долго умирай, долго-долго умирай, больно умирай! – повысив голос, почти прокричал переводчик. Хозяин ткнул указательным пальцем в потолок, веско произнес несколько слов и махнул рукой в сторону двери.

– Думай, кагыда сонса буди наверх, – подытожил переводчик.

Их вывели из жилища и отвели обратно. Степан видел, что его пасут особенно бдительно. Шел, беззаботно поглядывая по сторонам, изображая полную беспечность, но отмечал и запоминал все, что видел.

Возле ямы пленным опять дали по две чашки в руки и подождали, пока они съедят рис с небольшим кусочком рыбы и запьют холодной водой. Потом закрыли в яме, оставив просвет в пол-ладошки.

Света было достаточно, чтобы оглядеться. Яма была круглая, без углов, вырытая в желто-красной глинистой почве с выглядывавшими то тут, то там темными валунами. Сено было прелое. Степан сгреб его в ворох:

– Ложитесь, ваше сиятельство, вам надо выздоро-
равливать! Может, бог даст, сбегём от этих нехри-
стей.

– Ты так думаешь?

– Нам здесь оставаться никак не можно! Надо только осмотреться, да момент выбрать! Вырвемся!

– Экий ты молодец! А я всегда готов отдать жизнь за веру, царя и отечество.

– Так обидно жизнь отдавать, ваше сиятельство, вот так, в неволе! Куда ни шло – в бою....

Степан не договорил. Камень с шумом отодвинули, и в яму кулем по лестнице свалился молодой казак с окровавленным лицом. Степа сразу узнал его, это был Захар Коваль, урядник из станицы Баталпашинской. При падении Захар крепко приложился к чужой земле, даже внутри хрюпнуло. Приподнявшись на руках, закашлялся.

– Черти узкоглазые! – просипел Захар и сел, озираясь. Привыкшими к полутьме глазами уперся в Степана:

– О! Степа, ты?! Ваше сиятельство! – увидел он, наконец, и графа, начал подниматься.

– Сиди-сиди, – махнул рукой граф, – Лучше расскажи, что знаешь.

– Да я-то, слава богу, живой, а вот наших всех положили. Налетели, что бесы! Я не чаял и вас-то увидеть в живых.

– А как же ты спасся?

– Да как... По башке чем-то вдарили, я и обмяк, ничего не помню. Когда очухался, гляжу – лежат порубанные казачки вперемешку с нехристями. Встал, шатает, думаю – надо до своих пробираться. – Захар помолчал, как бы вспоминая. – Тропка после нас-то осталась, по ней и пошел. Да недолго – бесы эти вернулись за своими мертвяками и словили меня.

– Да-а, – протянул граф, – судьба у нас незавидная.

Степан промолчал, но что-то не сходилось в рассказе Захара. Да и сам вестовой ему не нравился. Высокий сильный парень, а слабинка в нем какая-то чувствовалась. Еще в Ростове Степа заметил за урядником Ковалем: кого послабее норовил зацепить, принизить. А перед Степой муравой выстилался, в глаза боялся смотреть. Перед начальством заискивал, потому его вестовым и определили.

Пока граф объяснял Захару, что в полдень определится их судьба, Степан ломал голову, как бы сбежать из плена. Он был абсолютно уверен, что один ушел бы наверняка. А вот с графом, человеком медлительным, статным, с животиком в сюртуке, как вырваться? Захар, хоть и не помощник ему, но сможет убежать при случае. Через реку бы только перебраться, напиться вволю и – пошел через горы-леса! Прихватить бы еще с собой винтовочку или револьвер, – с едой бы меньше забот.

Его раздумья прервал граф:

– Братья-казаки, я полагаю, что в полдень меня начнут пытаться. А вас, если не расстреляют, то отправят на работы, как нередко поступают с пленными. Возможно, что-нибудь еще придумают. Но я не могу, братцы, давать им пояснения. Я – русский офицер, присягал царю-батюшке!

– Как не понять, ваше сиятельство, – спокойно отозвался Степан.

Захар оторопело смотрел на графа, даже не стараясь скрыть свой страх:

– Да нас-то за что, ваше сиятельство?

– А меня, значит, есть за что! – раскатисто, в полный голос захохотал граф.

«Смелый человек», – восхищено подумал Степан.

Вспомнилось о своих домашних. Неприятно отвлекал надоедливый, непонятный разговор охранников и заунывное пение, доносившееся издалека. Выводила мелодию женщина, мотив был чуждый и необычный.

– Вот надоела! – не выдержал наконец граф. – Жаль, мне медведь на ухо наступил, а то и я бы спел.

Еще помолчали. Потом Степану вдруг пришла в голову старая песня, что пели в станице, и он, будучи певцом, таким же, как и граф, вдруг оживился. Он вообще никогда не пел, даже на гуляньях, стесняясь своего неумения. А тут вдруг захотелось.

*На Кавказской стороне-э-ге
Все забыли обо мне-э-ге,
Только матушка все плачет,
Жаль – приходит лишь во сне-э-э-ге...*

Степан тянул, пытаясь подражать дядьке Николаю Малышеву, известному в станице запевале.

– Ну-ну! Давай дальше, что ж замолчал? – граф с интересом приподнялся на локте.

– Да я слов-то не знаю. А песня душевная. Вот матушка моя знатно поет; дядька, брат ее старшой! – не удержался похвалить родных Степан.

В проеме ямы показались три головы охранников. Обычно твердо-непроницаемые физиономии японцев выражали удивление. И то сказать – через полтора-два часа пленникам головы отрубают, а они посмеиваются да песни горланят!

Вскоре на фоне чистого синего неба появилась физиономия знакомого переводчика.

– Тавай, хади сюда!

– Ну, братцы, с богом! – проговорил спокойно граф. – Давайте обнимемся на прощание, может, не доведется уж и словом обмолвиться.

Перекрестил казаков, обнял Степу, шепнул на ухо:

– Прощай, брат! Ты ловок, знаю, если будет случай – беги!

– Держись, урядник, – бросил Захару и первым полез по опущенной сверху лестнице.

* * *

Повели их на сей раз под усиленной охраной в другую сторону. Степан озабоченно отмечал, что идут к речке, улочка тянется вдоль скалы, склоны довольно крутые. «Здесь не уйти, подстрелят!» – думал со вздохом.

Пришли к двум длинным фанзам, напоминающим казармы. Во дворе было много чего, сразу наводящего Степу на мысль, что здесь проходят тренировки японских воинов, на циновках обучают рукопашному бою. Деревянные щиты с торчащими в них узкими ножами, остроконечными звез-

дочками и крючками служили для упражнений по метанию острых предметов. Было еще множество столбов, шестов и сооружений. Посреди двора на замысловатых табуретках сидели знакомые уже два знатных японца – богатырь в дорогой одежде и военный. За ними, построенные в два ряда, стояли крепкие молодые воины с длинными ножами.

Тем временем подтягивающиеся сюда японцы стали заполнять двор, выстраиваясь в круг по периметру двора. Степан понял, что для него это будет еще одна, возможно, непреодолимая преграда. Он, уже не таясь, посмотрел вокруг, мгновенно оценил обстановку. Скороговоркой шепнул графу:

– Не поминайте лихом, ваше сиятельство! – в один прыжок добрался к японскому офицеру, левой рукой за шею сдернул его с табуретки, тот кубарем полетел под ноги графа, Захара и стоящего с опущенной головой переводчика. Правой рукой схватил табуретку, взмахнул ею над головой и, подскочив к успевшим схватиться за ножи охранникам, метнул табуретку в голову дальнего. Успел заметить, что попал удачно! А сам, присев перед выхватившим нож ближним охранником, крутнувшись, как в танце, на одной ноге, второй ногой сбил его. Степа кинулся огромными прыжками к заветной лестнице. Уже на середине её уловил среди всколыхнувшегося сзади гомона пронзительный крик, и через мгновение по ногам будто нагайкой полосонуло – какие-то тонкие, но очень крепкие веревочки с медными шариками обвилились вокруг Степиных ног. Он провалился по пояс между поперечинами лестницы, попытался распутывать веревки и.... Этого времени хватило подбежавшим охранникам, чтобы схватить его.

Степана стащили с лестницы, стали крутить руки. Он, чувствуя, что уже не уйти, – чертовы ве-

репочки переплелись, до боли врезались в мышцы ног, – поднял руки:

– Все-все, басурмане, сдаюсь! Прошу пощады, пошутковал я.

Хочется Степе казаться бесстрашным и веселым, а настроение – не ахти! Чувствует: отказоковал! Сейчас свяжут и горло перехватят али пристрелят. Поди, выбери, что лучше?! Но виду не кажет. Еще улыбается!

Действительно, спеленали крепче, чем младенца, принесли и кинули вельможе под ноги. Тот с усмешкой смотрел на казака, обронил два слова. Степу развязали, но оставили удавку на шее. Поставили рядом с графом и Захаром.

Вельможа зыркнул на Степана и бросил переводчику несколько фраз. Тот подошел к Степе, с трудом вспоминая русские слов:

– Курасава-сан знай... ты бегай..., Курасава-сан – бо-ольшой мучина! Ты ... как ребенка.... Понимай?

Степан согласно закивал. Чего уж тут отрицать явное, поймал его боров на мякине, как цыпленка. Сделал уважительное выражение и почти что в пояс поклонился вельможе, насколько позволяла удавка, прижав правую руку к груди.

Как иногда немного надо, чтобы подкупить падкого на лесть человека! Сам того не ведая, Степан одним этим поклоном обрел себе жизнь. Курасава-сан снова обронил пару фраз. Степану ослабили веревку на шее и отвели в сторону от графа и Захара. Два крепких японца в две руки держали его постоянно за веревку. Успевший сесть на свой табурет офицер свирепо косился на Степана.

Переводчик тем временем обратился к графу:

– Тебе ната кавари бумага, – помолчал. – Буди убивай твоя воин, – он показал на Захара.

К Захару тотчас подошел японец, взял рукой за чуб, нож приставил к горлу. Бедный урядник затре-

петал, как лист на ветру. Граф спокойно взглянул на все это, поднял лицо к небу и проговорил, крестясь:

– Прости меня, грешного, господи! Прощайте, братья казаки! Прости меня, Захар! Живы будете – поклонитесь матушке России. Не волен я рассказывать вам про те бумаги, – обратился он к вельможе, – человек я военный и это будет равносильно предательству.

Переводчик крепко саданул Захара в живот кулаком. Захар переломился пополам и упал. Сразу же подняли, встряхнули крепко, всунули в руки карабин и показали на графа: стреляй, мол. Граф, белый как полотно, молча наблюдал. А Степа не мог глянуть ему в глаза, так ему совестно было перед графом за все: что не сумел убежать, что его не может сберечь, что стоит связанный и беспомощный.

– А не обманете?! – тонко, с надрывом в голосе прокричал урядник, обращаясь к вельможе.

Переводчик перевел. Курасава-сан покачал головой одобрительно. Захар поднял карабин, целясь в графа.

– Обманут же, Захар! – крикнул Степа. Ему тут же на голову накинута какой-то куль. Раздался сердитый окрик Курасава-сан. Слуга тут же освободил голову казака.

Захар трясущимися руками держал карабин, направленный в сторону графа. Воронцов прямо смотрел на него. Вдруг Захар резко повернулся в сторону Курасава-сан и нажал на курок. Раздался сухой щелчок. Урядник взвел курок и щелкнул еще раз – выстрела так и не последовало. Тогда обманутый казак схватил карабин за ствол и кинулся на вельможу, замахнувшись оружием, как дубиной.

Курасава-сан, будто ожидая этого движения, вскочил и, крутнувшись, нанес встречный удар

пяткой в шею, который оказался настолько точным, что казак хрипло мыкнул и выпустил карабин из рук. Как подкошенный Захар рухнул наземь. Курасава-сан издал пронзительный крик. Поспешили два японца: один схватил урядника за руки, а другой полосонул длинным ножом по горлу. Через минуту голову казака поднесли к лицу графа. Он отвернулся и крикнул:

– Прощай, Сотников! Будешь жив – расскажи о геройстве своего сродника да передай поклон России-матушке!

Переводчик в очередной раз возопил:

– Буди кавари бумага?!

– Нет! – грозно ответил тот.

Вельможа сделал знак. К графу подскочили несколько воинов, сдернули с него сапоги и сюртук, в считанные мгновения подвесили за ноги на перекладину. Голова не доставала, а пальцы земли казались. Степан понял изощренное коварство такого повешения: человек пытается воспользоваться тем, что достает руками до земли, но сделать-то ничего не может. Да и что мог сделать тучный граф в его положении?

Степану надели на голову и на руки колоду и оставили сидеть возле графа. Не более получаса промучился бедолага. Помолился Степа за упокой души храброго русского воина графа Воронина, стал один на один бороться с мучительным зноем. Когда совсем измучила его жажда, попросил хрипло стоявшего рядом японца:

– Изверг, дай напиток!

Японец что-то ответил, не двигаясь с места. Не чаял, как дожить до вечерней прохлады Степан. Да еще и не ясно, уведут его отсюда на ночь или нет. Может, оставят помирать рядышком с графом.

Так и вышло: всю ночь просидел Степан напротив висящего вниз головой графа, пытаясь хоть

как-то заснуть, чтобы восстановить силы. Несколько раз за ночь засыпал, но колода не давала надолго забыться во сне, смертельно тяжела была...

Наконец забрезжило. Звонко защелкали птахи, пробудилось селение. Оказалось, есть тут и коровы, замычали, будто станичные. И от этого еще горше стало на душе у Степана. «Чего я так ждал того расвета? Может, мне и жить-то осталось чуть?!». Когда стало совсем уж невмочь, пришли японцы. Накинули ему на шею петлю, освободив от колоды, отвели и бросили снова в яму, Степа даже вздохнул с облегчением. Стало быть, сразу не убьют. А вот чего удумали, это пока загадка. Но надо поспать, а там – чем черт не шутит! Пока не стоит унывать! Старшие всегда так учили: двум смертям не бывать, а одной не миновать! С этими мыслями и уснул как крепким здоровым сном.

* * *

На седьмой день – Степа считал дни от гибели графа и Захара – спозаранку отодвинули крышку темницы и спустили лестницу. Степан без лишних приглашений выбрался наверх, всем видом изображая изможденного пленника. Сам же заранее был готов ко всему. Давно уж настроился: или пан, или пропал – не отдам голову задешево, сколько смогу, заберу с собой на тот свет супостатов!

Прикрывая отвыкшие от дневного света глаза, незаметно огляделся, оценил обстановку. Десятка два стоят, зорко уставились своими узкими глазенками.

Переводчик, давний уже знакомый, быстро накинул Степану на шею петлю все из того же жесткого ремешка, рывкнул:

– Па-идем ми-иня, – должно быть, это означало: «Пойдем за мной».

Степа согласно закивал головой. Пошел за ним, как кутенок на привязи, тяжело передвигая ноги.

Привели туда, где казнили графа и Захара. Во дворе полно японцев. Почти все по пояс голые. В нескольких местах проходили учебные поединки: один на один, двое против одного, двое надвое. Степана посадили на землю у ворот, переводчик ушел, трое молодых крепких японцев остались стеречь. Степа старательно изображал из себя слабака, с безразличием глядя на упражнения японцев. Многие приемы и движения были похожи или аналогичны тем, что знал любой казак. Ведь задача единоборства, будь оно в России, Японии или в Африке, – победить противника. А для этого используются руки, ноги, все тело бойца. Поэтому у разных народов есть множество схожих приемов боя и методов их применения.

Сразу опытным глазом выделил из всех одного очень быстрого японца, расправлявшегося с противниками, как с детьми. И еще заметил Степа, что промахи и ошибки в схватках караются жестоко. Если начинающего неумелого казака, допустившего ошибку при обучении кулачному бою, могли поправить, приободрить, на худой конец, поднять на смех, то здесь промахнувшегося или зазевавшегося награждали ударом или броском. Многие бойцы были с кровоподтеками.

А посреди этого скопища прыгающих, взвизгивающих, кряхтящих японцев, руки за спину – чем не российский купец?! – расхаживал сам Курасава-сан. Был он одет в обтягивающий черный кафтан, все обращались к нему с поклоном и называли «сэн-сэй». Ходил, вернее, будет сказать, прохаживался, «сэн-сэй» медленно, но по тому, как упруго и пружинисто двигался, Степа понял, что он, пожалуй, здесь будет один из самых сильных бойцов.

Курасава-сан был выше всех почти на голову. Даже выше Степана. И, должно отметить, гораздо мощнее и тяжелей.

Переводчик тем временем подошел к Курасава-сан, низко поклонился и о чем-то стал с ним говорить, изредка поглядывая на Степана.

– Сейчас будут из меня чучело делать, – вслух прошептал Степа. И как в воду глядел! Переводчик махнул рукой охранником, и те потащили пленника к Курасава-сан. Насильно усадили его на колени, пригнули голову и сами присели в низком поклоне. Степан и не думал упираться – чего зря силы тратить. Он с нескрываемым интересом смотрел на Курасава-сан: тот выглядел всесильным богатырем. Не добрым, а злобным «царем-змеем Тугариным».

Через переводчика Курасава-сан объяснил, что хотел бы посмотреть, на что способен казак в честной схватке с японцем, и что от этого будет зависеть его дальнейшая судьба. Степан кивнул, попросил только попить – с утра накормили острой рисовой кашей. Его просьбу уважили.

И тут же, образовав круг, выставили против терца невзрачного немолодого охранника. Но когда тот скинул с себя одежонку, похожую на кафтан, Степан смекнул, что перед ним серьезный соперник. Под затрапезным кафтанишкой скрывались бугры и узлы мышц. Было заметно, что японец нервничает, хотя лицо его было будто из дерева, только глаза стали злобными и колючими.

Степан, разыгрывая из себя неповоротливого увальня, спросил у «Тугарина»:

– А как биться-то? Насмерть иль для потехи?

Переводчик перекинулся словами с Курасава-сан и ответил:

– Не убифать ни-и ната!

Противников развели и поставили арши-на за три друг против друга. Японец короткими скользящими шажками пошел на него. Степа оставался на месте, ждал. Внезапно противник прыгнул на него, сильно оттолкнувшись и выставив вперед обе ноги. Степан уже видел здесь такие прыжки, в казачьих поединках применялись точно такие же, правда, подготовка к самому прыжку у казаков была иная. И, едва японец оттолкнулся от земли, он уже четко видел продолжение боя. Степан отпрянул слегка назад, вскинул правую руку над головой и резко выпрямился. Ноги японца оказались заблокированными вверху, а туловище по инерции пролетело вперед и вниз к земле. Степан тоже был сбит с исходного места, но в результате падения оказался за спиной у противника. Он моментально взял шею японца на удушающую хватку, нажал и, ощутив обмякшее тело, вопросительно посмотрел на «Тугарина».

Тот с пристальным интересом наблюдал за происходящим. Степан жестами показывал Курасава-сан, что он не задушил соперника. Показал, чтобы того облили водой. Тут же на японца плеснули полное ведро, и он застонал, открыв глаза.

Курасава-сан цепко смотрел на Степу в полной тишине. И тут Степан не на шутку струхнул. «Все, – подумал он, – сейчас поднимут на пики... Конец мой, видно, пришел....»

Однако «Тугарин» одобрительно покачал головой и произнес несколько слов. Победленного бойца тут же уволокли, а к терцу подошел переводчик:

– Тебе карашо воин! Курасава-сан говори: ната бица дуругой воин. Тебе не бойся?

Степан неопределенно пожал плечами.

Курасава-сан хлопнул в ладоши, ткнул в кого-то пальцем. А Степану и так уже было ясно, что теперь

против него выставят самого опытного бойца. Чего уж тут было маскироваться, «Тугарину», небось, еще в день пленения доложили, сколько при захвате этот русский положил японцев. Действительно, вышел тот верткий молодой боец, которого Степан заметил, как только вошли во двор. Степан помолчал, подумал и стал неторопливо снимать бешмет, оттягивая время и разглядывая предстоящего соперника. Тот также сосредоточенно, с непроницаемым лицом разглядывал казака. Был он костью и мышцей послабее первого бойца, но сразу бросались в глаза его длинные крепкие ноги. Сухопарый, жилистый. Дед всегда говорил, что таких надо опасаться больше, чем верзил. Степа аккуратно положил бешмет на песок в сторонке, медленно пошел к центру круга, где ждал японец. Переводчик встал между ними, оглушительно вскрикнул и махнул рукой.

Японец в боевой стойке приближался к Степану, заходя слева. Откуда мог знать он, что при обучении рукопашному бою в роду у Сотниковых вообще отсутствовали такие понятия – левая, правая рука или нога. Удары и захваты проводились с любой стороны. С мальчиками всерьез начинали заниматься с 6–7 лет, а к семнадцати-восемнадцати годам казаки уже становились опытными бойцами.

Степан прикинул, что по скорости японец, пожалуй, ему не уступит, а значит, придется с ним повозиться. Но этого сейчас следовало избежать: сиденье в яме и скудное питание пошатнули прежнее физическое состояние. Да и кто знает, с кем еще придется биться

Сухопарый все кружил, выискивая возможность атаковать казака. А Степа стоял, слегка наклонившись вперед и держа руки на уровне груди. Он чувствовал, что он значительно мощней противника.

Внезапно японец сделал выпад, стараясь достать до головы Степана. Тот едва успел подставить руки, что значительно смягчило удар. А японец, не давая опомниться, провел еще один такой же прием, будто веером отбив Степины руки, прикрывающие лицо. Опять пришлось отступить, уклоняясь от ноги. Ой, не зря дед Акинфий тряс уздечкой перед носами мальцов, повторяя: «Не зажмуривайся, не зажмуривайся! Врежу по заднице – будешь глаза плющить!»

Степан, уловив едва заметную улыбку на лице противника, понял, что последует и третий удар. И, когда тот начал прием, присел, кинувшись вперед под опорную ногу японца, левым плечомшибанул выше колена, обеими руками прихватив узкую стопу и резко долбанул кулаком под печень. Противник обомлел от неожиданности, а Степа повторил такой же мощный удар под дых, сокрушая недруга.

Раздался резкий крик «Тугарина». Курасава-сан медленно пошел к Степану Охранники схватились за оружие. Степан с деланной усталостью поднялся на ноги, кротко – так ему казалось – улыбнулся «сэн-сэю» и, прижав правую руку к сердцу, низко поклонился! Курасава-сан остановился возле него и стал что-то говорить. Переводчик зачастил, подбирая слова:

– Курасава-сан кавари – тебе карашо воин! Тебе буди жить! Курасава-сан буди бить с тебя! Потом – думать.

Степан почесал затылок, снова изображая из себя медлительного увальня, хотя мысли стремительным вихрем носились в голове. Прежде всего, надо оттянуть время. Хотя немного отдохнуть...

И он, кланяясь, начал убеждать через переводчика «Тугарина», что утратил силы из-за плохого

питания. Что уже провел две схватки с лучшими бойцами и что, в конце концов, «Тугарину» будет не интересно биться с ним, очень ослабевшим. Да и как отнесутся его воины к неравному поединку?

Переводчик тараторил, не переставая кланяться. Потом они с «Тугариным» долго переговаривались. Наконец «Тугарин» воскликнул почти по-русски «О-о-о!», выпучил глаза, заулыбался и несколько раз похлопал Степу по плечу, ну прямо как в родной станице, земляк, да и только! Дошло, стало быть!

– Саиколько дня тебя аттыхай? – спросил переводчик.

– Пять, – немного подумав, показал Степан пятерню.

Курасава-сан закивал головой, выражая свое согласие.

* * *

И началась у Степана Сотникова, молодого терского казака из станицы Ессентукской, сладкая жизнь, какой не видывал, наверное, ни один пленный в мире.

Поселили его в небольшом домике с непривычной обстановкой и утварью. Сторожили денно и ночью. Кормили четыре раза на дню вволю. По первости каждый раз ставили кувшин сакэ, но, видя, что он не прикасается к водке, перестали подавать.

Но самое неожиданное было то, что в первый же вечер к нему приставили молодую японку в качестве прислуги и женщины! Потом разузнал он, что такие девицы зовутся гейшами. Красавица оказалась очень чистоплотной и работающей. Перво-наперво она вымыла его в деревянном чане, поливая какими-то пахучими отварами, потом подала

ему вытереться большой кусок чистой голубой ткани и лишь после этого стала приставать с любовными ласками. Степан бубнил, что у православных не принято такое вольное отношение между мужчиной и женщиной. Но... не удержался!

В домишке постоянно находились только Степан да Кико, как звали девицу. Быстро освоившись со своим положением, казак не давал проходу своей подружке. Но не на мгновение не забывал о том, что на шестой день предстоит ему сразиться с «Тугариным». Он догадывался, что Курасава-сан вовсе не собирается с ним состязаться. Он должен будет показать своему воинству, как надо разить врагов. И, скорей всего, насмерть! Значит, или подсыпят казаку чего-нибудь в пищу, чтобы был как сонный, или придумают еще какую каверзу.

А посему казак, занимаясь хозяйственными делами, незаметно для сторожей оглядывал местность, выискивая лазейку. Побег ночью он исключил сразу – собак вокруг немало, учуют сразу, всех на ноги поднимут. Голову сломал, думаячи.

И вдруг на третий день увидел поутру, как Курасава-сан гуляет в сопровождении двух слуг с палками и при ножах. Он уходил за соседние дома и возвращался примерно через полчаса. Куда? Жестами стал пытаться Кико. После ее объяснений, понял, что Курасава-сан услаждается ходьбой вокруг деревни «для придания телу бодрости».

Степан потребовал к себе переводчика и объяснил ему, что у казаков, точно так же, как и у японцев, принято по утрам совершать моцион. Тот молча кивнул и ушел.

На следующее утро, едва только Степа проснулся, Кико отстранила протянутые к ней руки. У двери стоял переводчик, скрестив руки на мече за поясом.

Выйдя из фанзы, Степан остолбенел – сопроводить направили человек двенадцать, все вооружены револьверами. Но вон один стоит с луком, стрел полный колчан. Как на зверя собрались. Крепко наказал, видно, Курасава-сан стеречь пленника.

Повернулся к переводчику:

– Где можно погулять-то?

Тот поманил рукой. Так и пошли: впереди переводчик, за ним Степан, вокруг – отряд охраны. Выйдя со двора, переводчик – Степан уже знал, что его зовут Фун Тао, третий человек в селении по рангу, – сказал охране несколько фраз. Степа шел, спокойно осматривая улицы, улыбаясь глазевшим на него мальчишкам, заглядывая во дворы. На самом же деле все увиденное отпечатывалось в мозгу, голова работала четко. Осталось два дня, за две прогулки надо найти лазейку, через которую можно будет уйти!

Селение оказалось расположенным вдоль небольшой бурной речушки, которую местами запросто можно было бы перепрыгнуть. Но на противоположном берегу находилась вторая половина селения. Несколько каменных крепких мостиков. С каждой стороны – домов по тридцать, а за ними крутые горы.

Выйдя на окраину, Степа несколько раз потянулся, присел, а потом быстро побежал вдоль речки. Охрана кинулась за ним. Улыбаясь, на бегу показал жестами, чтобы они успокоились, что он ничего дурного не замышляет. Пробежав версты полторы – такой получилась дистанция вокруг селения – Степан вернулся в дом очень довольный, веселый, показал Кико жестами – умыться.

День прошел как обычно. Поутру Степа вышел во двор первым, дожидаясь Фун Тао. Переводчик задерживался. Степан принялся разглядывать все

вокруг, обзор был более полным, чем из окон. Окончательно убедился, что из селения для него есть только один путь – вниз.

Во двор вошел Фун Тао, подойдя к Степану, стал говорить, нещадно коверкая русский язык:

– Наса хаз-зяин, Курасава-сан, пойти до-олго. Тебе а-азидать! Курасава-сан пойти, – долго подбирал слово, – ниппон... царь.

Он еще нес смешную для Степана околесицу, но тот уже плохо его слушал. Он понял, что развязка откладывается на неопределенный период. Это его окрылило! Будет еще время, чтобы выбрать подходящий момент для броска из плена, пока «Тугарин» будет исполнять задание японского царя.

И еще несколько дней праздной беззаботной жизни! С утра совершал обязательную прогулку, но не напрягался. Два-три раза показывался во дворе, издеваясь над любопытствующими охранниками, оттачивая замысловатые движения, иногда вовсе далекие от боевых игр. Остальное время спал, набираясь сил, прикидывал, как заpastись провиантом, как раздобыть хотя бы нож. Благодаря общению с гейшей, Степан научился кое-как изъясняться на трудном языке. Как и многие терцы, он мог понимать ногайскую, черкесскую и абазинскую речь. А вот японское произношение давалось ему куда трудней. Тем не менее после полумесячного общения с Кико он, хотя и с большим трудом, улавливал, о чем идет речь.

Кико, тронутая непривычным для японских женщин начала двадцатого века вниманием и нежным отношением, твердила, что никогда его не забудет. Что согласна вместе с ним уехать на край света. Казак и сам к ней очень привязался. Однако Степан отрицательно покачал головой и даже замахал руками, когда Кико отодвинула циновку,

прикрывающую стену, и показала висевший там боевой кинжал. Он жестами и словами постарался убедить ее, что это ему не нужно. Кико жестами показала, что кинжал всегда будет здесь. Степан каждый день, не отодвигая циновку, проверял, на месте ли оружие. Она не обманула! По-видимому, о кинжале никто больше не знал. Гейша догадалась, что Степан собирается убежать. И вот теперь разбери, где проходит граница между любовью и предательством?

Степан никак не мог определиться с лучшим вариантом побега. Было их всего два: первый – рвануть во время утренней прогулки, второй – ночью через селение вниз. Оба ему не очень нравились, шансов было в том и в другом – пятьдесят на пятьдесят.

* * *

Время летело быстро. Он уже отчаялся было совсем, не находя удобного случая для побега. Но в одно прекрасное утро Фун Тао привел с собой крепкого быстроглазого японца лет тридцати, владеющего русским языком на том же уровне, что и сам. Из длительного общения с ними Степа понял, что Чун Хо, так звали нового переводчика, будет теперь распоряжаться судьбой пленника, пока не придет хозяин. А Фун Тао вместе с Курасавой-сан поедут куда-то далеко выполнять поручение императора. Во время их отсутствия Чун Хо будет использовать казака по своему усмотрению, единственное – ему запрещено убивать пленного. Фун Тао сразу же ушел. Чун Хо долго изучал пленника жесткими быстрыми глазами. Это Степану порядком надоело. Он хотел было повернуться и уйти от настырного, напористого, по всему, японца. Но тот вдруг потребовал:

– Пои-ити са мной.

Пленного привели в знакомый двор, где казнили графа и Захара.

Там упражнялись японские лазутчики. Когда вошел Чун Хо, раздался резкий пронзительный вскрик и все, прекратив свои упражнения, поклонились в сторону вошедшего. «Ого! – подумал Степан, – уважают, стало быть. Верно, здорово бьется!». Он еще с первого взгляда на Чун Хо понял, что этот японец не простой лазутчик. И тот, словно почувствовав Степину внимание, уперся в пленника своими черными пронзительными глазами и твердо жестким тоном сказал:

– Тебя буди показай, бейся! Буди бейся, показай, как бейся твоя воин, не буди умирай! – затараторил нетерпеливо Чун Хо.

И закончилась для Степы вольготная жизнь. Рано поутру его будила Кико, умывала, кормила, а во дворе уже ждали провожатые, которые быстро доставляли пленника на учебный двор. Степан по очереди проводил по одной схватке с каждым из лазутчиков. А было их не меньше полусотни. Иногда, устав, он просил у Чун Хо отдыха, тот разрешал Степе перевести дух.

Степан старался как можно аккуратнее обходить те вопросы, которые возникали при обучении лазутчиков боевым приемам казачьего рукопашного боя. Чун Хо очень жестко требовал, чтобы пленник обучал японцев всему, что знает сам. А Степа, быстро схватывал все, что увидел у лазутчиков в поединках с ними.

И еще Степан научился у японцев всяческим метательным премудростям. Многие казаки в те времена могли отлично метнуть нож, пику, шашку или ятаган, если была такая необходимость. Но у японцев арсенал метательных средств был намного богаче и способы изощреннее.

Нравились Степе и бои на палках, длинных, как посох, напоминающих пику. А вот, к примеру, двойные и тройные нун-чаки, различного устрашающего вида оружие с цепями и с веревками Степану не понравилось. Он считал, что уж слишком много требовалось ненужных замысловатых телодвижений, чтобы нанести точный удар.

Однажды принесли настоящие боевые мечи, чем-то похожие на казацкие шашки, и в течение двух дней старательно бились: один на один, двое на одного, трое на одного. Степан отложил все упражнения и с нескрываемым интересом наблюдал за поединками. Даже не заметил, как подошел Чун Хо, коверкая фразы, спросил, не хочет ли Степан попробовать биться на мечех. Казак объяснил сэн-сэю, что вообще-то можно попробовать, но он никак не может понять, как это можно сражаться таким неудобным мечом. И тут Чун Хо огорошил:

– А твоя месь не хоси бейся?

Пока Степа соображал, что означала произнесенная фраза, тот мотнул кому-то головой и крикнул, и через минуту из сарая молодой лазутчик вынес целую охалку шашек, захваченных у экспедиции графа Воронина. Казачьи шашки похожи друг на дружку, как сестры-близняшки, но Степан мигом узнал свою среди десятка других, положенных к ногам сэн-сэя.

Чун Хо разрешил: возьми. Степа осторожно, даже в груди захолонуло, выбрал дорогую сердцу шашку. Родимую, дедом Акинфием подаренную, еще за три года до отъезда на службу.

Вынимает Степа шашечку из ножен, а дед, как живой, стоит перед глазами и вроде бы даже кивает: мол, осмотришь, внучек. Человек десять басурман напряглись, ухватившись за свои мечи да за ружья. Рука привычно облегла ладную рукоять, голова

стала ясной. Повернулся Степа к Чун Хо и принялся объяснять ему, чтобы принесли лозы. Наконец тот понял и послал лазутчиков. Быстренько приперли ивовую охапку. Степан сам настрогал подходящей лозы, воткнул в землю. И начал рубить! В голове вдруг зародился план! Вихрем пройдясь по кругу, Степа красиво срубил все лозины, стараясь произвести на японцев впечатление. И это ему удалось! Он понял по физиономиям лазутчиков и внимательному взгляду Чун Хо, что они высоко оценили его умение владеть шашкой. Переводчик подошел к Степану и похлопал его по груди:

– Тебе караш-шо воин! Караш-шо!

А Степа уловил тревогу в глазах японца, – у пленника в руках шашка-молния, а он безоружный: кто его знает, что у чужеземца в голове?!

– Это что! Мы привычны на конях воевать. Хочешь – твоих солдат научу?

– Покажай!

– Так ить без коня как я покажу?

Сошлись на том, что завтра будет конь. Под вечер Степана, по обыкновению, отвели к месту проживания. Охрана – по местам, это у них было отработано четко. За все время пребывания в этом доме, а это без малого два месяца, Степан ни разу не заметил спящего или даже зевающего охранника. Строго держал своих людей Курасава-сан!

В доме Степан вел себя по сложившемуся распорядку. Умылся, поел, незаметно проверил, на месте ли нож, подхватил на руки спящую по дому Кико, понес ее в дальний угол, подальше от ушей охраны.

Вроде, все – как всегда!

Но когда Кико, выйдя в переднюю комнату, протянула Степе кинжал и небольшой узелок с едой, он долго и тупо смотрел в ее потемневшие от слез

глаза. Как эта молодая девушка, выучившая всего пять-шесть слов по-русски, смогла догадаться о том, что пленник сам еще до конца не обдумал?!

Кико шепотом и жестами умоляла Степу забрать ее с собой, показывая, что она его очень любит. Степан продолжал удивленно смотреть на гейшу. Она еще много ему что-то говорила тихим шепотом, постоянно показывая пальцем то на себя, то на возлюбленного...

Поутру Степан быстро оделся, незаметно сунул нож за голенище сапога. Кико молча откинула рукой край циновки, убедилась, что там – пусто. Степан, пораженный уж в который раз пронизательностью гейши, встал перед ней на колени, обнял стан, еле сдержал слезы.

В сопровождении охранников привычно пришел на учебный двор. Отметил, что все проходит, как всегда, ни усиления охраны, ни изменений в их расположении.

Провели обычную разминку, разогреваясь перед поединками. Затем по команде Чун Хо завели во двор коня. Ворота запирать не стали, но там остановились, загородив собой весь проход, два японских всадника с мечами.

Степа подошел к коню. Это был обычный яркий мерин. С удовлетворением отметил, что конек тянул по своим достоинствам – даже выше среднего. Взял за узду, подтянул морду, дал себя понюхать, прижался щекой к лошадиной голове, похлопал легонько по шее, располагая животное к себе. Шепча ему ласковые слова, вскочил в седло. Властно, сильной рукой повернул коня налево, затем проехал несколько шагов прямо, повернул направо, опять прямо. И мерин сразу почувствовал – на спине хозяин! Еще немного погарцевав, Степан соскочил и

подвел скакуна к Чун Хо. Жестами и, как мог, словами объяснил, что седло непривычное для езды. Кривил лицо и махал руками. Убедил – сняли.

Оставив повод меринка одному из японцев, Степа стал распоряжаться и обустроить площадку «для потехи». Интерес на учебном дворе царил неподдельный, оживление, тихий галдеж. Даже Чун Хо с большим вниманием и любопытством наблюдал за приготовлениями пленника, не вмешиваясь в его действия, сидя на массивном табурете.

Оставалась еще одна закавыка, которую Степан во что бы то ни стало намеревался устранить, хотя опасался насторожить Чун Хо. Он подошел к конным, стоящим на воротах. Одному, что был постарше, показал рукой – слазь с коня, тот оглянулся и увидел утвердительный жест Чун Хо. Вместо конного поставил на его место в воротах парня, а конного, спешив, провел поближе к Чун Хо

Все нутро Степана ликовало – надо же, как все гладко идет! И Чун Хо, этот подозрительный якудза (так шепотом называла его Кико, делая страшные глаза), похоже, всецело доверился пленнику.

Итак, все готово! Степа показал руками, чтобы зрители держались подальше от лозы, те согласно закивали, отступая на безопасное расстояние. Некоторых, уже довольно хорошо знакомых, из тех, в основном, кого «ненароком обижал», приятельски похлопывал по плечу и показывал, куда им надо встать в безопасное место. Все быстро расположились и усталились на Степана.

А Степу беспокоило только одно – лишь бы не заперли ворота, тогда замысел станет невыполнимым. Но про ворота, прикрытые одним конным лазутчиком и пешим юнцом, все как будто забыли. Уж очень здорово провел казак подготовку к показательному конному выступлению.

Ну что ж! Давайте поглядим, на чьей стороне сегодня удача! Степан ловко вскочил на расседланного коня, взял в руку шашку, выехал на середину круга, поставив меринка мордой к воротам, несколько раз проверил, как он слушается узду. Все это проделывалось неторопливо, тщательно – для зрителей. А сам все время держал в поле зрения ворота и Чун Хо!

Попробовал вздыбить меринка – куда там! Ну и черт с ним! Крепенько взбодрил его плашмя шашкой по крупу, дернул за узду, как мог, сильно пришпорил сапогами и – стремглав, мимо лозы, мимо державших на вытянутых руках прутики с повязанными тряпочками и шапочками японских лзутчиков ринулся в ворота. До ворот было сажень двадцать. В одно мгновение мерин долетел до ворот, сшиб в пыль юнца, отбросил конника, загородившего наполовину ворота – Степан даже не стал его сечь, настолько тот был ошарашен, что не успел схватить катану, свой японский меч.

Мерин показал завидную прыть. Казак проскакал добрых сотню сажень, когда громыхнули позади выстрелы. Степан, используя прием кочевых народов, завалился коню на шею. Как вовремя! Вжикнула, зацепив коню ухо, стрела. Как же он выпустил из поля зрения этого черта остроглазого? Еще несколько нестройных выстрелов прозвучали вдогон.

Но Степан уже не боялся их – вот он поворот. Сзади доносился топот гнавшихся за ним двоих всадников, крики бегущих японцев.

Повернув коня в улочку, ведущую к тому месту, откуда его вводили в селение, Степа выпрямился и давай охаживать меринка шашкой, держа ее плашмя. Тот еще прибавил скорости. Когда Степан достиг речки, верховые только выезжали на клячах из селения...

От сердца отлегло. Теперь надо только подальше заехать в лес, чтобы его потеряли из виду. А там, возможно, придется коня бросить – перевал очень крутой.

Сколько было можно, Степа карабкался на коне вверх по склону, забирая влево. Когда понял, что конь выбился из сил, соскочил с него, снял узду – пригодится. Заспешил, теперь забирая вправо, в надежде найти тропу, по которой его вели японцы. Лез быстро, но осторожно, не дай бог камень из-под ноги обрушится, сразу услышат, – река уже вдалеке.

Версты полторы почти бегом – и он на вершине перевала. Отдышался, прислушался – тихо. Упал спиной на теплый плоский камень, шашку положил рядом и вдруг пропел вполголоса:

На Кавказской стороне-э-э,

Все забыли обо мне-э-э....

Радость свободы, пронзительное ощущение счастья полнили грудь. Захотелось свистнуть, закричать во весь голос. Мгновенно прошла усталость от бешеного подъема, почувствовал прилив новых сил.

Вскочил, посмотрел на солнце и, быстро прикинув, куда путь держать, пошел по направлению к линии фронта. Шел быстро, переходя временами на бег, чтобы преодолеть открытые места. Иногда останавливался, прислушивался. По всему было похоже, что погоня оборвалась.

* * *

Лето зовёт за околицу,
Кочет с повети кричит.
Бабушка крестится, молится –
Хлеб достаёт из печи.

Радостней, чище и праведней
Нету на свете забот:
Землю вскопать на окраине
И посадить огород.

Помня про ливни разбойные,
Засуху и градобой,
Вслед за разрухами, войнами
Биться с извечной нуждой.

Зря ли у власти в обычае,
Палец кладя на курок,
Не облегчать, увеличивать
Силой вчинённый оброк?

Жизнь – она больше зигзагами
Двигается, чем по прямой.
Не осыпается благами
Тот, кто от века благой.

Символом веры прославлена,
Ангелами на заре
Церковь Христова поставлена
В каждом крестьянском дворе.

Солнце встаёт за околицей
Против раскрытых ворот.
Русь моя крестится, молится,
Хлеб из печи достаёт.

**ОЛЕГ
ИГНАТЬЕВ**

Поэзия

* * *

Это надо постараться
Долю выбрать казаку,
Чтоб она смотрелась, братцы,
Словно шашка на боку,

Родовой, святой порукой,
Неизменной, боевой,
Что в степной станичный угол
Возвернётся он живой

Из любой смертельной схватки,
Одолев чужую рать,
Ради той, чьи губы сладки,
Если жарко целовать.

Чтоб вослед венчальной песне
Взвился свадебный куплет,
Под каблук швырнув невесте
Жменю звонкую монет

Золотой, хвалёной пробы,
Чтоб достаток был в дому,
Да жена была до гроба
Верной мужу своему.

* * *

Не все ещё себя похоронили,
Ушли в подзол по утренней росе.
Покорно моют ноги вражьей силе,
И воду эту жадно пьют не все.

Не все ещё отпеты в ратном поле
Под шум травы и долгий плач ветров,
Где вороны садятся на дреколье,
Торчащее из сумрака веков.

* * *

Село скосило травы,
Сметало их в копну,
А я, как раб лукавый,
Не сею и не жну.

Живу не так, как надо,
И нет пути туда,
Где мне по-детски рада
Весенняя вода.

Там в розовом тумане,
За вишенником вслед,
Мне голову дурманит
Акациевый цвет.

Пылают летним зноем
Подсолнухи во ржи,
И радуга со мною
Берётся за гужи.

Июнь коня подводит
И повод подаёт,
И русский дух в народе
Ключом горячим бьёт.

* * *

В. Бутенко

Под затыг набита память
Увядающей листвою,
Но ещё горят над нами,
Высоко над головой,

Звёзды крупные такие,
Словно яблоки в саду
Краснобокие, тугие,
Жаркие на холоду.

* * *

Душе моей близки до боли
Две белолистики в тёмном поле,
Туман, плывущий от озёр,
И тихо тлеющий костёр.

Так не от этого ль порою
Люблю беседовать с луною
И вспоминать, присев к огню,
Стихи, как дальнюю родню?

* * *

Когда метёт метелица
И стелется трава,
В степи любое деревце
Звенит, как тетива.

А Русь звенит преданьями
И входит в кровь людей
Раздольем и стенаньями
Пролётных журавлей.

И посвистом, и гиканьем
Казачьей песни, и
Гармоники пиликаньем
Средь семешной лузги.

Певучая горошина
В груди моей жива.
Не спи, моя хорошая,
Подбадривай слова

Хрустальным звоном наледи
И рюжкой стремениной,
Чтоб песня вышла на люди
В обнимочку со мной!

* * *

У меня в душе запели скрипки,
Словно пляшет свадьба на дворе.
Никакой не может быть ошибки,
Что люблю я осень в октябре.

– Грустно! – кто-то молвит, сердцу внемля.
– Грустно! – соглашусь я, – ну, так что ж?
Красный лист, лежащий на землю,
На туза червового похож.

А где туз, там и король и дама,
Дама и король козырный с ней.
Жизни затянувшаяся драма
Осенью становится ясней.

Так что, никакой здесь нет ошибки,
Опечатки нет в календаре.
Если мир и тёмным стал и зыбким,
Значит, мы проснулись в ноябре.

Замело мою дорогу снегом,
Увело твою куда-то вбок.
Если где-то есть седьмое небо,
Мы на нём отыщем свой шесток.

Ты могла, ведь в мире всё известно,
Услышать от третьих петухов,
Что душе моей нигде нет места,
Кроме тонкой книжечки стихов.

Ничего я против не имею,
Для поэта лира – тот же нимб.
Может, мы греховностью своею
Святость наших песен оттеним.

На губах твоих заря улыбки
Тает поцелуем на заре.
Никакой не может быть ошибки,
Что люблю я осень в октябре.

* * *

А мы не ждали, чтоб любовь созрела.
Зачем? Созрели жёлуди! Гляди,
Из-под листвы морёной, задубелой
Насыпалось их сколько! Пруд пруди.

Наверно, мы стареем не взрослея,
И, мудрости житейской избежав,
Едим, как в детстве, яблоко с ножа,
Хоть яблоки с ножа всегда кислее.

Блестит лоза, убор калины красен,
И что нам тёрна цепкие кусты,
Когда неотведённый взгляд опасен
Средневековой властью красоты?

Чьё сердце своевольем не томилось
Меж близкими и дальними людьми?
Всем верится в дарованную милость
Нечаянной и радостной любви.

Кто не пытался на исходе лета
Припомнить жизнь не по календарю?
А то, что я люблю тебя... так это
Уже не говорю. Боготворю.

* * *

Сирень, как в бусах, в утренней капели,
В цветных накрапах солнечного дня,
И птицы, словно целый век не пели,
Ждут похвалы, восторженно звеня.

Стучит состав товарный по-над речкой
И рельсы гомонят издалека,
Как будто дед мой мелко-мелко сечкой
На лавке крошит листья табака.

Степь собирает звуки отовсюду,
Ей дорог мир калиток и садов,
Наполненных густым пчелиным гудом
И хлёстким перещёлком соловьёв.

Не утаю: мы с ней давно знакомы.
Когда её коснулся я руки.
Она мне показалась невесомой
И нежной, как дыхание ольхи.

Её отрадно-ласковое имя
Хранит любви живые семена
К тем ерикам, что я зову своими,
К тем травам, что сердечно чтит она.

В её сказаньях – дух необоримый
И думки полуночные про то,
Что всё на этом свете повторимо,
И всё же нас не повторит никто.

Мы неподдельны, как цветные бусы,
Что подарил сирени майский дождь,
Весёлый, ясноглазый, светло-русый,
Лишь на себя который и похож!

* * *

Страда! Среди колосьев хлебных,
Где волны зноя так и жгут,
Не ждут крестьяне слов хвалебных,
А ведро ждут, поскольку жнут.

Я сам когда-то с юным пылом
Работал в поле на току.
А то, что было, хоть и сплыло,
Легко становится в строку.

А то, что было, снова рядом
И солнце близко, как тогда,
И не окинуть беглым взглядом
Всю пойму летнего труда,

Страда, страда! Ещё не спета
Побудка, что июнь запел,
И друг давно встаёт до света,
Чтоб не проспать насущных дел.

И верно, если ты в деревне
Не проживаешь, а живёшь,
Крестьянский этот навык древний
Сам в распорядок дня введёшь.

Ещё бы! Тот, кто видел лето
Воочию, и стар и мал,
Навек уверует в примету:
Кто рано встал – везде достал.

И друг берет работу смело,
С ней не играет в поддавки,
И всё так ладится умело,
Как будто счастье прикипело
К руке, которой всё с руки!

А если в поле с нами люди
И слово то, что людям впрок,
То хлебом, как бы ни был труден,
Земля одарит в должный срок.

С высоты своих лет поглядим
На судьбы своей безнадёжность.
Помечтаем вдвоём в саду –
Я уверена – ты везучий.
И желание на звезду
Загадаем на всякий случай.

Цветные сны

Плавно несла на спине река
Веточки, щебет, свист,
Птиц отражение, облака,
Жёлтый кленовый лист.
Чёрные ягоды бузины,
Дачи, мосты, дома...
Снились мне ночью цветные сны
Долгие, как зима.
Ночь, словно юность –
Светлым-светла:
Звёзды, река, луна...
Я просыпалась и не могла
Явь отделить от сна.
Слёзно молилась на образа,
Стиснув свои виски.
И становилась моя слеза
Горькой рекой тоски.
Пенистый гребень речной волны
Красил закат вином...
Снились мне ночью цветные сны
Всё о тебе одном.
Пели со временем в унисон
Струны моей души.
Снился мне, попросту, вещий сон,
Переходящий в жизнь!

Знал бы ты

Лишь рассвет полоской розовой
Обозначился вдали, –
Вместе с ливнями и грозами
Рифмы нужные пришли.
Я слова рядами строила,
Чтобы людям их дарить...
Знал бы ты – чего мне стоило
О тебе не говорить.
Сад серебряными вьюгами
Заметает не спеша.
Знал бы ты – какими муками
Переполнена душа.
Всё моей слезой оплачено:
Боль утрат и груз побед...
Знал бы ты – на что потрачено
Столько зим и столько лет!
Но спокойно и возвышенно
Вдаль гляжу я – верь-не верь.
Знал бы ты, судьбой обиженный,
Как я счастлива теперь!

Посредник

Я расправляю крылья, я лечу
Над городом, над миром,
Над вселенной.
И мне любое море по колено,
И мне любое дело по плечу.
Играю солнцем вешним, как мячом,
Бужу рукой разнеженную лиру,
Берусь писать –
И рифмы по ранжиру
Стоят, вздыхая за моим плечом.

И, чтоб унять души моей пожар,
Я кисти в краски смело окунаю.
Я всё могу,
Я всё прекрасно знаю
И даже то, что это Божий дар!
Что моего здесь,
Честно говоря:
Желание нести вот это бремя
Сквозь мрак,
Сквозь расстояние и время
Да два десятка слов из словаря.

Чтоб это всё отдать тебе

В душе я – и нежней,
И женственной.
Но, почему-то, всякий раз
Я прячу этот дар
Божественный
От добрых и недобрых глаз.
Зачем – я и сама не ведаю –
Всем неприветливой кажусь.
И этой маленькой
Победою,
Как ратным подвигом горжусь.
Несу смущённо
И торжественно,
И расплескать боюсь в толпе
Вот эту нежность,
Эту женственность,
Чтоб это всё отдать тебе.

Крушина

Вот оно чудо, свершилось:
За ночь опали сады.
Золотоносною жилой –
Листья у кромки воды.
Дружно осыпались клёны.
Дружно кричит вороньё.
Смотрит мой сад удивлённо
На отраженье своё.
Сумерек тонкая пряжа
Рвётся о сколок звезды.
Вяз не смущается даже
Дерзкой своей наготы.
Только глупышка-крушина,
Колкий вдохнув холодок,
Сбросить ещё не решилась
Самый последний листок.

За моим окном

За моим окном заря осенняя
Вызрела до срока, до поры.
Рифмы и слова – моё спасение
От унынья, грусти и хандры.
Снят гамак. Простор мне душу радует.
Под навес упрятаны дрова.
И с размаху на газоны падает
Стылая сырая синева.
Мечутся по саду листья в панике
И во всей вселенной – ни души.
Липовые веники в предбаннике
Необыкновенно хороши.
Хорошо мне здесь в саду под кущами –
Есть что вспомнить, есть чем дорожить...
Вот и всё. Грехи душе отпущены –
Можно ждать, надеяться и жить!

Май

С треском в саду моём
Рвутся набухшие почки.
В поле за рощицей
Дружно взошли зеленыя.
Май в накрахмаленной
Кипенно-белой сорочке
С ворохом ландышей
Ждёт не дожждётся меня.
Голубоглазый, вихрастый
И русоголовый,
Статный и юный –
Как сердцу он мил моему.
Вот отыщу
Подходящее нужное слово,
Выйду навстречу
И брошусь в объятия к нему.
Будет стелить он мне
Под ноги клевер и мяту,
Будет кружить меня в танце
У всех на виду..
Счастье, что было
Потеряно мною когда-то,
Вновь я на зависть
Врагам и друзьям обрету.
Рифмы нахлынут –
Лишь только записывай строчки.
Сердце забьётся,
Объятые жаром огня.
Вот он – желанный мой –
В кипенно-белой сорочке,
С ворохом ландышей
Ждёт под окошком меня.

Солдаты России

Н. Санжарову

Сколько нашего брата, как
 всегда, перемолото!
 Разве это – победа?
 Разве это – война?
 По граниту да золотом, по
 граниту да золотом
 На последнем параде идут
 имена...

От обиды и боли мы стали
 железными
 Посреди площадей, на погостах
 святых,
 Где тихонько скрипят
 одногодки протезами
 И невесты кладут
 к пьедесталам цветы.

Нас судьба повенчала
 с горячими точками.
 Нас трусливые люди бросали
 в бои.
 Но когда продавали Отчизну
 кусочками
 Мы державе подставили плечи
 свои.

Спасибо, Армия!

Я помню, как ноги немели,
 Как ветер скулил по ночам.
 Как мокрая тяжесть шинели
 Мешала работать плечам.

**ВЛАДИМИР
 ЯКОВЛЕВ**

Поэзия

Прицепы сползали с откосов
Стонали во мгле провода.
Колёса...

Колёса...

Колёса...

В багровых разводах вода.

И тело корёжило стужей,
И танки пройти не могли.
Я пил из болотистой лужи,
Погоном касаясь земли.

Ночами трясло от озноба.
Стучал котелок по спине.
У башен, цепляясь за скобы,
Мы спали на тряской броне.

Змеились, круты и горбаты
Большие дороги страны.
Но мир доверялся ребятам,
Родившимся после войны.

Бесплатный кипяток

Люблю дорожный стук и свист.
Люблю, как в старину,
Чуть свешиваясь с полки вниз
Разглядывать страну.

Люблю тебя, моя тоска.
Но чуть замрёт вагон,
Люблю, покаюсь, свысока
Разглядывать перрон.

За мусором, где штабель шпал
Чуть тянется к дождю,
Когда-то памятник стоял
Всемирному вождю.

С какого, стало быть, рожна,
Проезжим невдомёк,
Ещё стоят у шпал дома
С девизом «Кипяток».

Мы победили тиф и вошь.
Но вот ведь, в чём тоска:
Во всей России не найдёшь
Бесплатно кипятка!

Он кока-коле не чета.
Но выйди на перрон –
Здесь похоронена мечта
Народов и времён.

Вперёд, Россия, – сквозь суды,
Сквозь бизнес, гарь и дым!
За просто так мы и воды
Теперь не подадим.

Старый мент

В милиции, когда бывало туго,–
Когда сходилась клином белый свет,
Когда блаженствовал какой-нибудь хапуга,
Я щупал через куртку пистолет.

Вот и теперь, когда сбивают с круга,
Когда от наглости ничтожеств бьёт мандраж,

На месте ли? – когда бывает туго, –
Я трогаю сквозь куртку карандаш.

Пуškai от прежнего меня осталось мало,
Как некогда, на линии огня,
Я говорю: ещё не всё пропало –
Обойма рифм осталась у меня.

Пусть воровская масть и рвёт и мечет,
Мне прежних установок не забыть,
И, может быть, в зарвавшуюся нечисть
Обойму рифм успею разрядить?

Урок рисования

Дети сопят, выводя со старанием
В тонких тетрабочках изображения.
Это проходит урок рисования
В пункте приёма украинских беженцев.

Пусть программирует Киев, как роботов,
Взрослых людей каждый раз телебреднями.
Дети берут из картонных коробочек
Карандаши государства соседнего.

Дети рисуют: как прятались жители,
Шли БТРы и дядьки с погонами...
Дети рисуют всё то, что увидели.
Дети рисуют всё то, что не поняли.

«Грады» работают из-под Авдеевки.
Лезут фашисты со злобными лицами.
Крыши горят под обстрелом Макеевки.
Многэтажки зияют глазницами.

Что же дома? – нет такого в задачниках!–
После налёта от ветра шатаются?
И, как всегда, почему-то у мальчиков
Красный фломастер быстрее кончается.

Грустно разгладив тетрадочку наперво,
Саша грызет деревянные финики.
Папа ползёт, маскируясь от снайперов,
Из РПГ бить по танкам противника.

Папа-герой! – пишут детские пальчики.
Папа-герой, даже если поранится!
Папа – герой на рисунке у мальчика.
Папа таким после смерти останется.

На фронт

В. Страхову

Я возьму себе отпуск. Поеду в Луганск,
Не снимая разношенных берцев.
Там сражался мой дед, умирая от ран,
Там должно быть и ты, моё сердце!

Ротный рапорт подпишет, кругнув у виска,
Принимая привычно бутылку.
И такая в душе поселится тоска,
Будто еду в сибирскую ссылку.

А в брезентовом сидоре лишнего нет,
Лишь иконка, да ключ от квартиры,
Русский паспорт, аптечка, военный билет,
Фотография 3х4.

Без оружия еду. В таможне я чист.
Пусть обнюхивают собаки.
Я одет по гражданке. Я сорванный лист.
Я готовый боец для атаки.

Отчего я поехал? Да сам не пойму,
Отчего мне в маршрутке не спится.
Это совесть нас вызвала, по одному,
Пересечь равнодушья границу.

Ухожу, я, товарищи, в зону огня,
Чтобы трусостью жизнь не коверкать.
Я не знаю, как примут в Луганске меня.
Как я чисто пройду спецпроверку.

Ты прости мне, жена, что покинул уют
И тебя, и детей наших милых.
Если я не вернусь – они песни споют,
Поправляя венки на могилах.

Но стихи напишу я товарищам всем,
Кто изгваздан и в пепле, и в саже.
Ну а что не смогу, то АК-47
За меня всё, что надо, расскажет.

Чтобы правду в душе ставропольской сберечь,
Повторяю я снова и снова:
Я готов стать под пулю за русскую речь,
За великое русское слово.

Как же прекрасен вокруг белый свет!
Глянь: на востоке сияет рассвет –
Мир оживает красивый!

* * *

Богородской травой и полынью
Вдруг пахнет из открытых равнин,
И слышится крик журавлиный
В том краю, где он был чей-то сын.

Может, мама зовет? Дозовется?
Но земной ее кончится срок
До того, как он все же вернется
На забытый степной хуторок.

Будет выть на погосте по - волчи,
Говорить о бродяжьей судьбе,
И, обняв серый крест, плакать молча,
И скорбеть, и скорбеть, и скорбеть...

А над ним и погостом неброским
Из заснеженного далека,
Словно птиц перелетных полоски,
Облака, облака, облака...

Последние цветы

Поэту А. Екимцеву

Весенние цветы ласкают взгляд,
Но осени цветы еще дороже,
Когда последним пламенем горят.
Я юным был и не жалел утрат,
Смеялся, но до времени, похоже.

Теперь пришла пора сплошных дождей,
И вот брожу, отшельник и молчальник,
По бездорожью памяти своей.
Остановлюсь неслышно у дверей
Друзей былых и отойду, печальный.

Все кануло, как в сумраке воды,
Прошла пора беспечности, веселья,
Мелькнула жизнь, как будто в день весенний
Вновь отцвели вишневые сады.

И вдруг открылась жизнь до наготы,
И ощутимей сделались потери,
Теперь прошу: «Не затворите двери!..»
Когда цветут последние цветы,
Так трудно в счастье призрачное верить.

Осенние поля

В заплатках словно бы земля,
Тоскливы вымокшие доли,
Когда осенние поля
Уже распаханы и голы.

В такую пору я не мог
Освободиться от печали.
Прошиты нитями дорог,
Поля зовущие лежали.

Воображение ума
Мне рисовало ненароком
Страну, где долгая зима
Лежит на севере далеком.

Она влечет меня уже...
Но степь раскинулась большая,
И я смятение в душе
Порой осенней ощущаю!

* * *

Остуди мою душу, степь,
Ветром, влагой тумана...
Я стою, как надломленный стебель,
В сердце рана...

Не боялся ничьих измен:
Ни друзей, ни любимой,
А боялся глухих лишь стен
Да молвы всесильной.

Не сломили меня молва
И глухие стены...

Опечалилась голова
От измены...

Остуди мою душу, степь –
В сердце рана...
...Я стою, как надломленный стебель,
Средь тумана...

* * *

...И оглянусь: вот след мой одинокий
В траве остался... Но какой уют!
Как весело лазорики цветут!
Какой над степью небосвод высокий!

Как хорошо, что есть среди дорог
Вот эта степь и жаворонков пенье!
Даруй мне, степь, даруй успокоенье
От жизни той, где так я одинок!..

* * *

Снова желтый июль по проселкам
Ветром в хутор низинный течет,
И сорока трещит, балаболка,
Просыпайся, мол, сельский народ.

Уже клонятся тучные нивы,
Уже колос упругий звенит.
Хлебороб ходит по полю счастливым,
Гладит стебли и вслух говорит:

– Будем с хлебушком – зиму осилим
И дотянем до новой страды.
А даст Бог, может, больше в России
Знать не будем нужды и беды...

...По округе поля золотые
Расплескались по вольным местам,
И настояны травы хмельные
В росах утренних терпкие там...

Ветер

То утихнет, то снова завоет,
И тревога охватит меня,
Словно мы в целом свете лишь двое:
Этот ветер осенний да я...

Вихрем пыльным завешены дали,
Солнце красное катится в ночь.
И зову я в безумной печали:
– Отзовитесь, кто может помочь!

Ветер хлесткий уносит мой голос
В бесконечно бескрайний простор
К горизонту, к черте лесополос,
И за древний степной косогор.

Я прислушаюсь: злая потеха –
Словно отклик из разных сторон,
Возвращается жуткое эхо
И пугает по кочкам ворон...

* * *

Мне часто снятся степь и поле –
Без них я болен, очень болен...

Они мне так ласкают душу,
Зеленые поля и степи!
Я так люблю, волнуясь, слушать,
Когда шумят пшеницы стебли!

Когда на взгорке шепчут травы,
Когда поют над лугом птицы...
Бывает: ветер буйный нравом,
В красе полей угомонится.

Дождями прослезится небо –
Цветы рубином загорятся...
Ах, степь!
Ах, поле!..
Кто там не был,
Тому без них не стосковаться!..

Шолохов в Кисловодске

В фондах Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова в Вёшенской хранится более двух тысяч фотографий и негативов. Среди них три редких фотоснимка, которые рассказывают о пребывании писателя в январе 1941 года в санатории «Красные камни» в Кисловодске.

Как известно, писатель на курорты ездил редко. Предпочитал отдых на природе, любил охоту, рыбалку. Даже известие о присуждении ему Нобелевской премии по литературе застало его на охоте в Казахстане. Телеграмма нашла его 15 октября 1965 года на озере Жалтырколь, в 275 километрах от города Уральска.

«Чтобы ответить Шведской Королевской Академии, – рассказывал писатель, – мне пришлось лететь самолётом в Уральск, в довольно сложных метеорологических условиях».

В телеграмме, отправленной из Уральска, Шолохов сердечно поблагодарил Шведскую Королевскую Академию за высокую оценку его литературного творчества и присуждение

**НИКОЛАЙ
БЛОХИН**

*Литературо-
ведение*

Нобелевской премии и с благодарностью принял приглашение прибыть в Стокгольм на нобелевский праздник. Из Уральска писатель вернулся на озеро Жалтырколь и продолжил охоту. Общение с казахской природой, встречи с интересными людьми, разговор в непринужденной обстановке с журналистом «Правды» Юрием Борисовичем Лукиным, который с 1933 года был постоянным редактором его произведений, подарили Михаилу Александровичу Шолохову в те «нобелевские дни» незабываемые впечатления и множество фотографий с его охотничьими трофеями.

Меня же интересовали кисловодские фотографии. На моё письмо, адресованное Государственному музею-заповеднику М. А. Шолохова, откликнулась научный сотрудник Л. П. Разогреева.

«Подробного описания пребывания М. А. Шолохова в Кисловодске мы пока не нашли, – писала Людмила Петровна. – Исследователи биографии и творчества М. Шолохова ссылаются также на К. И. Чуковского». В одном из писем Людмиле Петровне я поделился некоторыми фактами о пребывании писателя М. А. Шолохова и его семьи в Кисловодске в январе 1941 года. В частности, о встречах с М. А. Шолоховым в Кисловодске упоминает в письмах и дневниках известный детский писатель Корней Иванович Чуковский. Воспоминаний других отдыхающих в это время года в Кисловодске и в этом же санатории я, к сожалению, не нашёл.

В те январские дни 1941 года в санатории «Красные камни», как пишет К. И. Чуковский, отдыхали полярник Иван Дмитриевич Папанин, врач Борис Ильич Збарский, возглавлявший лабораторию по сохранению тела В. И. Ленина в мавзолее, его десятилетний сын Лев Збарский, впоследствии ставший известным художником-иллюстратором книг.

В санатории Наркомтяжпрома, кроме Чуковского и его жены, находилась известная в стране семья металлургов Макеевского металлургического завода, новаторов производства: Иван Григорьевич Коробов, обер-мастер этого завода, и его сыновья: Павел Иванович Коробов, трудовая биография которого начиналась в Макеевке, а с 1939 года он – первый заместитель наркома чёрной металлургии СССР, Николай Иванович Коробов – рабочий, инженер, свыше тридцати лет проработавший в Макеевке, Илья Иванович Коробов – рабочий, инженер, в 1939 году стал директором Днепропетровского металлургического завода имени Г. И. Петровского.

Но я надеялся, что найдутся и другие воспоминания. Для статьи нужны были бытовые и житейские подробности пребывания Шолохова в Кисловодске. В письме, адресованном в Вёшенскую, я высказал предположение, что, возможно, они будут в письмах Шолохова за январь 1941 года. В любом случае я верил и надеялся. Людмила Петровна заверила меня, что если что-то будет найдено по этому факту, она непременно сообщит или разместит информацию на сайте Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова. И сдержала своё слово.

На одной из кисловодских фотографий М. А. Шолохов запечатлён на балконе санатория «Красные камни» на фоне занесённого снегом парка. На другой он заснят с Иваном Дмитриевичем Папаниным, исследователем Арктики, начальником первой в мире дрейфующей станции «Северный полюс-1». Его книгой «Жизнь на льдине», изданной в 1938 году, зачитывалась вся страна. 274 дня продолжался ледовый дрейф И. Д. Папанина и его спутников – гидробиолога П. П. Ширшова, геофизика Е. К. Фёдорова, радиста Э. Т. Кренкеля. К началу 1941 года И. Д. Папанин был уже доктором геогра-

фических наук, дважды Героем Советского Союза, начальником Главного управления Северного морского пути. На третьем снимке М. А. Шолохов сфотографирован с И. Д. Папаниным и лётчиком Анатолием Васильевичем Ляпидевским, первым Героем Советского Союза.

В 1933 году на советском пароходе «Челюскин» была предпринята попытка за одну навигацию пройти по Северному морскому пути из Мурманска во Владивосток. Руководил экспедицией известный учёный, государственный деятель, один из организаторов освоения Северного морского пути Отто Юльевич Шмидт. Капитаном парохода «Челюскин» был Владимир Иванович Воронин. Участники рейда благополучно прошли пять морей – Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское... А в Беринговом проливе пароход «Челюскин» был зажат и раздавлен льдами 13 февраля 1934 года. Вся страна следила за эпопеей спасения участников рейда – «челюскинцев». Вот тогда-то имя отважного лётчика и стало известно всей стране. Пятого марта 1934 года лётчик Анатолий Ляпидевский первым пробился к лагерю «челюскинцев» и снял со льдины десять женщин и двоих детей. Следующий рейс был совершён 7 апреля, последний – 13 апреля. За неделю лётчики Сигизмунд Леваневский, Василий Молоков, Николай Каманин, Михаил Водопьянов, Маврикий Слепнёв, Иван Доронин совершили 23 рейса и вывезли со льдины 104 человека. Все семеро лётчиков были удостоены звания Героя Советского Союза, учреждённого Постановлением ЦИК СССР 16 апреля 1934 года.

Вот с одним из них – Анатолием Ляпидевским, первым Героем Советского Союза, – писатель и познакомился в Кисловодске.

Но отважные лётчики спасли не только «челюскинцев», они спасли и роман Шолохова «Тихий дон». За несколько минут до гибели судна штурман Маркин бросился в уже залитую водой каюту, схватил с полки первую попавшуюся в руки книгу и выскочил наверх. Это была третья книга романа. А потом, в ожидании помощи с Большой земли, «челюскинцы» собирались в палатке и вслух читали Шолохова. Книга помогла полярникам выстоять в те трудные месяцы.

Редкие фотографии, свидетельствующие о пребывании М. А. Шолохова в Кисловодске, прислал в фонды музея, как выяснилось, ещё в 1986 году, журналист, писатель, исследователь космической истории Днепропетровска Владимир Петрович Платонов. Рассказывая об истории редких фотографий, Платонов писал: «В моём архиве хранятся несколько неопубликованных снимков журналиста Владимира Копытова, снявшего молодого Шолохова на отдыхе в Кисловодске (1940 г.). Ему всего 35, он только что завершил третью и четвёртую книги «Тихого Дона» – к Шолохову пришли известность и признание. Год назад (1939 г.) его избрали академиком, впереди – Сталинские и Ленинские премии, Золотые звёзды дважды Героя Социалистического труда, избрание депутатом Верховного Совета СССР всех созывов и членом ЦК КПСС. Вершиной литературного признания стало присуждение М. Шолохову Нобелевской премии. Став мировой знаменитостью, писатель не переехал в столицу, остался жить в родной станице, на берегу любимого тихого Дона. В гости в Вёшенскую приезжали главы правительств, первый космонавт планеты, молодые и известные писатели, артисты, художники... Для донских казаков Михаил Шолохов был и остаётся живой легендой». Владимир Платонов и сегодня проживает в Днепропетровске.

Обратимся к письму К. И. Чуковского. Зимой, в самом конце 1940 года, Чуковский отправил из Москвы в Ленинград письмо сыну Коле, в котором обронил несколько трогательных строк: «Укладываем чемоданы. Завтра утром едем в Кисловодск. Наш тамошний адрес: Северный Кавказ. Кисловодск. Санаторий Наркомтяжпром» (ныне – санаторий «Орджоникидзе». – *Н. Б.*). И чуть ниже в этом же письме содержалась просьба: «Напиши нам на Кавказ письмо».

Письмо датировано 26 декабря. Значит, это «завтра» наступило 27 декабря. До Кисловодска поезд шел около 30 часов. Выходит, что Корней Иванович Чуковский и его жена Мария Борисовна вышли на перрон железнодорожного вокзала в Кисловодске 29 декабря. Чуть ранее, 3 октября 1940 года, Чуковский писал сыну: «Твоё письмо так печально, что я не решился показать его маме. У неё на днях закончилась аритмия, и её взволновало бы твоё письмо». Итак, Чуковский, не однажды посещавший Кисловодск, поехал в этот раз ради Марии Борисовны. А 4 января 1941 года К. И. Чуковский сделал запись в дневнике: «Вчера познакомился с Шолоховым. Он живёт в Санатории Верховного Совета. Там же отдыхают Збарский и Папанин, и больше никого. Вчера Шолохов вышел из своих апартаментов твёрдой походкой (Леонида Андреева), перепоясанный кожаным поясом. Я прочитал ему стихи Семьинына, он похвалил. Но больше молчал. Тут же его семья: «Мария Михайловна» (Вчера ей исполнилось 3 года), сын Алик, ещё сын, тёща и жена – все люди добротные, серьёзные, не раздребезжённые, органические. Впечатление от них от всех обаятельное, и его не отделить от всей семьи. Он с нею – одно, и его можно понять только в семье...»

Так мало печатавшийся при жизни Пётр Семинин, стихи которого Чуковский читал Шолохову, был любимым поэтом Корнея Ивановича и всей его семьи. Его стихи печатались в газетах «Красное знамя» (Томск), «Правда Севера» (Архангельск), в альманахе «Север» (Архангельск), журнале «Молодая гвардия» (Москва). Перед войной Семинин работал в газете «Лесная промышленность»... Поэзию Семинина высоко ценили Самуил Маршак, Михаил Исаковский, Александр Твардовский. К своей книжке «От двух до пяти» Чуковский взял эпиграфом строчки из стихотворения Семинина:

*Но всех чудес прекрасных на земле
Чудесней слово первое ребёнка...*

Из дневниковой записи К. И. Чуковского следует, что вместе с Шолоховым в Кисловодск приехали его жена Мария Петровна (ей шёл 39-й год), сыновья Александр (ему шёл 11-й год) и Михаил (ему шёл 6-й год), дочь Мария (3 января 1941 года ей исполнилось три года). И 70-летняя Мария Фёдоровна Громославская, мать Марии Петровны и тёща Михаила Александровича, бабушка их детей. О Светлане, старшей дочери Шолохова, записей в дневнике Чуковского нет. Ей в ту пору шёл 15-й год. Скорее всего, она и её бабушка, мать писателя Анастасия Даниловна Шолохова (ей шел 70-й год), остались в Вёшенской, присматривали за домом.

Новый 1941 год Шолоховы встретили в Вёшенской. В Кисловодск приехали, по-видимому, 3 января. На это указывает и дневниковая запись Чуковского. Поездку Шолоховых в Кисловодск устроил нарком внешней торговли СССР Анастас Иванович Микоян. Город встретил Шолоховых хорошей зимней погодой. На Курортном проспекте стояла новогодняя ёлка. Отмечать Новый год в Советском Сою-

зе стали с 1 января 1937 года. Становилось доброй традицией встречать Новый год наряженной ёлкой. На макушке обязательная красная пятиконечная звезда. Новогодняя ёлка стояла и на смотровой площадке возле санатория Верховного Совета СССР «Красный камень» (именно так в 30-е годы назывался санаторий. - Н. Б.). В Курортном парке работал тир. Шолохов с сыном Сашей осматрели снаряжение тира, призы. И – рискнули. Алик, как назвал его в дневнике Чуковский, отстрелял в тире парка превосходно и получил приз в размере трёх рублей, чем очень гордился. О сыне Шолохова Чуковский писал: «Его Алик уже ворошиловский стрелок, 10-летний, немного сумрачный, очень выдержанный, искренний, простодушный».

Не удивительно: вся страна охвачена движением, организованным Осоавиахимом СССР и РСФСР. Оно возникло в 1932 году и получило название «Стреляй по-Ворошиловски!» Рассказывают, что своим названием оно обязано одной истории, случившейся на зачётных командирских стрельбах летом 1932 года. Инспектировал результаты стрельб сам Народный комиссар по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета К. Е. Ворошилов. Остановившись у одной совершенно чистой мишени, Климент Ефремович выслушал доклад командира о том, что ему достался плохой пистолет. Взяв оружие у командира, Ворошилов встал на огневой рубеж и выбил 59 очков из семи выстрелов. Возвращая оружие командиру, нарком сказал: «Нет плохого оружия, есть плохие стрелки». Об этом случае на стрельбах рассказала окружная газета. История получила широчайшую известность. 29 октября 1932 года Президиум Центрального Совета Осоавиахима СССР и РСФСР утвердил положение о звании «Ворошиловский стрелок», а 29 декабря учредил знак.

В городах, районных центрах стали открываться тиры по стрельбе, возникать клубы Ворошиловских стрелков. Александр, сын писателя Шолохова, в 1940 году на районных соревнованиях выполнил норматив и был награждён знаком юный «Ворошиловский стрелок». Так первый день пребывания Шолоховых в Кисловодске началось с приятного события.

Это было первое посещение Шолоховыми популярного в стране курорта. В тридцатые годы прошлого века в Кисловодске работало около пятидесяти санаториев Всероссийского объединения курортов, ВЦСПС и ведомственных. Только по путёвкам кисловодский курорт принимал ежегодно свыше ста тысяч отдыхающих.

Из дневников Чуковского видно, что сам Корней Иванович отдыхал в кисловодских санаториях с 1928 по 1941 годы. Почти ежегодно он приезжал в «солнечную столицу» страны, предпочитая «бархатный сезон» – сентябрь-октябрь. В его дневниках упоминаются многие известные писатели, художники, учёные, архитекторы, инженеры, военные того времени, которых он встречал во время прогулок по Кисловодску. В Кисловодске побывали сатирик Михаил Зощенко, поэт Самуил Маршак, один из основателей Московского Художественного театра Константин Станиславский. Алексей Толстой дописывал в этом городе вторую книгу романа «Пётр Первый», художник Пётр Кончаловский работал над серией картин «Кисловодск». Отдыхали здесь театральный режиссёр Всеволод Мейерхольд, актриса Раиса Райх, актёры Игорь Ильинский, Василий Качалов... Сколько раз бывала в Кисловодске Анна Ахматова, точно никто не знает. Здесь она написала небольшое стихотворение. Озаглавила она его просто: «Кавказское». Но уже с первых двух

строк передала всю трагическую суть событий, связанных с Кавказскими Минеральными Водами:

*Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час –
Сияние неутомлённых глаз
Бессмертного любовника Тамары.*

На прогулках по Кисловодску Чуковский увлечённо рассказывал Шолохову о том, каких людей встречал в этом городе, какое место он занимает в его творчестве. Здесь он дописывал своего «Айболита». Только назывался он тогда «Ойболит». Однажды, наблюдая за окружающими в Нарзанной галерее, Чуковский присел на мраморную скамейку, вынул из кармана блокнот, карандаш и записал экспромт:

*А кругом больные, бледные худые
Кашляют и стонут, плачут и кричат –
Это верблюжата, малые ребята.
Жалко, жалко маленьких бедных верблюжат.*

В 1938 году Чуковский совершил «турне» по школам на юге Советской России. Вместе с ним на встречах в школах побывал и Антон Семёнович Макаренко, автор «Педагогической поэмы». Кисловодское письмо А. С. Макаренко жене от 5 ноября 1938 года помогло уточнить адрес школы, которую он посещал вместе с К. И. Чуковским: «Только что возвратились с Чуковским из 12-й школы. Были там на уроках, разговаривали с ребятами. С Чуковским это можно делать спокойно, он человек весёлый и дурашливый».

Краеведы Кисловодска установили, что совместной школой № 12 в 1930-х годах была бывшая женская гимназия А. Ф. Васильевой. Ныне это старый корпус средней общеобразовательной школы № 1. На стене старого корпуса школы сегодня можно было установить мемориальную доску с надписью о том, что «5 ноября 1938 года это учебное заведение посетили писатель-педагог К. И. Чуковский и педагог-писатель А. С. Макаренко». Рассказал Чуковский Шолохову и о том, как Антон Семёнович проводил его с женой на вокзал, и что им, как всегда при таких расставаниях, казалось, что впереди у них долгие годы дружеских встреч и бесед.

«Но дело обернулось иначе, – вспоминал Чуковский. – Антон Семёнович скоропостижно скончался 1 апреля 1938 года, пятидесяти одного года от рождения...»

Великолепный рассказчик Корней Чуковский был желанным гостем Шолоховых. Когда он входил в номер Шолоховых, дети бросались навстречу ему с криками: «Доктор Айболит пришёл!» Вечер 3 января Чуковский провёл у Шолоховых. Михаил Александрович говорил о «Саше Фадееве»: «если бы Саша по-настоящему хотел творить, разве стал бы он так трепаться во всех писательских дрязгах. Нет, ему нравится, что его ожидают в прихожих, что он член ЦК и т. д. Ну, а если бы он был просто Фадеев, какая была бы ему цена?» Чуковский защищал Фадеева: мол, «Ф. и человек прелестный, и писатель хороший». Шолохов в тот вечер не стал спорить с Чуковским, перевёл разговор на другое. Рассказал Корнею Ивановичу, как он охотился «на фазанов в Кабардино-Балкарии, как крестьяне угощали его самогоном».

Об этой встрече с Шолоховым в Кисловодске Чуковский писал сыну Коле в Ленинград 12 января 1941 года: «Здесь очень приятно встречаться с Шолоховым: как же не похож он на писателей Ленинграда и Москвы! Вдумчивый, медлительный, спокойный, благородный. Он говорил о Союзе писателей, как о большом нарыве, который необходимо уничтожить».

Встретившись с Чуковским вечером 5 января 1941 года, Шолохов вновь вернулся к прежнему разговору: что делать с Союзом писателей. У Шолохова мысль, как записал в дневнике Чуковский, что «надо распустить Союз – пусть пишут. Пусть остаётся только профессиональная организация». Союз писателей СССР создан на Первом съезде писателей Советского Союза, созванном в 1934 году, как организация профессиональных писателей страны. Съезд был созван согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года. И объединил все существовавшие в те годы творческие организации писателей в одну – Союз писателей СССР. С 1938 года Союз писателей СССР возглавлял Александр Фадеев. В стране было два Генеральных секретаря: в ЦК ВКП(б) – И. В. Сталин, в Союзе писателей СССР – А. А. Фадеев.

В письмах сыну Корней Иванович вспоминал и о других обитателях санатория «Красные камни» и санатория Наркомтяжпрома: «Папанин тоже очень занимателен: хороший рассказчик, бесхитростный человек. Здесь также Коробов, замнаркомнефть – из знаменитой семьи Коробовых (Павел Иванович Коробов был первым заместителем наркома черной металлургии СССР. - Н. Б.). Мама здесь расцвела...»

Как проводили свободное время обитатели санаториев Кисловодска? Ходили по тропам здоровья Кисловодского парка, поднимались на Седло, посе-

щали шахматный клуб, смотрели в кинотеатре новые фильмы... Рассказывая о полярнике Папанине, Чуковский писал: «Он бесконечно милый человек; как любят его дети. Вчера мы вместе с ним смотрели «Бесприданницу» в кино. Его облепили дети, и он весь вечер объяснял им всё, что происходит в картине.

– Это он треплется, сукин сын!

– Всё это он брешет, вот увидите.

В нём самом очень много детскости».

Маше и Мише, младшим детям Шолохова, Чуковский читал стихи из книжки «Айболит». Как оказалось, Шолохов регулярно читал детские журналы «Мурзилка», «Чиж» и «Колхозные ребята». Однажды в разговоре с Чуковским бранил какую-то сказку о шишке – как она влезла на лампу. Сказал: «Чепуха».

Старшему сыну Михаила Шолохова Александру и сыну Бориса Збарского Лёве Чуковский читал «Союз рыжих» Шерлока Холмса. Он в ту пору активно занимался переводами книг английского писателя Артура Конан Дойля. И решил просто проверить на слух, как воспримут юные читатели перевод с английского. Чуковский признавался: он боялся, что Алик не поймёт. А потом увидел, что мальчик слушает солидно и в то же время взволнованно: «...приятно было читать». Позднее Чуковский писал: «В то давнее время, когда впервые появились рассказы о Холмсе, у детей всего мира было немало любимых литературных героев, но, кажется, никто из этих героев не отличался (по воле автора!) такой сокрушительной логикой, таким проницательным и победоносным умом.

Шерлок Холмс – чуть ли не единственный из персонажей детской мировой литературы, главное занятие которого – мышление, логика. Почти

в каждом рассказе о приключениях Шерлока Холмса его мыслительная работа демонстрируется как основной его подвиг».

Чуковский не сказал в этих записках главного, что таким Шерлока Холмса сделали переводчики произведений. А ими были Корней Чуковский, Николай Чуковский и Марина Чуковская.

В письме сыну Коле из Кисловодска от 31 января 1941 года Чуковский писал: «...я не хотел говорить тебе о Шерлоке Холмсе. Сейчас я считаю себя вправе сказать, что эта работа причинила мне много горя. Я составил было огромный список всяких ошибок и промахов, но не посылаю его тебе, чтобы не вступать с тобой в ненужную полемику... Редактура каждого Вашего перевода потребовала у меня втрое и вчетверо больше труда и времени, чем потребовалось Вам для того, чтобы сделать этот перевод. Есть страницы, над которыми я бился весь день. Я говорю это без всякой запальчивости, не сержусь и не жалею. Я просто констатирую факт. Посылаю тебе свои заметки по поводу перевода «Пятнистой банды». Их здесь всего 20, а на самом деле больше 200. Здесь я отмечаю только те случаи, где переводчик явно и наглядно не прав...»

Немного позднее, после возвращения из Кисловодска, Шолохов приехал в Москву и позвонил Чуковскому, пригласил его зайти в гостиницу. Из письма сыну Коле от 9 февраля 1941 года видно, что Чуковский не переставал восхищаться Шолоховым: «Мы несколько раз видались здесь с Шолоховым. Какой очаровательный и крепкий человек. Вчера (8 февраля 1941 г. - Н. Б.) он сказал мне: «Выпьем за то, чтобы Вы организовали свою жизнь так, как я организовал свою». Это действительно доброе пожелание, ибо он организовал жизнь свою мудро. Приехал с матерью своею, не видится ни с

кем из писателей, со мною водится отнюдь не по писательской линии».

В более поздних записях своих дневников Чуковский ещё не раз вспомнит Шолохова. Казалось бы, уж как был избалован Чуковский ещё с дореволюционных времен общением с известными и великими: Репин, Горький, Шаляпин, Кони, Блок, Маяковский, Куприн, Бунин, Луначарский, Пастернак... А запал в душу Шолохов.

Начало 1941 года, проведённое в Кисловодске, было насыщено довольно значимыми событиями в жизни М. А. Шолохова. Прошло всего лишь полгода после публикации четвёртой книги романа «Тихий Дон», над которым писатель работал пятнадцать лет. 14 января 1941 года в Москве собрались члены Комитета по Сталинским премиям. Это было их одиннадцатое, заключительное заседание. Возглавлял Комитет В. И. Немирович-Данченко, председателем секции литературы был избран А. Н. Толстой, членами секции были утверждены А. Фадеев, А. Довженко, А. Корнейчук, Н. Асеев, И. Луппол, Г. Александров, Я. Купала и др.

Из протокола заключительного пленарного заседания Комитета от 14 января 1941 г.:

«...В результате подытоживающего работу Комитета тайного голосования

На Сталинские премии выдвигаются:

По разделу литературы:

а) проза:

1. Шолохов Михаил Александрович, орденосец, Депутат Верховного Совета СССР («Тихий Дон», роман в четырех книгах (1940)).

2. Сергеев-Ценский Сергей Николаевич, орденосец («Севастопольская страда», эпопея в трех томах (1940)).

3. Лео Киачели /Шенгелая Леон Михайлович/
орденоносец («Гвади Бигва», повесть (1938))...»

15 марта 1941 года Совет Народных Комиссаров принял постановление о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и искусства. Сталинская премия I степени была присуждена писателю М. А. Шолохову за роман в четырёх книгах «Тихий Дон», которую писатель затем передал в фонд обороны страны.

31 января 1941 года Шолоховы покинули зимний Кисловодск и возвратились в Вёшенскую. До начала Великой Отечественной войны оставалось менее пяти месяцев.

*На снимках:
писатель М. А. Шолохов на балконе санатория
«Красные камни». 1941 г.*

Литературные портреты

1

Владимир Дятлов

Родился в городе Майкопе Краснодарского края в семье потомственного казака, заместителя командира кавалерийского полка Семёна Дятлова.

1929 – родители развелись, и мать с пятилетним сыном уезжает к сестре в Абхазию. Детство и юность прошли на берегу Черного моря в городе Гагра. Необъятная ширь и изменчивый облик водной стихии навсегда покорили будущего писателя.

1938 – на четырнадцатом году жизни стал работать в гагрском рейдовом порту матросом, грузчиком, и с полным правом на то причислял себя к портовикам: «Он знал в порту всех, все знали его, и это просто замечательно, когда вокруг тебя столько знакомых добрых людей» («Тропую жизни человеческой»). Школу не бросил, хотя ходил туда далеко не каждый день.

1942 – горький знаменательный год. В боях, при обороне Северного Кавказа, погиб отец – командир кавалерийско-

**НИКОЛАЙ
САХВАДЗЕ**

**Литературо-
ведение**

го полка. В начале лета Владимир закончил десять классов. Через три месяца призван в действующую армию и направлен под город Моздок, взятый немцами. Враг рвался к нефтяным районам Грозного и Баку. Моздокчане по сей день называют места боевых действий «долиной смерти».

1943 – в январе дивизия переброшена под Сталинград, где окружена группировка Паулюса. Знание и любовь к технике сделали Дятлова отличным артиллеристом. Освобождал Ельню. Смоленск и другие российские города уже в должности командира орудия. Дошёл до Орши. Контужен, дважды ранен. Награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны, медалью «За боевые заслуги».

1944 – направлен с фронта во 2-е Ленинградское артиллерийское училище.

1945 – в сентябре закончил учёбу, получил звание офицера, отбыл в Эстонию в состав знаменитой 8-й Гвардейской панфиловской дивизии. Во время службы в армии учился заочно в институте иностранных языков.

С 1950 по 1954 – проходил службу на Камчатке, откуда и уволился из армии в звании капитана.

Поначалу вернулся в город Гагра. Помыкавшись в поисках работы, оказался на Северном Кавказе, работал инженером-топографом, литературным сотрудником в газете «Советская Калмыкия». Тянул лямку ответственного секретаря и заведующего сельскохозяйственным отделом в районных газетах Ставрополья.

1963 – краевое отделение Союза писателей провело семинар молодых авторов. В работе трёхдневного семинара приняли участие Председатель правления Союза писателей РСФСР Леонид Соболев и группа московских литераторов. Высокую оценку получило творчество прозаиков В. Дятлова.

В. Колесникова, В. Белоусова, поэтов А. Екимцева, И. Романова, В. Бабиченко.

Никогда больше, ни на одном семинаре не будет открыто сразу столько подлинно ярких дарований.

1964 – в альманахе «Ставрополье» № 1 в рубрике «Слово участникам семинара молодых литераторов» напечатан рассказ «Гвардейский значок» – психологический этюд о взаимовыручке на фронте, о неразрывной связи с прошлым. Ранее в альманахе публиковалась приключенческая повесть «Тайна белой церкви». Но это всего лишь удачные пробы пера, ученические подступы к профессии.

По совету Игоря Романова переехал из Зеленокумска в Ставрополь. Поселившись в краевом центре, работал электромонтажником на заводе «Электроавтоматика», инженером ОТК, старшим инженером. Писал рассказы и повести; однако, инженерские хлопоты мешали этим занятиям. С удовольствием вернулся к рабочим профессиям: слесарь-ремонтник, бригадир электромонтажников.

Однажды я шел с ним через площадь Ленина к Дому Книги, – вдруг Дятлов приостановился и указал на электронные часы на крыше углового здания: «Знаешь, Коля, а ведь это я собирал и настраивал их». Мне понятна его пролетарская гордость, ведь и я предпочитал хвастаться не принятыми в печать рукописями, а тем, что могу собрать и разобрать газовую плиту десятикопеечной монетой.

1965 – публикация повести «Что человеку надо» во втором номере альманаха «Ставрополье».

Дятлов-журналист, который за пять лет работы в газетах края до тонкости изучил жизнь села, душу русского крестьянина, его говор, мысли и чаяния, помог Дятлову-писателю с поразительной глубиной и достоверностью отразить послевоенную

действительность. В дальнейшем повесть, переработанная и дополненная, обретет новое название «Если ты человек».

1969 – выход в свет этой повести отдельным изданием в краевом книжном издательстве. «Если ты человек» – первая книга В. Дятлова.

1970 – закончил повесть «Берег туманов». Игорь Романов, прочитав рукопись, не поленился сопроводить автора в краевое издательство. Там не только приняли рукопись, но и предложили должность редактора художественной литературы.

Приведу фрагмент воспоминаний писателя Василия Грязева, который работал в то время в издательстве: «Я прочитал повесть, и она захватила меня своей свежестью, романтикой первопроходца, наблюдательного и зоркого хозяина земли.

Не понимаю, почему рукопись имела столько противников – тогдашний краевой Союз писателей не рекомендовал её к изданию. Издательство настояло на своём, и повесть увидела свет. Читатель по достоинству оценил книгу, и она разошлась почти мгновенно».

1972 – тиражом 30 000 экземпляров публикуют повесть «Берег туманов» в очаровательном оформлении художника С. Каретко.

1973 – будучи отменным стилистом, мастерски владея сюжетом, Дятлов-редактор был излишне нетерпим к тем, кто, по его мнению, этими качествами не обладал. Вот отрывок из мемуаров Сергея Бойко в журнале «Южная звезда» № 2 (2002):

«В конце октября мне назначили редактором Владимира Семёновича Дятлова. Красивый мужчина! Хороший писатель. Но ко мне он был нетерпим.

Не знаю почему, но он со всей строгостью своей природы обрушился на мою рукопись. Стал долбить её со всех сторон! Я понимал, что он хочет довести

меня до того, чтобы я вспыхнул, забрал рукопись и убежал из редакции.

А я чувствовал, что не имею права убежать из литературы. Это моё поле боя, и я не имею права оставлять его. И когда Дятлов сказал что-то уж очень обидное, я спокойно ему ответил:

– Ну, раз вы так думаете, значит, и читатели так подумают. А мнение читателя мне дорого. Спасибо за науку. Я постараюсь всё исправить.

И всё!

И он замолчал. Ему нечего было говорить.

И тогда он стал работать со мной. Долго, упорно.

23 декабря 1973 года рукопись книги «Тайны древних страниц» была сдана в производство. В 1974 году книжка вышла».

1974 – принят в Союз писателей СССР. С этого времени переходит на профессиональную писательскую работу.

1975 – моё знакомство с Дятловым в посёлке Солнечнодольск. Дятлов являлся составителем книги очерков «Высокое напряжение» о строителях, монтажниках, эксплуатационниках Ставропольской ГРЭС. Надпись на книге «Берег туманов» уводит меня в тот далёкий день: «Коле, в память о начале нашего знакомства, с надеждой, что знакомство станет дружбой. В. Дятлов. 4 сентября 1975 г.» И мы действительно подружались... Уж слишком много точек соприкосновения было у нас: Моздок, Грузия, литература, маниакальная любовь к чтению.

1976 – выход в свет самого знаменитого романа В. Дятлова «Чистая сила» (Ставрополь).

1977 – во втором номере альманаха «Ставрополье» напечатана повесть «Поединок на хуторе Рогатом».

В студии, созданной при Союзе писателей края для оказания помощи молодым литераторам. Дят-

лов – руководитель секции прозы. Рекомендует меня для участия в зональном семинаре молодых писателей Центра и Юга России в Пензе.

1978 – роман «Чистая сила» перепечатало московское издательство «Современник» тиражом семьдесят пять тысяч экземпляров. Ставропольский драмтеатр предлагает автору написать пьесу на основе романа. Дятлов блестяще выполняет этот заказ, и пьеса «Чистая сила» долгие годы не сходит со сцены.

1980 – публикация сборника «Стенные острова»: «о людях села – механизаторах, животноводах, живущих на отдалённых хуторах, которые подобно островам разбросаны по бескрайним степям Ставрополья».

1982 – к 45-летию Ставропольской писательской организации выходит книга очерков «Творчество» – о тридцати пяти членах Союза писателей СССР. В материале «Целители» о Дятлове рассказывает Вадим Белоусов:

«Жизнь современного села для Владимира Дятлова не просто хорошо изученный и выигрышный в наше время материал, из которого можно выстроить рассказ, повесть, пьесу. Его любовь к земле и знание сельской жизни заставляют быть и суровым, и строгим, и гневным по отношению к тому, что мешает нормально жить современным земледельцам. Да и к ним самим писатель подходит с высокой нравственной меркой, не избегая острых углов, нерешённых проблем, различных пороков».

1984 – выход в свет нового романа «Зона риска» (Ставрополь). Дятлов в очередной раз подтверждает не только глубокое знание жизни села, но и уникальное писательское свойство: умение естественно и органично ввести в роман любого из многочисленных персонажей этого произведения.

1985 – в первом номере альманаха «Ставрополье» статья о творчестве В.С. Дятлова «Проблема и характер» принадлежит перу Татьяны Батуриной (член Союза писателей СССР с 1970 года; ныне живёт в Санкт-Петербурге).

«За Владимиром Дятловым. – пишет Батурина, – прочно укрепилась репутация писателя, отверженного к характерам цельным и нравственно крепким и ясным.

Положительные герои Дятлова жизненны, он их не выдумывает, а находит в самой жизни, структура их психики ему понятна и близка. Интересующий его характер писатель осмысливает диалектически, обнаруживая в нём не только сильные стороны, но и слабости, требующие преодоления. Эти слабости обычно являются как бы продолжением достоинств, герой их осознаёт и стремится побороть – в этом тоже проявляется его крупность и цельность».

1986 – альманах «Ставрополье» № 4 печатает главы из нового романа.

Дятлов, опираясь на факты своей биографии, решил создать историю современника. Этот роман должен был стать самым значительным произведением писателя-фронтовика. Он успел написать первую часть – о детстве и юности Виктора Степановича Логинова, о городе Гагра, о боях под Моздоком. Сохранились черновые наброски второй части.

Последний раз мы виделись в краевом Союзе писателей весной 1995 года. На московском издании «Чистой силы» остался прощальный автограф: «Пусть в твоём Солнечнодольске, жизнь твоя, Коля, будет всегда по-солнечному светлой. В. Дятлов. 28.4.95 г.»

Тяжёлая болезнь (рак правого лёгкого) уложила старого солдата в постель. Он не сдавался: начал курс голодания, пил барсучий жир.

«И в последние месяцы он не мог оставаться без дела, – вспоминает Василий Никанорович Грязев. – Он что-то переделывал в радиоприёмниках, доделывал, что-то изобретал. Увидев меня, каждый раз хвалился новым изобретением, новым усовершенствованием:

– А ну послушай, как работает приёмник!

Включал. Лилась прекрасная музыка – восхитительная чистота звука, прекрасный тембр».

Владимир Семёнович умер 24 июля 1996 года, не дожив трёх дней до своего 72-летия. Над могилой писателя-офицера прозвучал троекратный салют из автоматных очередей.

2005 – возобновилось издание альманаха под названием «Литературное Ставрополье». Первый номер открылся начальными главами романа В. Дятлова «Тропюю жизни человечей».

2010 – «Литературное Ставрополье» № 3 публикует следующие четыре главы неоконченного романа.

И слава Богу! Этот талантливый писатель-стилист, яркий и своеобразный, не должен быть предан забвению... Когда мне становится по жизни совсем уж неважно, я в качестве лекарства перечитываю его книги. И, знаете, – помогает.

2

Виктор Колесников

"Начало сознательной жизни связываю с дедом-самоучкой и его богатейшей по тем временам библиотекой... Читать начал рано, после четырёх лет. Научился сам, благодаря несложной хитрости деда: дочитав мне до середины «Зимовье на Студёной» Мамина-Сибиряка, он отложил книгу, и

сколько я его не упрашивал, дальше читать, отказывался. Тогда я заставил его научить меня читать. Букваря не было, учился сразу по книге. Дочитал рассказ самостоятельно». (Из автобиографии «О себе»).

С детства три всепоглощающие страсти владели Виктором: чтение, охота и небо над головой.

1954 – в шестнадцать лет курсант аэроклуба. Первый прыжок с парашютом, который мог стать последним, растеряйся или запаникуй курсант: «Кстати, он (парашют) не раскрылся, приземлялся я на запасном».

1955 – первый самостоятельный полет на стареньком «ПО-2» («Первая книга тоже о небе – «Взлетная полоса». Но это уже потом»).

Ни в одном материале о писателе не упоминалось до сих пор о поэтических опытах Колесникова. А начинал он со стихов. Чтобы подтвердить это, приведу цитату из письма Виктора ко мне: «В эпистолярном стиле я никогда силён не был, а когда получил первый гонорар за исписанный плохими стихами листок бумаги, сразу перестал писать письма. Усёк, что и писать надо – А-БЫ ВЫ-ГО-ДА».

Во второй половине 50-х, кроме профессии лётчика и инструктора-укладчика парашютов, освоил профессии автослесаря, бурового рабочего (этот период описан в повести «Лазорики»), слесаря-сантехника.

1960 – поступил на очное отделение Литературного института им. Горького. Творческий семинар вёл Владимир Германович Лидин, старейший русский прозаик, работающий в жанре рассказа. На одном из занятий дал Виктору своевременный совет:

– Ничего не выдумывайте – у вас нет этого дара. Но у вас есть более ценное для писателя ка-

чество. Вы умеете жить сразу в нескольких измерениях. Об этом и пишете.

Учился на одном курсе с Николаем Рубцовым и Вадимом Куропаткиным; был комсоргом курса. О Рубцове рассказывал с невольным профессиональным уважением и толикой зависти: «Установил для себя жёсткий режим: до десяти вечера в его комнате сплошное «О-рейда-райда!» После десяти – стрелок машинки».

1963 – в альманахе «Ставрополье» опубликована повесть «У меня есть крылья». Её широко обсуждают на краевом семинаре молодых писателей, дают высокую оценку, рекомендуют к изданию.

1964 – под названием «Взлётная полоса», с посвящением друзьям-авиаторам, повесть выходит в Ставропольском книжном издательстве тиражом пятнадцать тысяч экземпляров. В альманахе «Ставрополье» № 1 появляются дружеские шаржи Игоря Романова «Пишущие о себе». Привожу тот, что касается Виктора:

Проклятые гири раздумий

*Без лишних слов признаюсь вам, ребята, –
В литературе, чувствую, бобыль я...
Проклятый, знаете ли, недостаток
Никак не напи... не отращу вторые «крылья».*

*И вот топчусь в раздумье у Парнаса.
«Метод» в уме я взвесил массу.
Но не решу, как двигать вверх по лесенке:
Бегом или шажочком? В. Колесников.*

1965 – получил диплом об окончании Литературного института. Устроился редактором художественной и детской литературы в Ставропольское книжное издательство. Двадцать лет проработал

на этом месте, именуя себя «повивальной бабкой», а нас – «крестниками». Выпустил в свет первые книги более десятка молодых писателей, от Муссы Батчаева до Владимира Бутенко.

«Самый лютый враг художественной литературы – это трусливый редактор», – говорил он.

1966 – Ставропольское книжное издательство тиражом сорок тысяч экземпляров печатает рассказ «Поля, полные перепелов» с великолепными иллюстрациями Евгения Биценко. Шумный успех рассказа связан не только с явным ростом мастерства и таланта (а рост очевиден, если сравнивать «Поля, полные перепелов» со «Взлётной полосой»), но и с эстетическим кредо автора: «Я никогда не видел природу как нечто существующее отдельно от меня и никогда ею не любовался. Я жил и живу как её часть, на мой наивный взгляд – неотъемлемая».

Трижды на протяжении тридцати лет пытался я получить автограф на чудо-книгу. «Где ж ты раздобыл ее? – радовался Колесников. – У меня как раз нет ни одного экземпляра». Отыскав книгу в четвёртый раз, я отогнул скрепки, вытащил и оставил дома тетрадку с текстом. А когда он попытался опять объегорить меня, с ехидным недоумением спросил: «На кой ляд сдалась тебе обложка? Внутри, кроме титульных листов, ничего нет».

Убедившись в правоте моих слов, весело расхохотался, ибо любил нестандартные решения, и написал на обратной стороне обложки: «Коле Сахвадзе с давней и неизбывной симпатией».

1967 – наша самая первая встреча на семинаре молодых писателей края в Пятигорске, куда он прибыл как представитель издательства, а я как участник. Запомнился устный рассказ о его бабушке, которая в ответ на шалости и проделки,

выламывала хворостину и говорила: «Ну, Витя, нашивай лубок на жопу».

1968 – по итогам семинара выходит изумительный сборник молодых ставропольских поэтов «Первое свидание» (редактор В. Колесников, художник В. Додэ). Эта книга пронизана такой радостью жизни, таким светом и талантом, что я нередко достаю её с полки, чтобы вспомнить то состояние молодости, в котором все мы пребывали тогда.

В 70-х в Ставрополе публикуют несколько коллективных прозаических сборников: «Последний день августа», «Три лёгких удара в дверь». Подлинным украшением каждого из них становятся рассказы В. Колесникова. Их охотно печатают в альманахе «Ставрополье», в столичном еженедельнике «Литературная Россия».

1978 – на книжных прилавках края появляется книга «Одинокие птицы», посвященная светлой памяти Виктора Бабиченко – друга и поэта. В «Ставропольской правде» Георгий Шумаров печатает свои раздумья о ней: «У Виктора Колесникова, едва не ставшего в юности профессиональным звероводом, цепкий взгляд натуралиста... большинство его рассказов прописаны до акварельной чистоты и лёгкости».

Осенью Колесникова принимают в Союз писателей СССР. Событие с праздничным размахом отмечено в кафе на улице Пушкина в кругу ставропольских поэтов и прозаиков.

1980 – редколлегия альманаха «Ставрополье» запоздало, спустя два года, поздравляет в третьем номере со вступлением в Союз писателей СССР и предлагает читателям рассказ «Сосны под снегом».

Если бы мне довелось составлять антологию лучших рассказов XX века, то наряду с рассказами Юрия Казакова, Виктора Лихоносова, Сергея

Довлатова, – я бы обязательно напечатал в ней «Поля, полные перепелов» и «Сосны под снегом». Это шедевры русской новеллистики. И мне непонятно, почему автор не включил «Сосны под снегом» ни в одну из двух последующих книг А спросить теперь не у кого.

1982 – к 45-летию краевой писательской организации выпускают сборник «Творчество (очерки, воспоминания, штрихи к портрету)». Шесть очерков написаны Вадимом Белоусовым, среди них – «Кем же населён мир?» о Викторе Колесникове:

«Если ему подворачивается хотя бы один слушатель, он тут же начинает что-то рассказывать. Рассказчик он неутомимый и неистощимый. Его монологи могут длиться часами. Правда переплетается с вымыслом, анекдоты с подлинными жизненными историями.

Однажды мне довелось увидеть, как Виктор в кругу друзей читал только что законченный рассказ. Рукопись лежала перед ним на столе, но он ни разу не заглянул в неё. А рассказ был большой. И тут я понял, что его «байки» – это проверка, шлифовка ещё не написанного рассказа на слушателя».

1983 – выходит четвёртая книга «Лазорики». Она стала итоговой в жизни писателя. Ничего нового он больше не напишет и не издаст.

80-е – начало 90-х – самые тяжёлые для страны годы оказались для Колесникова наиболее беззаботными и благополучными в плане житейском. Он прожил их с Катей, женщиной его возраста или немного постарше, которую называл «мать». Полная, большегрудая, хозяйственная, она окружила сожителя небывалой заботой и вниманием. У него даже появился обширный respectable живот, и теперь их встречи с Александром Мосинцевым начинались с такого ритуала.

– Колесников – писатель выдающийся, – говорил, приближаясь, Мосинцев и округлым жестом показывал перед собой несуществующее пузо.

– Мосинцев – поэт блестящий, – не оставался в долгу Колесников и, серией поглаживаний по своей голове, изображал лысину друга.

Виктор и Катерина, подобно старосветским помещикам Товстогубам, прожили в заботе друг о друге около двенадцати лет, а потом Катя умерла, и всё вернулось на круги своя.

1998 – по итогам празднования 60-летия писательской организации появляется огромный том альманаха № 1 «Литературный Ставрополь». В нём под названием «Перед охотой – не бриться...» опубликован сокращённый вариант рассказа «Испорченная охота».

1999 – в серии «Библиотека писателей Ставрополья для школьников» выходят «Поля, полные перепелов». В книге три рассказа: кроме вынесенного в заголовок, – «Линда» и навязшая в зубах «Испорченная охота». Ну почему было не внести сюда классические по выразительности и лиризму «Сосны под снегом»?!

Последние годы занимал пост литературного консультанта краевой писательской организации. В будние дни сидел за письменным столом в приёмной Союза писателей и охотно привечал посетителей. Был здоров, весел, разговорчив.

Для меня остаётся глубокой тайной его непонятный, скорый и неожиданный уход 4 июня 2004 года...

Щедро одарённый от природы, он не смог полностью выполнить своего духовного предназначения, но филигранная тонкость его пера навсегда вырезала имя Виктора Сергеевича Колесникова на скрижалях ставропольской культуры, рядом с именами Бибика, Губина, Екимцева...

* * *

Кстати, как-то мы с ним обсуждали новую книгу Екимцева, и я процитировал строки Вильгельма Кюхельбекера:

*Тяжка судьба поэтов всех племён,
Тяжеле всех Господь казнит Россию.*

Колесников мгновенно, с обострившимся взглядом, поддержал тему:

– Верно, старик. Вот и Некрасов о том же, помнишь?

*Братья-писатели! В нашей судьбе
Что-то лежит роковое...*

3

Александр Мосинцев

*Я рождён в понизовом краю хуторов.
Где сады, будто слухи, темны и туманны,
Где у самой черты пустырей и дворов
Перепёлочный бой да густые бурьяны.*

*Азиатская вязь ивняковых плетней,
И в разводах акаций – белёные хаты.
Боже мой, боже мой, что я знаю о ней,
О земле, на которой родился когда-то?*

«В нашей крестьянской семье высоко ценили грамотность, умение читать и писать, понимать написанное. Правда, собственных книг в доме не имелось, кроме «Библии» и «Тараса Бульбы». Но всё же оказалось их достаточно, чтобы обучить меня навыкам чтения. К нему подстрекал дед Семён, сам большой книгочей и знаток Писания».

1945 – 1 сентября дед Семён торжественно отвёл внука в сельскую школу. «Примерно с четверто-

го класса начал баловаться стихами, хотя их, кроме близких товарищей, никому не показывал».

1952 – родители развелись, и мать, Анастасия Тихоновна, с четырнадцатилетним Сашей переехала в Пятигорск, который с тех пор он справедливо считает второй родиной.

1955 – закончил 11-ю мужскую школу в Пятигорске. Поступил в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) в горный техникум.

В молодёжной газете Северной Осетии состоялась первая публикация юношеских стихов. На каникулах зайдёт с тетрадкой в «Пятигорскую правду»: «Горячо благодарен П.В. Капиевой, по-матерински принявшей мои далеко не совершенные поэтические опыты». В то время Наталья Владимировна (член Союза писателей СССР с 1946 года) руководила литературным объединением на Кавминводах при «Пятигорской правде».

1958 – после окончания техникума работал горным мастером в Тырныаузе (Кабардино-Балкария), учеником столяра на машиностроительном заводе в Пятигорске.

1959 – уехал в Сибирь, в Красноярский край, где начал простым бурильщиком, позже стал главным мастером бурового и бульдозерного участков Сорского молибденового комбината в Хакасии.

В начале 60-х призван в армию. Служил в г. Грозном (Чечено-Ингушетия).

1966 – поступил на очное отделение Литературного института им. Горького, в семинар Н.Н. Сидоренко. Жил в общежитии; общался там с Борисом Примеровым, Юрием Кузнецовым, Николаем Рубцовым.

1972 – в краевом центре выходит первая книга стихов, рукопись которой автор озаглавил «Присуха».

«Однако... мои старшие товарищи название предложили изменить. Дескать, не стоит заострять внимание на стихотворении, посвященном гулящей замужней женщине. Это, мол, станет способствовать подрыву нравственных устоев подрастающего поколения. Разумеется, я возражал, но что стоил мой голос студента против признанных краевых авторитетов – поэтов и издателей тех лет? Сборник вышел под названием «Заречье.»»

Получил диплом, в коем решением Государственной экзаменационной комиссии присвоена квалификация литературного работника.

«Закончив учёбу, приехал по направлению Союза писателей в Ставрополь на должность ответсекретаря альманаха «Ставрополье».

1973 – издательство «Современник» в популярной серии «Первая книга в столице» выпускает сборник «Пора новолуния».

*Вникая в истины простые,
Мне понимать без ворожбы:
Судьба моя – в судьбе России,
А без России – нет судьбы.*

«Хочется отметить, – пишет во вступительном слове Евг. Осетров, – что автору часто удаётся сплавить лирическую стихию с гражданственными мотивами, героя – с невыдуманной действительностью. «Пора новолуния» – не проба пера, а настоящая книга стихов. Уверен, что она найдёт добрый отзвук в сердце читателя».

1974 – принят в члены Союза писателей СССР.

1975 – моё знакомство с поэтом, случившееся 23-го мая. Под стандартным пожеланием на книге «Пора новолуния»: «Николаю Сахвадзе на добрую память. С уважением А. Мосинцев», – стоит именно эта дата.

Наши встречи с ним были случайны и нерегулярны, и происходили либо на квартире общего друга В. Колесникова, либо в Союзе писателей, а последние годы – в Пятигорске, где, бывало, останавливался у него. Он умел легко и тонко проникать в суть прочитанного, поэтому я невероятно дорожил его мнением. А его искромётные выступления на писательских собраниях напоминали артистические этюды мастера.

1977 – в Ставропольском книжном издательстве выходит «Просторная осень». В её составе «Слободка», посвященная В. Колесникову, «На станции» – Вл. Гнеушеву... Сорок первоклассных стихотворений!

1978 – вернулся (теперь уже окончательно) в Пятигорск. Возглавил литературную студию «Молодость» при краевом телевидении. Студия объединила начинающих литераторов городов Кавказских Минеральных Вод.

1981 – «Современник» публикует новый сборник стихов «Арбузный мёд».

1982 – в книге «Творчество (очерки, воспоминания, штрихи к портрету)» о поэте рассказывает Вадим Белоусов. Он отмечает талант, мастерство, неизменный интерес к жизни предков. Заканчивает материал историей, которая характеризует Мосинцева как педагога, способного выявить у подопечных скрытые творческие возможности:

«В то время он руководил литературной группой при редакции газеты «Молодой ленинец». В числе участников этого объединения был Семён Ефимович Ванетик, инженер-конструктор, человек по возрасту уже зрелый, но по литературному стажу относящийся к «молодым поэтам». Он писал средние по художественному уровню лирические

стихи. Трудно сказать, что заставило Александра Мосинцева однажды заметить:

– Семён Ефимович, а почему бы вам не попробовать сделать литературную пародию?

Возможно, что-то в самих стихах навело на такую мысль, возможно выступления Ванетика при обсуждении творчества других членов группы позволяли разглядеть в нём дарование сатирика. Словом, совет был высказан и привёл Семёна Ефимовича в изумление: «Почему вдруг пародии?» Но, как человек основательный и весьма требовательный к себе, он решил попробовать. Результаты «проб» читатели неоднократно могли видеть не только в местной периодике, но и в журналах «Москва», «Крокодил», в еженедельнике «Литературная Россия» и других столичных изданиях. А в 1980 году в Ставрополе вышел первый сборник пародий и эпиграмм Семена Ванетика «Озорные линзы».

1984 – в краевом центре публикуется пятый по счёту поэтический сборник Мосинцева «Сентябрьское утро».

90-е – работает в газете «Кавказский край», где печатает публицистические статьи, посвященные процессам, происходящим в стране. Во всех материалах хорошо просматривается бойцовский характер автора.

«Россия всегда жила надеждами на будущее. И вот дождалась. В конце 80-х как от предвестия будущих потрясений, от взрыва на Чернобыльской АЭС содрогнулась вся планета. А потом за несколько лет талантливые архитекторы перестройки с успехом развалили мощнейшее государство и погребли под обломками все социальные завоевания граждан. Только преступники,

ненавидящие свой народ, могли реализовать кощунственную мысль о спешном создании класса богатых в ущерб нищенствующим, в число которых, в первую очередь, попали люди старшего поколения, ставшие пенсионерами. Появился слой новых властителей жизни».

1994 – вместе с Александром Иваненко, другом и соратником, принимает в редакции газеты «Кавказский край» А.И. Солженицына с супругой.

1996 – выходит сборник «У света на краю», а в книге А. Губина «Светское воспитание» – статья «Памяти Андрея Губина». В статье Мосинцев отмечает одолевающий ставропольских писателей «комплекс Сальери», по которому ремесленник недоволен присутствием гения и готов отравить последнего.

К слову сказать, от этого комплекса доставалось и самому Мосинцеву. Я был свидетелем того, как один поэт в Пятигорске обратился к Александру Фёдоровичу со словами: «Скажи, вождь...» А закончил беседу истерическим выкриком: «Что ты из себя мэтра корчишь? Ты такой же поэт, как и я! Ничем не отличаешься...»

А он отличался.

Он был живым воплощением искусства, сравнимым со стихией, и долгое время лишь грустно и милосердно улыбался в ответ на такие выпады. Но настал момент, когда его терпение кончилось:

*Вот так живем, свой круг избрав
Среди подонков и шалав.*

Будучи поэтом-мыслителем, Мосинцев в этом же стихотворении делает анализ истоков повседневной людской подлости, дисгармонии отношений, и приходит к выводу, что это результат грандиозной ломки общественного уклада:

*В стране, где в пору волком выть,
Сегодня балом правит выть и новое ворье.
Свобода вылилась в тщету
И развернула красоту –
Не отыскать основ.
Меж тем, в Кремле дудит в дуду,
Суля нам пышки на меду,
Орава паханов.
Наш мир, ослепший от забав,
Как в дни Иосифа кровав
И лжив, как в дни его.*

*Мы вместо вольности и прав
Хрен получили для приправ.
И больше ничего.*

Со смертью Мосинцева поэзия курортного региона станет на порядок ниже. Но не будем забегать вперёд...

2000 – в серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» выходит сборник «Присуха». Так поэт мечтал назвать когда-то самую первую книгу.

«Теперь, оглядываясь назад, думаю, напрасно я не проявил должной принципиальности. Дело-то в стихотворении касалось не гулящей женщины, а вообще женщины и любви к ней, а вместе с тем, я писал о привязанности к родной земле и природе, приверженности к обычаям, которые вошли в плоть и кровь моих земляков. Поэтому, поправляя ошибку молодости, я и назвал сборник, адресованный школьникам старшего возраста «Присуха». Уверен, что подрывает их нравственность вовсе не поэзия, в том числе и моя, а равнодушие государства к молодёжным проблемам, которое мы

наблюдаем сегодня. В сущности, реформаторы, стремясь в короткий срок обогатить кучку нуворишей, бросили молодёжь, как котят, на произвол судьбы: отбивается охота учиться, создаются материальные препоны для получения специальности и принявших воинскую присягу бросают в самое пекло межнациональных конфликтов против головорезов, получивших профессиональную подготовку в международных лагерях террористов. Такая политика устлана трупами».

В начале нового века Мосинцев становится председателем Независимой ассоциации писателей Кавминвод.

2003 – опубликован небольшой поэтический сборник «Переулоч Пятый».

Словно снег на голову

В пламени заката:

Улица Ермолова,

Переулоч Пятый.

Там, как ягода – ничья

На сугреве хвастала

Безоглядная твоя

Молодость лупастая.

2004 – становится лауреатом Губернаторской премии им. А.Т.Губина. На Всероссийском Лермонтовском празднике, посвященном 190-летию великого поэта, министр культуры Российской Федерации А.С. Соколов вручил Мосинцеву премию и знак лауреата Международного фонда М.Ю). Лермонтова.

2005 – альманах «Литературное Ставрополье» № 2 печатает статью Клары Штайн и Дениса Петренко «Провинциальные мотивы: штрихи к творческому портрету поэта Александра Мосинцева». В краевой прессе немало писалось о Мо-

синцеве и его стихах, но именно в этой работе вырисовывается образ глубокого вдохновенного певца (лирика и патриота), каким и был на деле Александр Федорович.

На семинаре писателей Москвы и Ставрополя получил юбилейную медаль Международного сообщества писательских союзов.

2009 – в издательстве МИЛ выходит последний поэтический сборник, подготовленный самим Мосинцевым – «Чаша цикуты». В нём стихи, написанные на рубеже тысячелетий: «Двадцатый век», «Недоумки хоронят царя...», «Двойник», «Сучата».

*А все ж в каком самозабвенье
Жульё толкует между тем
О всепрощенье, о терпенье,
О понимании проблем.
Они к величию креста
Нахрапом прут – напропалую,
Чтоб всё продать: и мать родную,
И воскрешённого Христа.*

2010 – 6 мая Мосинцев в бессознательном состоянии обнаружен на пороге своего увитого виноградом дома на улице Краснослободской. Никто не знает, сколько времени пролежал он на деревянных ступеньках, отполированных подошвами местных и иногородних литераторов.

7 мая членам Союза писателей края сообщили по телефону из Литературного центра о смерти Александра Фёдоровича.

8 мая его похоронили на новом Хорошеевском кладбище г. Пятигорска. Осталось обширное наследие замечательного мастера слова, которое ждёт, надеюсь, вдумчивых исследователей и честных издателей.

Александр Екимцев

Во время Великой Отечественной войны фронт проходил под окнами хаты, и события тех лет навсегда отпечатались в цепкой мальчишеской памяти.

*Запомнился мне беженцев поток.
Запомнил и картину я такую:
Слепой старик тащился на восток.
За девочку держась глухонемую.*

«Я и до сих пор слышу отдалённые гулы орудий, свист летящих бомб, вижу чёрные дымы над родным селом, «ковпаковцев» и «фёдоровцев», уходящих в глубь брянских лесов. Пережитое в годы войны не давало мне покоя. Хотелось рассказать ребятам об увиденном, об услышанном». – признаётся поэт в автобиографии.

После окончания средней школы служил в рядах Советской Армии на Дальнем Востоке – сначала в Приморском, затем Хабаровском краях.

1952 – опубликовал первые стихи в окружной военной газете «Суворовский натиск».

После демобилизации поступил в Московский институт культуры и окончил его, получив профессию библиотекаря.

1956 – первая публикация в центральной печати, в журнале «Крестьянка».

1957 – вступил в Коммунистическую партию. Решение стать коммунистом сформировалось после прошлогоднего XX съезда КПСС, на котором прозвучал знаменитый доклад Н.С. Хрущёва о культе личности Сталина.

1960 – переехал в Ставрополь-на-Кавказе.

1962 – в местном издательстве выходит первая книга поэта «Десять добрых тропок». Одновременно во Всесоюзном журнале «Мурзилка» печатается большая подборка стихов.

*Вырос куст над жёлтой кручей.
Царапучий-царапучий.
Царапучее, чем кошка.
Я его боюсь немножко.*

«Я и не знал тогда, что это определит мою дальнейшую судьбу как детского писателя». – с ребячьей непосредственностью кокетничает Екимцев в автобиографии.

1963 – участвует в краевом семинаре молодых писателей вместе с поэтом Виктором Бабиченко и прозаиком Владимиром Дятловым. Эта одержимая творчеством тройка ворвётся в литературу как августовский звездопад.

1964 – выход в Ставрополе новой красочной поэтической книжки-картинки «А мы реку встречали», адресованной малышам дошкольного возраста.

1965 – краевое издательство сотысячным тиражом публикует третью книгу поэта «Деревушка на сосне». Её дважды переиздаст издательство «Детская литература» в Москве (1967, 1972).

1967 – становится членом Союза писателей СССР. Создаёт книгу «взрослых» стихов «Светло в России от берёз» (одно название чего стоит).

*...И санный след, и след колёс
И в полночь разглядел бы я:
Светло в России от берёз,
Светло от снега белого.*

*От меловых заречных круч
И вишен цвета сильного.*

*От новых срубов.
Белых туч,
Плывущих над Россиюю.*

*И счастлив я, что здесь я рос,
И то мне сердце радует,
Что снежный свет
Родных берёз
На всю планету падает!*

Осенью в Пятигорске участвует в очередном семинаре молодых уже на правах руководителя. Там я впервые увидел его в автобусе, который вёз участников семинара в «Домик Лермонтова», и принял за экскурсовода, настолько глубоко, истово и правдиво говорил он о дуэли, о желчном нраве гения.

Познания в области искусства, дерзкие суждения, одухотворённое лицо завораживали окружающих. «Он был даже для беллетристов психологическим аккумулятором, вокруг которого всегда толпились люди, особенно молодежь» (В.Кожевников).

Обладал поразительным чутьём; мог дать совет, который изменял жизнь человека. Приведу пример. Сергей Бойко написал повесть о изобретателях керосина и первом в мире керосиновом заводе. Рукопись подвергли жесточайшей критике на всех инстанциях: характеры – ходульны, интрига – вялая, язык – беспомощный; автор занялся не своим делом. Бойко, который с детства не мыслил себя вне литературы, впал в прострацию, и тут Екимцев между делом сказал: «Знаешь, Серёжа, мне понравилось как описан сам процесс изготовления керосина. Почему бы тебе не заняться вместо беллетристики научно-популярными книгами? Мне кажется, у тебя получится». И ведь как в воду глядел! Сергей Павлович достиг в этом жанре небывалых успехов;

вершиной стала биография Шарля Перро, изданная в серии «ЖЗЛ». Такова цена своевременного совета от Александра Екимцева.

1970 – в апреле в Москве проходит III съезд писателей РСФСР. С высокой трибуны Агния Барто назвала Екимцева одним из лучших детских писателей страны. Это вызвало у поэта выброс творческой энергии: «Кроме стихов, я решил попробовать свои силы в более широких полотнах. Так появилась поэма «Брянский лес» о героическом подвиге партизан в Великой Отечественной войне».

*Посвист пуль. Веток хруст.
Штык. Кинжал. Винтовка.
Каждый пенёк и каждый куст
Бьют фашистов ловко!*

*Партизану из-за пня
Подорожник шепчет :
«К ране приложи меня –
Сразу станет легче!»*

*Шепчет Брянский лес героям:
«Отходите, я прикрою!
Я прикрою вас собою.
Каждой елью голубою».*

Краевым комитетом ВЛКСМ учреждена премия имени Александра Скокова, Героя Советского Союза. В 1970-ом лауреатом премии стал А.Е. Екимцев – «за создание высокохудожественных произведений, способствующих воспитанию детей в духе любви к родной земле, природе, труду».

1971 – окончил Высшие литературные курсы в Москве при Литинституте. В Ставрополе тиражом 250 000 экземпляров (четверть миллиона!) выходит жизнерадостный колдовской «Дедушка Туман». Сборник тут же переиздаст «Детская литература».

1972 – поэма «Брянский лес» отмечена премией Госкомиздата и Союза писателей СССР. «Лиризм военных стихов Екимцева основан на общечеловеческом масштабе чувства, на синтезе печали и света, скорби и жизнеутверждения. Всё, чего касается его художественная мысль, превращается в эстетический факт и обретает философскую глубину» (Т. Чёрная).

1975 – альманах «Ставрополье» № 1 открывается фрагментом из новой поэмы «Фронт над облаками». «Это поэма о том, как советские войска на 4-5-ти километровой высоте, проваливаясь в трещины и щели, замерзая на жгучем морозном ветру, оставили фашистские орды, рвавшие к бакинской нефти». – объясняет автор.

Уже тогда я отчётливо понял, что в детской поэзии о войне появился поэт, который занял в ней такое же положение, какое во взрослой занимал А.Т. Твардовский. Эпизод, когда советские солдаты перед ночным штурмом обещают друг другу не кричать, даже сорвавшись со скалы и уносясь в бездну, навстречу неминуемой гибели:

*Клянусь!
Если со скалы сорвусь –
В пропасть молча упаду,
Но отряд не подведу! –*

поражает былинным величием, первобытной человеческой мощью. «А ведь и правда ни один не вскрикнул, – с грустью и страданием восхищался Екимцев. – И это в последний миг жизни, когда так хочется исторгнуть в крике всю суть и силу своего исчезающего «Я». Но нет, ни один... Падали молча... Какой-то невероятный, осознанный и священный подвиг молчания».

1977 – при Ставропольской писательской организации начинает работу краевая литературная

студия, созданная для оказания помощи молодым литераторам. Секцией поэзии руководит Александр Екимцев, секцией прозы – Владимир Дятлов. Помните «августовский звездопад»? Правда, Виктор Бабиченко уже четыре года покоится в крымской земле. Он выпустил две жизнеутверждающие книги стихов, которые вошли в золотой фонд ставропольской поэзии («Здравствуй, земля!», «Подождите апреля»), поехал на лечение в санаторий и умер в Крыму от туберкулёза.

1982 – к 45-летию Ставропольской писательской организации выходит сборник «Творчество (очерки, воспоминания, штрихи к портрету)». Обзор поэтического пути А. Екимцева под названием «Своя тема» принадлежит Татьяне Чёрной. Гораздо более отточенный и углубленный анализ творчества поэта она делает в статье «Поколение», опубликованной в альманахе «Литературное Ставрополье» № 4, 2007. (Лёгкое недоумение вызывает нежелание Татьяны Карповны именовать поэму «Фронт НАД облаками» так, как нарёк её автор. Во всех известных мне работах Т. Чёрная предлагает собственный вариант: «Фронт ПОД облаками»),

1987 – в самом разгаре работа над поэмой «Города-герои». Одна из частей о крепости-герое Бресте («В самый первый день войны») уже опубликована. «Несмотря на лирическое начало в моём творчестве, – признаётся Екимцев, – военная тема все-таки берёт верх».

1988 – в конце года, к предстоящему 60-летию автора издадут сборник детских стихов, сказок, загадок «Шишки под осинкой».

1991 – тиражом в одну тысячу экземпляров печатается последняя прижизненная книга поэта «В последних числах декабря». Я не раз сталкивался с ним в издательстве: у меня выходил сборник «Его последний вечер».

– Что-то часто мы стали употреблять слово «последний», – загрустил Екимцев. – Как будто навсегда прощаемся с чем-то.

Обычно он был ироничен, смешлив, улыбчив, – и никто даже представить не мог тотального одиночества и какой-то жизненной бесприютности этого человека. А ведь иногда он прямым текстом жаловался на то, как тяжело бремя детского поэта: «Надо сначала добиться, а потом сохранять всю жизнь восприятие мира на уровне ребёнка среди мусора и мерзостей взрослой жизни».

*Я одинок, как острова Анжу,
В дорогу одиноко ухожу, –*

посылал он сигналы SOS, так и непринятые нами.

1992 – 15 апреля Александр Ефимович Екимцев скоропостижно умер. И сразу стал очевиден подлинный масштаб личности.

Утешая и беспокоясь о нас, он оставил строчки, полные мужества, отсутствия страха смерти и редкой лирической силы:

*Я пришёл при луне и уйду при луне,
Лишь тайком лозняки загрустят обо мне.*

*Да всплакнет на заре молодая трава,
Да молву невзначай опечалит молва.*

*Только я говорю вам: не надо грустить,
Рано, поздно ли – всем в далеко уходить.*

*Потому и прошу не грустить обо мне:
Я пришел при луне и уйду при луне.*

1993 – в ноябре имя поэта А.Е. Екимцева присвоено Ставропольской краевой детской библиотеке.

Свет Серафима Саровского

Преподобный Серафим Саровский – один из самых почитаемых русских святых – родился в Курске, а отпущенные ему годы провел в Тамбовской и Нижегородской губерниях, где оставил после себя знаменитые монастыри и всенародную память о своих молитвенных подвигах. Это означает, что в земной жизни он никогда не ступал на ставропольскую землю, однако здесь его хорошо помнят и даже показывают связанные с ним места, что и не удивительно. Стяжав великую Божию благодать, Святой Серафим сумел раздвинуть границы времени и пространства, заглянув в самые отдаленные уголки России и обогрев их своей безграничной христианской любовью.

Свидетелем этого еще при жизни Преподобного стал известный ставропольский просветитель Януарий Михайлович Неверов. Будучи директором Ставропольской мужской гимназии в 1850–1861 годах, Неверов показал себя ревнителем провинциального образования, подарившего России целую плеяду выдающихся писателей,

**РОМАН
НУТРИХИН**

Краеведение

ученых, государственных и общественных деятелей.

О неоченимом вкладе Януария Неверова в становление губернского просвещения и об успехе его главного детища – первой Ставропольской гимназии – написано и сказано уже так много, что нет смысла повторять здесь и без того известные факты. Хочется лишь исправить одну досадную ошибку, которая заключается в совершенно неправильной, на мой взгляд, оценке некоторыми авторами отношения этого великого педагога к православию. Пишущие о Неверове часто заостряют внимание на конфликте, случившемся у него в Ставрополе со Святителем Игнатием (Брянчаниновым), епископом Кавказским и Черноморским. У них действительно возникали некоторые разногласия, переходившие порой в открытую вражду. Неверов воспитывал своих учеников в свободолюбивом духе, что вызывало неудовольствие у епископа Игнатия, который присутствовал на выпускных экзаменах. Неверов выступал за открытие воскресных школ для рабочих, где самые бедные из них могли бы бесплатно обучаться грамоте в свободное от работы время. Святитель Игнатий, со своей стороны, был противником подобной меры, полагая, что она отвлечет народ от исполнения христианских обязанностей в воскресные дни. Занимая в этих вопросах диаметрально противоположные позиции, епископ и просветитель остро полемизировали друг с другом как в печати, так и в жизни. Все это дало основания некоторым исследователям объявить Неверова религиозным вольнодумцем, едва ли не атеистом. Конфликт со Святителем Игнатием возник у него на почве несходства их взглядов на образование. Но в самом ли деле Неверов был таким духовным нигили-

стом, как порой трактуют его образ современные биографы?

Ответ на этот вопрос мы находим в его воспоминаниях, опубликованных в 1880 году на страницах журнала «Русская старина», в которых Януарий Михайлович делится своими сокровенными мыслями о религии. С детства его смущали и виденные в разных монастырях неблагочестивые поступки отдельных насельников, и ограниченность сельского священника, который служил в дедовом имении и сильно принижал древние каноны веры своими недалекими толкованиями. Но все это не заслонило от тогда еще юного сердца будущего ставропольского просветителя самого главного – Света Евангельского Учения и великой благодати Церковных Таинств, которые маленький мальчик сумел постичь, благодаря счастливой встрече с Преподобным Серафимом в его саровском затворе.

«Саровской пустыни, – вспоминал потом Януарий Неверов, – я обязан моим религиозно-нравственным развитием..., первое проявление истинно-религиозного чувства оказалось у меня в Сарове, – и вот по какому случаю. В двадцатых годах текущего столетия – именно в эпоху моего детства и отрочества – еще жив был схимник Серафим, изображение коего и теперь можно видеть в Москве и повсюду в нашей лубочной литографии. Серафим не жил в самом монастыре, а в лесу, и там не только я, но едва ли кто из фешенебельных посетителей Сарова мог его видеть. И хотя в монастыре у него была своя келья, он приходил в нее только раз в неделю для приобщения Святых Тайн. В церкви я его никогда не видал, а приобщался он всегда у себя в келье, после ранней обедни, обыкновенно совершавшейся в больничной церкви монастыря. По окончании литургии совершав-

ший ее иеромонах торжественно, с чашею в руках, в сопровождении всего клира и всех молившихся в церкви, отправлялся в келью Серафима, который встречал Святые Дары, стоя на коленях на пороге своей кельи, – и по приобщении и уходе иеромонаха со Святыми Дарами раздавал благословения посетителям, из которых многие приносили ему в дар большие просфоры, церковное вино, свечи, масло и подобные предметы, что Серафим принимал с благодарностью. И просфоры тут же крошил в огромную деревянную чашку и, полив принесенным ему посетителями красным вином, угощал сам публику, из коей многие принимали это угощение с благоговением, в том числе и мать моя».

Мать Януария Михайловича была горячей поклонницей батюшки Серафима. В селе Дивеево, находившемся в десяти верстах от Сарова, у нее была усадьба, куда она приезжала вместе с сыном на все лето и потому могла часто бывать в монастыре у Преподобного. Туда же она возила своих родных и друзей. В одно из таких посещений вместе с матерью Саровской обители с маленьким Януарием и приключилась история, преобразившая, по его собственному признанию, весь строй его духовной жизни:

«Когда она познакомилась с новыми нашими соседями, Калмацкими, то, конечно, предложила им в ближайшее воскресенье ехать вместе с нами в Саровскую пустынь, что и было охотно принято. Приехав в субботу ко всенощной, мы узнали, что отец Серафим в монастыре и на другой день, по обыкновению, будет приобщаться после ранней обедни Святых Тайн. Мы отправились в церковь, а после обедни за процессией – к нему в келью. И когда он, приобщившись, начал предлагать публике свое обычное угощение – крошеными просфо-

рами в чашке с вином, которую и подносил сам ко рту присутствовавших, черпая из нее деревянной ложкою, – то новоприезжая молодая дама Засецкая была крайне удивлена этим оригинальным угощением. А когда Серафим подошел к ней и поднес к ее рту ложку с приготовленным им кушаньем, она никак не хотела его принять и отворачивалась от него. Добрый старец, вероятно, понял ее сопротивление так, что она затрудняется принять в рот весьма почтенных размеров ложку, и пренаивно сказал ей: «А ты пальчиком-то, матушка, пальчиком!» То есть ложку приставь только ко рту, а содержащееся в ней переложи в рот рукою. Но при этом совете молодая особа засмеялась, а вслед за нею начал и я громко хохотать, так что почтенный старец отошел от нее в недоумении, и она тотчас вышла из кельи. А так как мой хохот не унимался, несмотря на все старания матери прекратить его, то я выведен был ею также вон и получил сильный нагоняй за мое неприличное поведение. Меня оставили без чаю и без обеда, и матушка объявила мне, что она не простит меня до тех пор, пока я не получу прощения от отца Серафима, и меня послали к нему после обеда».

Возложенная строгой матерью неприятная нравственная повинность ничуть не воодушевила юного сорванца. Мог ли он предположить, что исполнение этого досадного долга обернется для него невероятными открытиями, которые озарят его жизненный путь светом неопишуемой радости? А, между тем, так оно и вышло...

«Конечно, – писал он, – я отправился только по настоящему требованию, а не по внутреннему призванию, – и под надзором матери, следившей за мною. Подойдя к двери кельи, я нашел ее запертою изнутри и, по обыкновению, громко произнес молитву: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй

нас!» – что, как известно, на монастырском языке равносильно просьбе войти. На что мне отвечали «аминь», то есть «войди», и отперли дверь. До того времени я видел эту келью не иначе, как наполненной народом, теснившимся принять благословение от Серафима, а потому заметил только передний ее угол, уставленный образами с горевшими перед ними лампадами. Под образами стол, на котором лежали свечи, а под столом просфоры, бутылки с церковным вином и деревянным маслом – и ничего более. Да, меня занимала, конечно, не келья и ее обстановка и даже не хозяин ее, а публика, теснившаяся около него. Но тут я был один пред старцем, и меня поразило странное зрелище: посредине кельи стоял гроб, и в гробу сидел почтенный старец Серафим, держа в руках книгу.

Он чрезвычайно приветливо обратился ко мне со словами: «Здравствуй, мой друг, здравствуй; что тебе надобно?» Я отвечал ему: «Матушка прислала меня просить прощения у вас в том, что я давеча смеялся над вами». – «Тебя матушка прислала, – ну, благодари от меня твою матушку, мой друг, благодари ее от меня, что она вступилась за старика. Я буду молиться за нее, – благодари ее!»

Слова эти сказаны были самым добродушным тоном, но с некоторым особым ударением на фразу «тебя матушка прислала», – так что я, сознавая внутренне свою виновность пред старцем, слышал в них как бы укор, – а потому, желая во что бы ни стало получить прощение, позволил себе сказать: «Нет, не матушка прислала, а я сам пришел».

«Ты сам пришел, мой друг, – ну, благодарю тебя, благодарю! Да будет над тобою благословение Божие!» При этом он позвал меня к себе и благословил, сказав: «Раскаяние и грех снимает. Ну, а тут не было греха. Христос с тобою, мой друг!»

При этом он спросил меня, читаю ли я Евангелие? Я, конечно, отвечал, нет, потому что в то время кто же читал его из мирян: это дело дьякона. Старец пригласил меня взять единственную в келье скамейку и сесть возле него, а сам, раскрыв бывшую у него в руках книгу, которая оказалась Евангелием, начал читать 7-ю главу от Матфея. Стих: «Не судите, да не судимы будете, юже меру мерите, возмерится и вам» – и читал далее всю главу. Он читал без всяких объяснений и даже не делал ни малейшего намека на мой проступок. Но, слушая его, я сам глубоко сознал мою виновность. И это чтение произвело на меня такое потрясающее впечатление, что слова евангельские врезались в мою память, и я, достав Евангелие, после несколько раз перечитывал эту главу от Матфея и долго помнил почти наизусть ее всю. Окончив чтение, Серафим снова благословил меня и, отпуская, советовал мне почаще читать Евангелие, что я принял к сердцу и начал делать с того времени».

Став выдающимся педагогом, Януарий Неверов, конечно, с особым интересом вспоминал эту непринужденную манеру общения святого с ребенком, эту поистине гениальную способность не порицанием, а лаской побудить к раскаянию в неблагоприятном поступке. То был урок высшей педагогики, преподанный учителем, о котором можно только мечтать.

Батюшка Серафим научил его вдумчиво читать Евангелие, что не делали в то время ни дворяне, ни простой народ. «Замечательно, – подчеркивал Неверов, – что у нас в доме... не было Евангелия. И вообще в том кругу, среди коего я провел мое детство, почиталось если не грехом, то профанацией святыни читать дома Евангелие. Для этого находили необходимым торжественную обстановку, так как и в

церкви Евангелие читалось священником или дьяконом во время богослужения, а не причетниками, и потому полагали, что оно не могло быть читано в семье. Даже в училище законоучитель, занимавший нас иногда... чтением житий святых, не только не объяснял, но и не читал нам Евангелия в классе. И только Устав гимназий и училищ 1833 года вменил в обязанность законоучителям объяснять учащимся в воскресенье перед обедней Евангелие. Но и это, как увидим после, долгое время оставалось без исполнения, и этому распоряжению не сочувствовали не только законоучители, но и архиереи. Так что я, будучи директором, должен был на себя принять эту обязанность. Вследствие всего этого я не мог тотчас начать то душеполезное чтение, но, живо помня совет почтенного старца, воспользовался им после».

Много лет спустя, когда Неверов стал директором Ставропольской гимназии, он с прискорбием обнаружил, что ее воспитанники толком не знают и не понимают Евангелия. Поэтому педагог, следуя наставлениям отца Серафима, взялся сам каждую неделю читать и объяснять гимназистам сию святую книгу, что, несомненно, оказало должное влияние на их духовно-нравственное становление. Это было долгим эхом той краткой беседы, которая состоялась у него в детстве с саровским батюшкой.

«При описанной мною сцене в келье Серафима, – отмечал Неверов, – мать моя не присутствовала. Она только издали наблюдала, вошел ли я в келью, и поджидала моего выхода на монастырском дворе. Увидев меня чрезвычайно взволнованным, когда я подошел к ней, она не тотчас поверила моему рассказу и все приписывала мое волнение нагоняю, который я, как ей казалось, должен был получить от старца. Но проявившееся с этой поры во

мне глубокое к нему уважение и стремление непременно быть у него всегда, когда мы приезжали в Саров, и его всегда необыкновенно ласковое со мною обхождение – вполне ее успокоили впоследствии.

Действительно, в первый же раз, когда мы после описанной сцены отправились к нему вслед за священником с Дарами, я протиснулся вперед к старцу, и меня занимала уже не толпа, как то было прежде, но именно сам Серафим и акт его причащения. По обыкновению, он стоял на коленях на пороге своей кельи, и сверх иеромонашеской мантии на нем была епитрахиль. Когда приблизился священник и передал ему чашу, он, благоговейно приняв ее в руки, начал громко читать известную причастную молитву: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живого, пришедший в мир грешных спасти, от них же первый есмь аз». При этом он преклонил голову до земли, держа чашу над головою. Затем, поднявшись, продолжал: «Еще верую, что сие есть самое пречистое тело Твое» и так далее. И все это с таким убеждением и с таким восторженным умилением, что и я невольно преклонил колена, и каждое слово этой молитвы глубоко впечатлелось в душе моей.

Когда после приобщения в числе прочих подошел и я к его благословенью, то он так приветливо обратился ко мне со своим обычным угощением – крошенных просфор в чашке с вином, – погладил меня по голове и дал целую просфору, что обратило на меня внимание всей толпы, так как это была необыкновенная с его стороны благосклонность».

Все это, по словам самого Неверова, запечатлелось в его сердце на всю жизнь и навсегда изменило его отношение к Церковным Таинствам: «С тех пор, – писал он, – я всякий раз, когда был в Сарове, старался как можно ближе становиться к Серафи-

му, чтобы не только слышать, как он произносит причастную молитву, но и любоваться его глубоко-вдохновенною наружностью и следить за каждым его движением, что все производило на меня потрясающее впечатление. Даже до сей поры, подходя к причастию и повторяя за священником слова причастной молитвы, я мысленно вижу пред собою величественный облик Серафима с чашею в руках. И, будучи впоследствии директором гимназии, я обращал особое внимание на то, чтоб приступающие к приобщению ученики отчетливо знали и понимали эту молитву. А в пятидесятых годах в Ставрополе, будучи недоволен преподаванием Закона Божия преимущественно в уездных училищах, я составил инструкцию законоучителям, в которой требовалось, чтобы эта молитва ежегодно была объясняема учащимся во время говенья. Инструкция эта была одобрена попечителем и духовным начальством и, пока я был директором, исполнялась в точности, но после, как я слышал, предана забвению».

Отсюда видно, сколь сильно ангельские назидания старца Серафима повлияли на мировоззрение Януария Неверова, а через него – на духовное воспитание учащихся Ставропольской мужской гимназии в то благословенное десятилетие, когда он был ее директором. Кто б мог подумать, что наставительные слова и действия Преподобного, произнесенные и совершенные в тихой келье посреди Саровской пустыни, оросят впоследствии младую ниву ставропольского образования, принесшую Отечеству столь добрый плод? Воистину, неисповедимы пути Господни...

Примечательно, что воспоминания Неверова о батюшке Серафиме были опубликованы более чем за двадцать лет до его канонизации, которая

произошла лишь в 1903 году, по личному настоянию императора Николая II. Конечно, народное почитание Преподобного началось гораздо раньше. Однако до этого времени святым по церковным канонам он, строго говоря, не считался – разве только «местночтимым» в самом Сарове. Тем удивительнее, что храмы в его честь стали появляться в Ставропольской губернии задолго до его официального прославления.

Этому немало способствовал некогда знаменитый на всю Россию ставропольский странник Василий, прозванный «Босоногим», который был ревностным почитателем памяти отца Серафима. Он родился в крестьянской семье Ткаченко, жившей в селе Надежда близ Ставрополя, и с детства страдал от язв, покрывавших все его тело. Но вопреки чаяниям врачей, Василий исцелился, благодаря горячим молитвам к небесным заступникам, и потому дал обет отправиться пешком к пещерам Киевской лавры.

Готовясь к этому походу, он пас сельский скот, трудился ямщиком на Недеждинской почтовой станции, а затем поступил в службу к купцам Меснянкиным. С их торговым обозом Василий босиком прошел от Ставрополя до Москвы. Почувствовав, что готов к паломничеству, он отправился в Киев, поклонился мощам в таинственных «печорах» и поступил в келейники к 108-летнему архимандриту Киевского Свято-Троицкого монастыря отцу Иоанну. Василий готовился стать монахом, но духовник судил иначе и благословил его на подвиг странничества.

Василий побывал у Гроба Господня в Иерусалиме, поклонился святыням обеих столиц, северных Соловков и полуденного Нового Афона. Всюду и в любую погоду он ходил босиком, в рваном рубище,

с непокрытой головой, смиренно опустив глаза, с Иисусовой молитвой на устах. Он приобрел широкую известность и, попав в Петербург, удостоился внимания Высочайших особ и членов царской фамилии.

В 1897 году Василий Босой вернулся в родное село Надежда, где объявил односельчанам, что будет строить здесь новый храм Знамени Пресвятой Богородицы с пределом во имя Преподобного Серафима Саровского. Когда в 1902 году состоялись торжества прославления батюшки Серафима в лике святых, странник Василий прибыл в Саров в числе других почетных гостей на императорском поезде. Он присутствовал при открытии мощей старца и пожертвовал в монастырь, к его раке, позлащенную серебряную лампаду на семь свечей. В 1910 году Василий выполнил свой последний обет: в Надежде был освящен новый храм необычайной красоты, построенный на собранные им пожертвования.

Еще раньше, в 1887 году церковь в память о Преподобном Серафиме Саровском была построена в Ставрополе на территории Иоанно-Мариинского женского монастыря. Быть может, потому, что была она меньше и неприметнее других монастырских храмов, или по каким-то иным, неведомым нам причинам, только это церковное здание не было разрушено после революции в ставропольской обители, закрытой и поруганной большевиками. Но «храм оставленный – все храм». Справедливость этого утверждения подтвердилась в вихре налетевших на страну испытаний.

В июне 1941 году грозные силы германского вермахта обрушились на русскую землю. С первого дня война обернулась суровым духовным испытанием. Предвоенные годы практически лишили народ его исконных основ, и Ставрополь не был

исключением. Его также коснулась пролетарская революция, гражданская война, ужасы сталинских репрессий. Град Креста, названный так еще в XVIII веке, утратил свое историческое имя и надолго стал Ворошиловском. Практически все ставропольские храмы были к тому времени закрыты. Колокольный звон не оглашал тишину городских улиц, а церковные праздники подавали лишний повод к усилению атеистической пропаганды. Однако война возродила забытые вечные ценности, и они, в свою очередь, помогли городу выстоять в ту страшную пору.

3-го августа 1942 года нацисты вошли в Ворошиловск и сразу расстреляли сотни ни в чем не повинных людей. Оставшиеся в городе раненые советские солдаты, чтобы не попасть в плен к немцам, вынуждены были где-то прятаться. Для укрытия они выбрали безлюдное место на северо-западной окраине города – в лесу с глубокими оврагами, недалеко от холодного родника в бывшем Иоанно-Мариинском монастыре, приспособленном новыми властями под детскую колонию. Тамешний чистый родник почитался в старину святым и целебным.

Как-то раз наших воинов, пробравшихся к источнику под покровом ночи, испугало сильное сияние, исходившее от внезапно появившегося старца. Будучи верующими людьми, солдаты без труда узнали в нем Серафима Саровского. Старец благословил их и предсказал, что война с немцами предстоит трудная, но победа все равно достанется православному воинству. После этого он исчез...

При жизни Серафим Саровский прославился непостижимым подвигом сосредоточенного стояния в лесу на огромном камне тысячу дней и тысячу ночей кряду. Появление именно этого святого летом 1942 года указало точный срок, в течение которого

нашему народу предстояло столь же нелегкое «молитвенное стояние» против вероломного врага. С момента взятия немцами Ворошиловска до Дня Победы оставалась как раз без малого тысяча дней!

Таким образом, своим чудесным появлением на ставропольском святом источнике батюшка Серафим предрек не только неминуемое торжество русского оружия, но – еще и время, оставшееся до Великой Победы. Весть о чуде быстро разнеслась среди православных, передававших это предание на протяжении многих лет из поколения в поколение. Бывший монастырский источник стал именоваться в народе Серафимовским, каковое название сохранил за собой и поныне. Сегодня на всеми любимом роднике стоит красавица-часовня во имя Святого Серафима Саровского, поются акафисты Преподобному, проводятся водосвятные молебны.

Все-таки не случайно батюшка Серафим любовал город Ставрополь, с которым его издавна связывало столь многое. В XIX столетии его поучения доходили до ставропольской молодежи через знавшего его педагога. В XXI веке под покровительством Преподобного возрождаются погранные безбожниками ставропольские святыни. Будем же верить в то, что Саровский Чудотворец надолго утвердился здесь, а потому и впредь не оставит град сей своим молитвенным заступничеством.

Преподобный отче Серафиме, моли Бога о нас!

Избранные или Преемство через века

Выставка «Свет Фресок Дионисия – миру» в Ставрополе стала одним из самых знаменательных событий уходящего 2016 года. Людей на ней побывало никак не меньше, чем полгорода: студенты и школьники, представители интеллигенции, науки и культуры, любители живописи. И, конечно же, верующие люди.

У слов подвиг и подвижничество один корень. Подвижничество, как понимаю, – это подвиг самоотверженности, совершаемый ради высокой цели, как бы растянутый во времени. В нашей расслабленной жизни и то, и другое встречается нечасто. Цель и её достижение очень редко перерастают в реальное, оставшееся в памяти людей на века дело. Но случается так, что сам образ жизни подвижника, словно свеча, от которой вспыхивают другие, как бы притягивает к себе соратников. Не потому ли понятие «подвиг» до сих пор не забыто на Руси, и жизнь, несмотря ни на что, дает нам новые примеры самоотречения.

ТАМАРА
ДРУЖИНИНА

Публицистика

Результат одного из них жители края могли видеть совсем недавно. Два года назад на уровне Президента форума «Золотой витязь» народного артиста РФ Николая Бурляева и директора музея Зои Белой состоялась договоренность о том, что в рамках VII Международного Славянского форума искусств «Золотой Витязь» к нам в край будет привезена фотовыставка «Свет фресок Дионисия – миру». Кто-то удивится – что в том особенного? Есть альбомы с иллюстрациями фресок, буклеты, каталоги, где тоже есть фотоиллюстрации.

Все так, да не так. Увы, по тем альбомам и буклетам судить о достоинствах духовной живописи Первохудожника НЕВОЗМОЖНО, если не сказать – вредно. Знаю это наверняка. Хорошо помню, как в студенчестве во время учебы в Ленинградском госуниверситете на курсе «История искусств» нам, будущим журналистам, показывали диапозитивы фресок Дионисия. В памяти остались только темные пятна почти неразличимых лиц и фигур. Специально искала альбом древнерусского искусства, чтобы сверить впечатления. Результат оказался тем же.

Стоит ли говорить о том, каким потрясением было увидеть выставку Дионисия в зале Ставропольского отделения Союза художников РФ. Уже при входе ты будто попадаешь в иной, озаренный небесным светом мир и погружался в золотисто-голубое, праздничное пространство... храма. Кто же совершил чудо, обнажив и высветлив живопись Дионисия? Немыслимой трудности миссию по фотосъемкам фресок Ферапонтова монастыря (в котором только и сохранились в целостности росписи уникального русского художника) в течение 12 лет исполнял московский фотохудожник Юрий Холдин. Выработав свою, так и оставшуюся уникальной тех-

нику съемок, он сумел создать материал, ставший настоящим фотооткрытием фресок. Делал это по душевной необходимости и исключительно за свои деньги. Иначе как подвижничеством этот труд не назовешь. Впервые за долгие годы россияне смогли прикоснуться к горнему миру Дионисия, воссозданному в своей первоначальной красоте.

«Вся система росписей храма у Дионисия превращается в одну огромную икону: от Христа Пантократора, глядящего на мир с купольной высоты, Дионисий развивает композицию четко и гармонично, как бы соединяя ЛЮБОВЬЮ мир небесный и земной. Естественный свет как бы обволакивает Пантократора (создателя мира) и создаёт ощущение, что Он находится одновременно за пределами сотворенного им мира и в то же время охватывает его», – так начала свою экскурсию по выставке «храму» хранительница наследия Ю. Холдина, искусствовед, президент НО Фонд «Фрески Руси», руководитель выставочных и издательских проектов фонда Екатерина Данилова (Холдина), которая со дня трагического ухода из жизни мужа в 2007 году продолжает его дело.

Встреча ценой в жизнь

Просто одетая, улыбчивая, с тихим голосом эта женщина, кажется, без всяких усилий овладевает вниманием аудитории. Наверное, только такая жена-друг и любимая была способна делить с мужем добровольно взятое на себя послушание. Она ведь не только терпела, но как дипломированный искусствовед консультировала Холдина по вопросам православных канонов в искусстве, а как верующий человек с духовным образованием и укрепляла мужа морально.

С Юрием Холдиным они встретились в 1992 году. Известный в Москве фотохудожник приехал на съемки в Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь, который в середине пятнадцатого века возник на Соловецких островах Белого моря, а в двадцатых годах прошлого века был превращен в первый в стране лагерь особого назначения. Девяностые годы в истории перестроечной России стали временем возвращения людям православной веры и храмов. На Соловках планировались крупные мероприятия по перенесению мощей святых соловецких чудотворцев, основателей монастыря; воздвижение Поклонного Креста. Забегая вперед, скажу, что именно тогда Холдину удалось сделать удивительный цикл, посвященный Соловецкой Голгофе. В снимках было зафиксировано пограничное состояние древнерусских памятников зодчества – от ГУЛАГа к воодушевлению возрожденной веры.

Тогда-то у Юрия Ивановича и появилась идея искусством фотографии рассказать об истории Руси на рубеже XX–XXI веков. Вместе с поэтом, публицистом, критиком, искусствоведом Юрием Кублановским Холдин совершал поездки по северным храмовым комплексам. Одним из них оказался Ферапонтов монастырь, затерявшийся в вологодских лесах, со всех сторон как бы укрывавших деревеньку Ферапонтово от посторонних глаз (ныне монастырь включен в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО).

В древнем храме 16 лет как шли реставрационные работы. Все было в лесах. Когда Юрий Иванович стал рассматривать настенные росписи – произошло потрясение. Между темными иллюстрациями, которые он (как и мы в юности) видел в альбомах, и, кажется, лучащимися светом фресками была дистанция огромного размера.

Именно в Ферапонтово произошла ставшая судьбоносной встреча двух близких по духу людей. Екатерину Данилову привел в храм свой интерес – она делала книгу о православии в искусстве, занималась исследованием его начал. Разговорились. Юрий Иванович стал расспрашивать Екатерину о Дионисии, его жизни. Поделится своим восторгом по поводу живописи вдруг открывшегося для него мастера. Она не только поделила радость Холдина, но и поделилась тем, что беспокоило её как исследователя и человека.

– Понимаете, начиная с 1911 года – времени открытия фресок Ферапонтова монастыря – а это около ста лет – не было предметного материала для изучения Дионисия. Средневекового художника никто «не видел», значит, и не мог оценить по достоинству. Имя его не было включено ни в один словарь по мировому искусству. В некоторых зарубежных путеводителях по искусству, в том числе в Оксфордском словаре "Искусство и художники" под редакцией Яна Чилверса, изданном в 2002-м, в год 500-летия знаменитых фресок, имя Дионисия вообще отсутствует... Нет такого художника в мировом табели о рангах, – делилась своим возмущением Екатерина Владимировна. Тогда-то Холдин и загорелся идеей переснять фрески так, чтобы максимально передать их красоту.

Помнится, когда услышала об этом, тут же задала Екатерине Владимировне вопрос, КАК он собирался это сделать, ведь коллеги много раз пытались – и безуспешно. Ответ последовал тут же:

– К работе в Ферапонтовом монастыре никогда не привлекались профессиональные художники, все снималось чуть ли не на бытовых «мыльницах». Дионисий оказался жертвой несовершенства фототехники и безответственных фотографов. Главное

в росписях – световоздушное пространство, тонкое перетекание одного цвета в другой, монохромная живопись. При бездумной съемке все это просто исчезает. В XX веке накопилось такое количество подделок под Дионисия, что они попросту уничтожили все достоинства оригинала.

– Но ведь фотография не единственно возможный способ передать в точности работу великого художника, – возразила я, – Можно сделать копию, и есть еще киносъемка, опять же фототехника все время совершенствуется...

– Копирование – совсем не тот метод, с помощью которого можно «оживить» Дионисия. Это всего лишь ремесленный повтор, он, скорее, свидетельствует о мышлении и взглядах копииста. То, что рисунок не попадает в колористику, даже не самое страшное. Дионисий в своих росписях создает у зрителя эффект парения и надмирности; в фресках же присутствует мягкое теплое свечение, чего ни одна копия не имела. Не зря в своей монографии «Фрески Ферапонтова монастыря» архивист, исследователь древнерусского и церковного искусства В. Георгиевский написал: «На уровне технологий XX века передать эти воздушные красочные эффекты не представляется возможным», а А. Овчинников – один из ведущих художников-реставраторов, копиист и исследователь памятников восточно-христианской живописи, признал: «Когда копируешь иконы древнерусских художников, понимаешь, что это невозможно». Что же касается «совершенств» новой фототехники, то уже в середине «нулевых» Юрию Ивановичу открылось, что работать даже на классной цифровой камере бесполезно: грубо нарушается цветопередача и искажается изображение. Дело в том, что в трехмерном пространстве храма есть не только высота и ширина, но такое измерение, как

глубина – сам купол, выступы и своды, на которых делается роспись. Это так называемое «евангельское пространство». При съемке, рассчитанной на плоскостное изображение, рисунок деформируется. Как-то из музея Рублева Юрию Ивановичу прислали листовку: «Оцифруем все». Он тут же вспомнил фильм «Матрица». Там была установка: «Переведем икону, человека, душу его в Матрицу и проблема сохранения всего, созданного человеческим гением, будет разрешена». Холдин был вне себя от возмущения, говорил, что это порочно. Как, скажем, порочно выдавать «оцифрованные» фрески Дионисия за высокое искусство. И видеосъемка здесь тоже бесильна. По словам Холдина, если бы в этом направлении существовала хоть какая-то перспектива, то сам первым бы взял в руки камеру.

С каждым днем Юрий Иванович все больше утверждался в мысли, что возвращение фресок Дионисия людям – та самая тема, на которую стоит потратить часть своей жизни (как выяснилось – последнюю). Наконец решение было принято.

Что же убедило успешного, известного не только в стране, но и за рубежом фотохудожника на взлете карьеры круто изменить свою жизнь, к сожалению, сам он уже объяснить не сможет. Но, по словам Екатерины Владимировны, муж буквально «заболел» Деонисием. Ему было интересно все, начиная от подробностей жизни иконописца до вопроса целостности замысла росписей и техники фресковой живописи.

Родственники по духу

К сожалению, как и о Феофане Греке, Андрее Рублеве, информация о жизни Дионисия весьма скудная. Однако тот, кто лишь попробует прикос-

нуться к ней, заметит общее, сроднившее двух, разделенных пятью веками творческих людей – средневекового иконника Дионисия и современного фотохудожника Юрия Холдина. Дионисий Мудрый (как его называли) родился около 1450 – умер около 1520 года. Художник принадлежал к сословию «боярских детей», занимал в обществе достаточно высокое положение; был человеком грамотным и глубоко верующим, известным иконописцем. Его жена Мария происходила из рода дьяка Елиазара Цыплетева, потомка княжеского рода белозерских вотчинников Монастыревых. Не последний среди коллег и наш современник фотохудожник Юрий Холдин. Издатель, член Союза кинематографистов России и Международного художественного фонда, член ИФРО, фотожурналист международного агентства American image press. В 1980-ые годы Холдин неоднократно получал международные награды за работы в области искусства ассоциативной фотографии, привлёк внимание широкой аудитории, работая над большими темами «Святые места России». Кроме того, он был создателем, генеральным директором, художественным руководителем и продюсером Издательско-Фотографического Центра «ИФА», основателем и президентом НО «Фонд Фрески Руси».

Все древнерусские художники были глубоко верующими людьми. Андрей Рублев, готовясь к работе, уходил в затвор. То же по отрывочным данным, случилось и с Дионисием. На двери Феррапонтова монастыря остался его автограф, относящийся приблизительно к 1500-1502 году. Есть данные, что роспись храма Деонисий с сыновьями сделали за 34 дня, но вот, где художник находился два года до того, как приступить к работе, никто не знает. Есть предположения, что, как его учитель

А. Рублев, Дионисий ушел в затвор, молитвенно готовился к миссии: искал «ключ» к решению замысла росписи храма, продумывал детали. А позже, поняв, что и как должен сделать, работал истово, так, что дважды серьезно занедужил, был исцелен аскетом Пафнутием и снова с головой ушел в работу. Некоторые исследователи предполагают, что незадолго до кончины Дионисий принял монашеский постриг.

У Холдина, который, по словам жены, остро чувствовал незримую связь с Дионисием, еще до начала работ появилась потребность вникнуть в православную суть сюжетов, проникнуться их духом. Прежде чем снимать фрески церкви Рождества Пресвятой Богородицы, он заново перечитал Евангелие и церковные предания. Взялся за фотоаппарат только когда разобрался в программе росписи, понял, почему один евангельский сюжет выписан так, а другой иначе. Выстраивал фотокомпозиции, как бы передавая целостный образ храма. Холдин был уверен, что именно в затворе Дионисию открылись художественные решения передачи смысла Слова на язык фресковой иконописи.

Как-то в одном интервью Юрию Ивановичу задали вопрос о «тайне» светоносной живописи (так определяют сейчас творчество Дионисия). В своем ответе он был немногословен. «Искусство – всегда таинство, – сказал он, – А таинство всегда непостижимо. Если вслушиваться, оно откроет вам некоторые секреты, но чувство тайны всё равно останется. Я не стремлюсь раскрыть тайну, я хочу её показать людям». Как-кому, а мне показалось, что о самом главном Холдин в том разговоре умолчал. Между тем, тайна есть. Это оптимистическая радость бытия Земного и Небесного, которую Холдин увидел у Дионисия и захотел открыть современникам, нам

с вами. Такой праздничности в росписях нет ни у одного из средневековых иконописцев. Похоже, и сам Холдин на протяжении труднейших подвижнических лет работы в Ферапонтовом монастыре подпитывался этим светом.

Сделаю короткое отступление. 1480 год... Этой датой знаменуется окончание эпохи монголо-татарского ига на Руси. О подробностях победы над врагом часто умалчивают, а ведь были не только кровавые сшибки, но и долгое стояние войск на разных берегах реки Угры. С одной стороны – Хан Большой орды Ахмат с другой – великий князь московский Иван III. По мнению большинства историков, именно это СТОЯНИЕ положило конец монголо-татарскому игу на севере и северо-востоке Руси, где шёл процесс становления ставшего независимым единого государства Российского. Для тех, кто наблюдал со стороны, как обе армии почти одновременно повернули вспять, не доведя дело до сражения, то событие показалось странным, мистическим.

Современники приписывали бескровную победу русских чудесному заступничеству Богородицы, спасшей землю от разорения. Не зря же реку Угру после этого стали называть «поясом Богородицы». Иван III с сыном и всем воинством вернулся в Москву, «и возрадовашася, и возвеселишася все людие радостию велию зело». Понятно, что в то пограничное для Руси время имело место ДУХОВНОЕ противостояние. «Неверные» ушли, почувствовав мощную силу духа русских. Кто дал им такую крепость? Может, «строители» народного духа – святые Сергий, Кирилл, Ферапонт?.. И рукой художника водило воодушевление глубокой веры в то, что Господь не даст врагу сломить православный народ. Отсюда солнечные и нежные, небесно-голубые краски росписи.

Чтобы передать цветовую гамму максимально точно, Холдин разработал свою систему съемок, чрезвычайно трудную, потребовавшую как полной физической отдачи, так и душевной. После того, как начал работать в Ферапонтовом монастыре, всерьез он так больше и не возвратился к светским темам – единоразовые заказы брал, только чтобы обеспечить семью и иметь средства для продолжения работы. Рассказывая об этом, припомнила строки из последнего сборника А. Вознесенского. «Чем больше мы от сердца отрываем, тем больше нам на сердце остается». Как мне кажется, по этому принципу все время работы над открытием фресок Дионисия людям жил современник по времени и подвижник по душе Юрий Холдин.

Пищу светом

Так с греческого языка переводится слово «фотография». В свой первый приезд в монастырь Юрий Холдин увидел, как при дневном освещении играют фрески. Это был невероятный световорот. Дизайнер по образованию, представляющий направление «духовной фотографии», Юрий Холдин первым понял, в чем крылась главная ошибка его коллег, пытавшихся «фотокопировать» фрески. При свете дня цвет «гуляет», малейшие изменения в освещении делают неузнаваемой всю цветовую гамму. Вот почему большинство фотографов работали ночью. Но искусственное освещение холодного спектра полностью уничтожило теплые золотистые тона, те самые, что при солнечном свете создавали эффект светоносности. Ночь уничтожила главное. А ведь, как «до», так и «после» Дионисия главной задачей древних мастеров иконописи было передать чудо Божественного света. Но

лишь Дионисий нашел приемы, которые позволили приблизиться к цели. Холдин же проявил и «очистил» их.

Понимая, что в одиночку поднять ДЕЛО невозможно, фотохудожник попытался вовлечь в свой проект партнеров, работников музеев, но те просто не понимали его и вежливо отказывались. Даже надежный друг и супруга Екатерина Данилова (Холдина) не сразу одобрила мужа. Она-то отдавала себе отчет в том, какого уровня сложности им предстоят и сколь высока мера ответственности. Но надо было торопиться. В ходе реставрационных работ с фресок смыли защитную пленку неизвестного состава, благодаря которой, несмотря на жуткие морозы и резкие перепады температуры, росписи сохранялись в течение полутысячи лет. Никто не знал, что будет дальше, не активизируется ли процесс разрушения. Во избежание неприятностей в храме ввели строгий температурный режим (группа туристов теперь может находиться внутри монастыря не более 15 минут в день), но и это не панацея. Спешить следовало и потому, что Холдин предвидел скорый конец эпохи пленочной фотографии, которой владел мастерски. По сравнению с цифровой она давала фотохудожнику гораздо больше возможностей для творчества. С каждым днем беднел рынок, где Холдин приобретал необходимые препараты, пленку, бумагу. По словам супруги, Юрий Иванович все острее осознавал, что не случайно оказался в храме. Видел в этом Божий промысел: если Господь привел его в Ферапонтов монастырь, значит, он, Холдин, просто обязан использовать все свои профессиональные наработки и навыки для открытия людям фресок Дионисия.

Послушание

Работа оказалась тяжелой. Площадь, которую Холдин взялся осваивать, огромная – 700 кв. метров росписи, 300 композиций. Почти все время – на высоте двадцатиметрового храма. Всегда, а особенно зимой, в монастыре холодно. Тем не менее в течение 12 лет на собственной машине Юрий Иванович приезжал в Ферапонтово, расположенное в 670 километрах от Москвы, и приступал к делу. Порой целый день уходил на то, чтобы выставить свет и в лучшем случае сделать пару кадров. Как говорят сейчас, ноу-хау состояло в том, что впервые в практике съемок храмовых росписей Холдин работал при дневном свете. Чтобы избежать изменчивости освещения практическим путем, установил, что лишь в полдень солнечного дня (богослужбное евхаристическое время) во всей полноте раскрывается эффект «светоносности». Световым «камертоном» стал полуденный спектр света. Установив его, Холдин следил за световой температурой так, чтобы пленка видела 5500 Кельвинов (градусы Кельвина – одна из семи признанных международных единиц температуры), а затем постоянно переводил фильтры из одной температуры в другую – что с технической точки зрения для мастеров фотографии является сложнейшей операцией. Устанавливал параметры, находясь на лесах, потом сходил вниз и снимал дистанционно.

Огромная заслуга Холдина состоит и в том, что он дал посетителям выставки возможность в подробностях увидеть купольные изображения. При немалой высоте храма глазом их не рассмотришь. Сканируя фрески буквально по сантиметрам, он «выпрямлял» богословские сюжеты и лики святых. Чтобы перевести снимки в слайды, разработал

свою, особую схему допечатной подготовки материала. Фотографировал в Ферапонтово, проявлял снимки в Москве, а затем привлекал к работе узких специалистов, способных «чувствовать» колористическую гармонию фресок Дионисия. Отсканировав снятое, снова отправлялся в Ферапонтово, но уже с колористической шкалой (в ней по составу красок описаны все цвета), чтобы протестировать фотографии на соответствие оригиналу.

Немало потрудиться пришлось и при переводе снимков на язык полиграфии. Долго искал и наконец остановился на фирме, которая выпускала высокотехнологичную бумагу; благодаря содержанию серебра она имела эффект свечения. Несмотря на дороговизну, только такую бумагу потом использовал. Стоит ли объяснять, что все это в комплексе – скрупулезнейший, тяжелый и дорогостоящий труд в течение долгих лет; выдержать подобную систему жизни мало кому удавалось.

Помнится, я спросила у супруги Юрия Ивановича, были ли у мужа обычные для человека минуты слабости, отчаяния и как удавалось их преодолеть. Моя собеседница только пожала плечами.

– Чем больше Юрий Иванович углублялся в работу, тем сильнее становилась «брань». Думаю, это естественно, он поднял такую тему, которая освещает человека, а это не нужно врагу Спасения, поэтому, конечно же, вмешивались «темные силы». Ферапонтово – заброшенная деревенька, где люди живут трудно, безденежно. Многие бы и уехали, да некуда. Среди них, конечно, есть чистые душой люди, но на виду были другие. Холдин оказался в окружении «личностей», далеких от понимания целей и задач добровольного «послушания» мужа. Со стороны работников храма-музея ему пришлось увидеть не только откровенное вымогательство,

но и грубый шантаж. Государственные организации отказались хотя бы как-то участвовать в поддержке начинания, поэтому Юрия Ивановича порой просто не пускали в храм, требуя разрешительных документов.

Каждый день приносил свои сложности, в первую очередь, связанные с финансами. Чтобы заработать деньги на съемки, Холдин постоянно курсировал между Москвой и Ферапонтово. Иногда в семье дело обстояло так, что приходилось выбирать, купить обновления для детей или потратить деньги на препараты. Слава Богу, как мудрая супруга Екатерина Владимировна понимала, что её задача как жены и соратника – обеспечить условия для выполнения дела, которому «служит» муж. Шутила: «Оно как наш третий ребенок». Лишь позже Холдину удалось выстроить продюсерскую систему, когда по отдельным договорам выполнялся определенный объем работ (в том числе, привлеченными лицами, например, рабочими, которые помогали монтировать леса). Когда шла печатная подготовка и, казалось бы, уже можно было расслабиться, он, будто второе дыхание взял. Несмотря на козни и происки недоброжелателей, по несколько раз делал фотопробы, описывал цвета и, не вмешиваясь ни в одну краску, выравнивал их по тону. Всё это – чтобы достичь высшего качества.

– Думаю, никто бы просто не стал со всем этим возиться. Почему у его предшественников уже на этапе съемок все разваливалось? Да потому что нужен был не просто фотограф, а художник, который одновременно мог контролировать весь процесс от съемки до типографии, – объясняла Екатерина Данилова (Холдина).

Неприязнь к упорной подвижнической работе чужака порой принимала крайние формы. Дошло

до того, что в местной вологодской газете "Красный Север" Холдина обозвали "диссидентом русской культуры", «помазав» чёрной краской альбом "Сквозь пелену пяти веков" – первое издание, в котором иллюстрации фресок Дионисия адекватны оригиналам росписи.

– Я не ошибаюсь, это была публикация, оплаченная конкурентами-«оцифровщиками»? – поинтересовалась тогда.

– Скорее всего, – ответила моя собеседница. – Ведь Холдин на деле показал, насколько честная работа фотохудожника отличается от скороспелых подделок. Это значит, кто-то уже не сможет делать на этом дорогостоящий бизнес. Юрий Иванович, конечно же, понимал, что грязная публикация в подконтрольной местной власти прессе могла пройти лишь с её одобрения. Сам по этому поводу горько шутил: «У нас в России вопрос отношений художника и власти всегда стоял очень остро». Мужу тогда на многое приходилось закрывать глаза, терпеть и прощать. Весь свой проект Юрий Иванович осуществлял фактически в одиночку. Впрочем, сейчас думаю, что ассистенты ему бы только мешали. Он погружался в дело настолько глубоко, что неделями запрещал звонить ему в Ферапонтово. Вхождение в художественное пространство – очень тонкий процесс...

Предположила: может, так и требовалось, чтобы Юрий Холдин как Избранный начал дело в одиночку и один его завершил.

– Возможно, – не стала спорить Екатерина Владимировна, – Ведь он каждую секунду знал, что и как надо делать. Сужу по собственной работе. Когда провожу экскурсию по выставке, всегда чувствую реакцию аудитории. Если ощущаю, что мои слушатели не входят в тонкие слои восприятия, понимаю,

что необходимо включать «запасные механизмы», подробнее объяснить те или иные моменты, привести пример или наоборот сократиться. Каждый раз необходима работа по «настройке души». Сегодня она осложняется тем, что людей с детства не приучают «душетрудиться». Любое большое дело дается непросто, через преодоления и внутренние усилия. Когда, работая с экскурсионной группой, рассказываю, что техника съемок фресок Ферапонтова монастыря неповторима, меня спрашивают, почему Юрий Холдин не оставил учеников. Обычно отвечаю вопросом на вопрос, а почему Дионисий их не оставил? Почему не оставил учеников отец колокольного литейщика Бориски из гениального фильма Тарковского «Андрей Рублев»?!. Наверное, в каждом случае ответ свой. Мне же кажется: чтобы стать настоящим мастером, человек должен быть готовым к ПОСТИЖЕНИЮ дела душевно, как и к тому, чтобы пройти путь высокого ученичества самостоятельно, наработать свой незаёмный опыт. Если есть цель и внутреннее горение, будущий Мастер преодолет все. Помните, как это сделал Бориска, роль которого так пронзительно сыграл Николай Бурляев?!

Свой путь, как мне кажется, проходил и Холдин. Про это кто-то из знакомых, побывавших на выставке фотофресок в Ставрополе, сказал: «Дионисию пришлось 500 лет ждать, чтобы появился человек, который его понял». Иными словами, преемственность, ученичество – это тоже чудо, именно оно заслуженный дар подвижнику. По словам Даниловой (Холдиной), когда европейские эксперты увидели фрески первохудожника на выставке «Свет фресок Дионисия – миру» в Храме Христа Спасителя в Москве, они были потрясены, высказались так: «Это ваш русский Леонардо да Винчи». О том же пишут

искусствоведы. «Сопоставление творческих, духовных поисков Дионисия и его предшественников позволяет говорить о фресках Ферапонтова монастыря не только как о вершине творчества художника, но и как о вершине развития русской религиозной жизни XIV-XV веков. Дионисий не просто гениальный живописец, а один из духовных наставников нашего народа, строителей народного духа».

Сама же Екатерина Владимировна объясняет: «Мы делали выставку не для церкви, а для музеев, но когда она экспонировалась в Москве в Церкви Христа Спасителя, был случай мироточения. И сейчас поднимается вопрос о канонизации Дионисия».

Подвижниками становятся?

В рассказе о двух подвижниках, которых через века связало стремление открыть людям красоту Божественного мира (а значит напомнить о Вере, Надежде и Любви) мне было очень важно понять, откуда же они берутся, подвижники? Но не зря говорят: самые сложные – это такие вот «детские» вопросы. Ответа на свой я так и не нашла. Подумала, а может, поставить вопрос иначе: не «откуда», а «почему» в жизни вдруг появляются могики духа? Замечено, что, словно засидевшийся на печи богатырь Илья Муромец, на Руси они появляются в самые тяжелые моменты, когда страна оказывается на грани раскола, разрушения или выживания. Обратимся к истории Руси. Известно, что такое явление, как христианское подвижничество, появилось в III–IV веках н.э. «Словарь русского языка» С.И. Ожегова предлагает свое истолкование: «Подвижник – человек, героически принявший на себя тяжелый труд и лишения, муки ради достижения высокой цели», а «подвижничество – самоотверженная деятельность, свойственная подвижнику». При таком подходе логично предположить, что

главным стимулом к подобной деятельности может служить не только идеал блага для всех, но и интересы конкретного народа, государства.

Взять отшельничество. Борьба со своей грешной телесной природой во имя Высшего прозрения издревле становилась для ушедших от мира сего каждодневным испытанием. Отказавшись от плотской жизни, комфорта, даже общения с близкими, отшельники уходили в скиты, сделав образом жизни пост, безмолвие, нищету и постоянную молитву. Не нуждаясь в известности, не афишируя свои подвиги, эти странные люди достойно несли бремя лишений, их духовные накопления проявлялись тогда, когда более всего «мир» в этом нуждался. Преподобный Авва Дорофей говорил, что люди по мере их приближения к единому центру духовной жизни – Богу – сами становятся ближе друг к другу и, напротив, по мере удаления от Него удаляются друг от друга». Разлад между людьми – не что иное, как следствие эгоистических стремлений, желания первенствовать, властвовать над другими, соперничать за обладание внешними атрибутами бытия.

Пример Божеского служения и тихого, но упорного противостояния татаро-монгольскому игу показал Святой Преподобный Сергей Радонежский. Его подвиг отшельника и чудотворца прежде всего ассоциируется с деятельностью во благо объединения народа и национального спокойствия. Он тем значительнее, что в XIV веке татары вели себя по отношению к православию неагрессивно, в чем-то даже покровительствовали церкви и священнослужителям: не обременяли данью, не забирали людей в рабство и не разоряли хозяйства. Церковный сан Преподобного позволял ему вести жизнь безопасную и по тем временам обеспеченную. Но Сергей

Радонежский предпочел свой, тяжелый путь. В лесной чаще практически в одиночку стал строить деревянную часовню. Не испрашивая для этого никаких разрешений. Это была СВОЯ свободная русская ЦЕРКОВЬ. Как противопоставление оккупировавшему тогда Русь врагу. Как место прибежища для ищущих и страждущих. Постепенно вокруг Сергия стала собираться братия, отстроив храм, они взялась за возведение монастыря. С годами, уже толпами, как к единственному причалу, спасаясь от непосильных налогов и разорения, сюда стекался простой люд. Многие по смерти приобрели повсеместное уважение. «Святые чествовались не местно, а всю Русью».

Смысл христианского подвига состоит для верующего человека не «в себе самом», а в действии во благо окружающих. Этот посыл становится втрое значимее, когда речь идет о защите Родины. Так случилось во время сопротивления тевтонским рыцарям, монголо-татарскому язычеству и Смуте в начале XVII века. Это была борьба не только за свободу и независимость Руси, но и за свое право на веру предков. Дух побеждал плоть, а значит и страх. Именно ДУХ укрепил Святого благоверного князя Александра Невского в борьбе против внешних и внутренних врагов. Прощая былые обиды, не заботясь о личной славе, «великую услугу оказал святой Руси ее защитник «непобедимый» (как называли его современники), князь Александр Ярославич. «Сам Бог рассудил вековой спор, оградил наше Отечество от козней латинян, указал предел распространения немецкого владычества, мощною рукою своего угодника... грозно предостерег не вторгаться в чужие пределы и не посягать на русскую святыню – православную веру».

Знает такие примеры и духовная история Кавказа. В первую очередь, она связана с именем епископа Ставропольского и Кавказского, святителя Игнатия Брянчанинова. Ревнитель аскетической традиции, выдающийся ученый, подвижник и миротворец, цивилизованному миру он известен как хранитель православных традиций и творец бессмертных произведений. Уже в годы учебы в Санкт-Петербурге Брянчанинов, отличавшийся начитанностью и самостоятельностью мышления, стал главой кружка почитателей "святости и чести». Отеческим вниманием к нему проникся сам Государь Император Николай I, который не раз беседовал с юношей. Его высоко ценил Митрополит Московский Филарет (Дроздов). Знакомства с архимандритом Игнатием искали Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А.А. Плещеев, князя Голицын и Горчаков, княгиня Орлова-Чесменская, герой Крымской войны флотоводец адмирал Нахимов. Известный писатель Н.С. Лесков посвятил Игнатию Брянчанинову свой рассказ "Инженеры бессребреники".

Но самой яркой подвижнической страницей в его жизни стало служение в Кавказской и Черноморской епархии. В Кафедральный город Ставрополь Преосвященный Игнатий прибыл 4 января 1858 года. Первыми словами, произнесенными Владыкой на ставропольской земле, были: "Мир граду сему". Таким приветствием он указывал на то, что на многострадальную кавказскую землю он прибыл как миротворец, желающий погасить пожар Кавказской войны. Именно при Епископе Игнатии Брянчанинове пережила период своего становления Ставропольская Духовная Семинария. Святитель Игнатий, как никто, понимал значение питомника духовного просвещения на Кавказе, и вкладывал в строительство школы все свои силы.

Недолго – менее четырех лет – Преосвященный Игнатий управлял Кавказской епархией, но это время совпало с поистине историческими событиями. В августе 1859 года был пленен имам Шамиль. В 1860 году Кавказская линия была разделена на Кубанскую и Терскую области. В 1861 году началось заселение закубанского края.

Сознательно не заостряю внимание на тех испытаниях, которые выпали на долю Миротворцу. Важно лишь то, что на примере этой жизни особенно остро понимаешь: Подвиг – не просто разовый героический поступок, на который можно решиться и от отчаянья. Истинный Подвиг означает движение развития сознания, а проявляется в высшей и самой яркой точке горения ДУХА, как это случилось с Героем Первой мировой войны, нашей землячкой Риммой Ивановой.

Дочь ставропольского чиновника Михаила Иванова, Римма после окончания Ольгинской гимназии работала учительницей в селе Петровском нынешнего Благодарненского района. В её планы продолжить обучение жестоко вмешалась война с Германией. Девушка закончила кратковременные медицинские курсы и сестрой милосердия отправилась в военный госпиталь. Она наотрез отказалась остаться при полковом лазарете, переодевшись в мужскую одежду, под именем солдата Ивана Иванова отправилась на передовые позиции. Ничего не боясь, бросалась на помощь раненым и вытаскивала их с поля боя.

В 1915 году в результате прорыва враг занял Брест, другие российские города. В кровавом бою, когда командиры и офицеры были убиты, и русские начали отступать, с криком: «Солдаты, за мной!» Римма ринулась вперед, за ней последовали остальные. Ворвавшись во вражеские окопы, русские

заняли позиции. Ликование от успеха омрачило единственное обстоятельство: на руках товарищей от смертельной раны умирала медсестра Римма Иванова. Её подвиг не был забыт. Посмертно наша землячка была удостоена Ордена Святого Георгия, учрежденного императрицей Екатериной Великой. Эту награду в России получили более десяти тысяч человек, но лишь однажды орденом Святого Георгия IV степени за боевые заслуги наградили женщину. Это была ставропольчанка Римма Иванова.

Смелую девушку называли русской Жанной д'Арк, о её подвиге рассказывали в газетах, сняли фильм, и в Ставрополе на Крепостной горе собирались воздвигнуть ей памятник. Помешала Октябрьская революция, смена политической власти и ценностей...

Слава Богу, сегодня эти ценности с трудом, но возвращаются к нам. Понемногу уходит историческое уныние. Страна совершает знаковые вещи, такие, как установка памятника святому равноапостольному князю Владимиру в Москве. Всю страну захватила идея «Бессмертного полка», которую Н. Михалков назвал Пасхой, Всепобеждающим Возрождением. А разве пример титанического труда Юрия Холдина не в этом же ряду?

Считается, что подвижником человек становится, если он выполняет все Заповеди Божьи. Не считаю нужным вести скрупулезный подсчет тому, скольким из них следовал наш современник. Его почти отшельническая жизнь, работа, которая постоянно вызывала на себя огонь «брани», – это ли не стремление к праведной жизни и подвигу во имя высших целей?!

Очень хочется верить, что подвижники-бессребренники, которые не щадя себя, ценой жизни утверждали и продолжают утверждать высо-

кие духовные ценности, будут и дальше укреплять нас как чистейший идеал Служения Богу и людям. И тогда в огромной богатой Москве, может быть, отыщется наконец место для постоянно действующей выставки фресок Ферапонтова монастыря, «очищенных» подвижником Юрием Холдиным. А в родном городе Риммы Ивановой, Ставрополе, появится достойный её подвига памятник. Что во всех городах страны будут отданы боевые почести забытым героям и подвижникам. Вот тогда-то русские люди, пусть понемногу, но начнут-таки возвращаться «к себе», к своей истории и ценностям. И еще – хочется напомнить, что нигде, ни в одной стране, ни на каком другом языке не существует аналога слову «подвижник». Не потому ли, что нигде больше, кроме как у нас, в России, подобное явление попросту не имело места быть. Не зря, видно, говорят, что все страны граничат друг с другом, а Россия с Богом. Россия – подножие Божье. Это ли не основание для гордости за ту землю, на которой мы родились и выросли?!

Вместе и всегда...

(Памяти Василия Звягинцева)

Над моим рабочим столом висит фотография. На ней мы с Василием Звягинцевым стоим на берегу моря и несколько настороженно смотрим в объектив. Как будто пытаемся увидеть – что же нас ждет впереди?

Снимок был сделан в сентябре 1987 года в Новомихайловке, что на Черном море, куда мы приехали на первый в истории Советского Союза конвент любителей фантастики. Почему-то руководители Краснодарского края очень не хотели, чтобы «это сборище» состоялось. Организатором пришлось даже телеграмму лично Горбачеву посылать с жалобой. Неизвестно, дошла ли она, но народ обожающий фантастику и съехавшийся чуть ли не со всего Союза все-таки получил возможность наконец-то встретиться и пообщаться.

Клубы любителей фантастики работали к тому времени во многих городах. Где-то власти относились к ним равнодушно, а где-то и «закручивали гайки». Руководитель ставропольского клуба «КЛЮФ» Евгений Викто-

**ИГОРЬ
ПИДОРЕНКО**

Мемуары

рович Панаско предложил нам с Василием съездить в Новомихайловку: «С ребятами познакомитесь, может быть, что-нибудь полезное получится». Мы и поехали. За свой счет, разумеется.

В Ставропольском книжном издательстве, где работали Панаско и я, готовился к выходу сборник фантастических произведений местных авторов «Десант из прошлого». До тех пор ни одна попытка региональных издательств выпустить что-то подобное не увенчалась успехом. Госкомиздат в Москве стоял насмерть: «Ни под каким видом провинциальные писатели-фантасты не будут издаваться!» Шут его знает, почему у них была такая позиция...

Тогда существовал общий порядок: рукописи, предназначенные для издания, обязательно должны были пройти через такую организацию – Госкомиздат. Мы, как положено, отправили.

В рецензии на наш сборник, присланной из Москвы, досталось всем авторам. Мне – за то, что, дескать, пишу про Африку, а реалий не знаю. Сочиняй, мол, про нашу деревню – и будет полный ажур.

О Василии было сказано: «В романе много описаний, иногда превосходных, но мало идей, даже гипотез. Идет разработка давно уже найденного другими авторами»

«...начинающему автору Е.Панаско надо пересмотреть свое отношение к литературе, и к социологии, и к философии. Может быть, на какое-то время, допустим на год-другой, вообще отложить перо и заняться самообразованием...»

Подпись под рецензией была отрезана, но мы этого идиота потом все равно вычислили и, когда я его при встрече напрямую спросил: «Почему?!», он сделал таинственное лицо и пробормотал: «Так надо было...»

Такие вот нелегкие первые шаги в литературе у нас были.

В конце концов, мы победили и сборник вышел. Но это все отдельная история и сейчас я не об этом.

Как уже понятно, среди авторов книги числились и мы со Звягинцевым. Я к тому времени немного прославился тем, что мой рассказ с подачи Аркадия Натановича Стругацкого вышел в московском сборнике, довольно часто печатался в газетах и альманахе «Ставрополье».

У Василия вся слава была еще впереди. Вообще-то писал он давно, но издаваться не пробовал. Дома у него лежала толстая стопка общих тетрадей, исписанных простой авторучкой. Я читал их и могу с полной ответственностью сказать, что и тогда в написанном чувствовалась рука Мастера. Но выпустить такое в советское время не решилось бы ни одно издательство. Там не было «антисоветчины». Но присутствовали свобода слова и мысли без всякой оглядки на цензуру.

Когда мы с Панаско начали составлять сборник и подбирать авторов, рукописи потекли рекой. Каждому хотелось напечататься и, соответственно, получить гонорар. Но мы поставили планку очень высоко и не хотели, чтобы в книге появился литературный мусор. А большинство рукописей именно этим и были.

Однажды Евгений Викторович поведал легенду о каком-то человеке, который пишет уже давно, но, по большей части, «в стол» и для друзей. Мы разыскали его, и велико же было наше удивление, когда в дверь кабинета постучал... милиционер! Да еще и с пистолетной кобурой на ремне. Дело в том, что Звягинцев в то время служил в политорганах милиции и в этот день как раз был на дежурстве. Вот и явился в форме.

Мы рассказали ему об идее сборника, он загорелся и пообещал что-нибудь принести. И действительно, спустя короткое время, принес рукопись повести, которая называлась «Одиссей покидает Итаку». Повесть нам очень понравилась, но была несколько великовата для сборника. Василий понятливо кивнул, пообещал сократить объем. Сократил, конечно. Но взамен дописал еще больше. В конце концов, его повесть, а вернее, первая часть будущей многотомной эпопеи, заняла половину «Десанта из прошлого».

Василий Дмитриевич потом в каких-то интервью утверждал, что написан «Одиссей...» был намного раньше, еще в тех общих тетрадах, но это не так. Он был прирожденным романистом, и желание писать много и постоянно было у него в крови. Мы с Панаско присутствовали при рождении совершенно нового романа и это факт.

Позже, в продолжениях, кое-что из его тетрадок перекечовало измененное и дополненное на страницы книг, но не в тот раз.

Василий очень не хотел писать рассказы, и только мои уговоры, что мол, несолидно это, надо и малой прозой побаловаться, подвигли его на создание нескольких рассказов, которые были потом напечатаны в альманахе «Ставрополье».

В Новомихайловку мы приехали: он – с тонкими тетрадками альманаха, а я с парой рукописей своих еще не изданных рассказов. Неизвестно, на что рассчитывали, но, оказалось – не напрасно. Конвент получился интересный, знакомств мы завели тучу. Смешная история однажды там случилась.

Времена стояли мрачные, у руля находился «минеральный секретарь», и борьба с алкоголем велась серьезная. А на турбазе, где проходил «Новокон» совершенно свободно торговал пивной ларек!

И вот, стоим мы с Василием, грустим за одинокими кружками пива (с финансами было трудновато), тут подходят какие-то парни, тоже, видимо, участники конвента и спрашивают: «Ребята, вы откуда?» «Из Ставрополя», – отвечаем мы. «Там у вас такой Пидоренко есть, он «Все вещи мира» написал (это мой рассказ, что в Москве опубликован был). «Ну, я это», – говорю. И в мгновение ока наш столик оказывается заставлен кружками пива и тарелками с шашлыком! «Ешьте, пейте ребята! Вы молодцы!» Такая вот слава.

Думаю, что немного позже, когда появились первые книги Василия Дмитриевича, в подобной ситуации они расстарались бы и коньяка достать...

Так нам понравилась осень на Черноморском побережье, что, когда закончился «Новокон», мы со Звягинцевым сняли комнатку у местной тетки и остались еще на несколько дней.

Там мы познакомились с Виталием Пищенко, который организовывал новое издательство, а потом стал создателем Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов. Но об этом чуть позже.

Виталий поинтересовался, нет ли у нас с собой рукописей своих произведений. Вот тут и пригодилось захваченное из Ставрополя. Некоторое время спустя огромным тиражом вышел сборник «Румбы фантастики», где были и наши рассказы.

В следующем году издательство выпустило, наконец, наш многострадальный сборник «Десант из прошлого», тираж которого разошелся, что называется «со свистом».

Василий Дмитриевич, воодушевленный успехом первой части «Одиссея» в сборнике, принес продолжение, которое уже тянуло на отдельную книгу. Нам с Панаско удалось поставить ее в план,

хотя в этом издательстве существовала в то время своеобразная внутренняя оппозиция, желавшая все подмять под себя. Эти люди боролись за власть самыми грязными методами. Например, о книге Звягинцева на редсовете говорили: «Как можно допускать к изданию новую книгу автора, если мы не знаем реакцию читателей на первую часть этого романа?!» Гневно так говорили, с пафосом. Фамилии этих злопыхателей даже не хочется называть, все равно они не оставили следа в истории ни литературы, ни издательского дела.

Книга, несмотря ни на что, все-таки вышла и успех имела. Ее даже Виктор Кустов переиздал двухтомником в Черкесске, а затем и в тогдашнем Ленинграде напечатали. Резонанс был таким, что Евгений Панаско выдвинул «Одиссея» на первую в российской истории премию по фантастике «Аэ-лита». И роман эту премию получил. А также еще несколько наших и международных.

Потом он был издан по частям в сборниках Все-союзного творческого объединения молодых писателей фантастов (ВТО МПФ), впоследствии много раз переиздавался в Москве.

Забавный штрих. Как-то по телевидению показывали американских солдат в Афганистане. Среди них были и русские парни – дети эмигрантов из СССР. И в руках одного из них я вдруг увидел томик... «Одиссея...», изданный в Москве!

Это был позже. А пока мы с Василием ездили на регулярно проходившие семинары ВТО в самые экзотические места (а вернее – в Дома творчества Союза писателей) – в Ялту, Пицунду, Ислочь, Тирасполь. И всегда встречали там друзей со всего Советского Союза. Делились новостями и творческими планами, обсуждали рукописи

Но Союз распался, а заодно и ВТО прекратило свое существование. Ведь оно было Всесоюзным! Нужно было как-то жить. Я почти не писал в то время, добывал копейки на прокорм, а Василий Дмитриевич вместе с Панаско организовал издательство. Тогда стало многое можно. Они благополучно «открыли» прославившегося потом Ника Перумова, выпустили еще несколько книг. Но потом что-то у них не срослось...

Звягинцев, насколько я знаю, писать не бросил, продолжая свой роман «Одиссей покидает Итаку». Однажды ему позвонили из московского издательства «ЭКМО» и предложили напечататься у них. Так стала появляться многотомная эпопея, от которой в свое время ответвилась родственная ей еще одна, под общим названием «Дырка для ордена». Слава наконец пришла к талантливому писателю.

Василий, помнится, хотя и получал гонорары довольно приличные по нашим временам, часто вздыхал о том, что вот если бы как «в ранние времена», когда у знаменитых писателей (например, у «красного графа» Алексея Толстого или «буревестника революции» Максима Горького) были особняки, виллы на Капри и так далее... Но, увы, сейчас это для «мастеров пера» стало просто невозможным.

Слава его росла, благодарные читатели даже сделали ему именной сайт в Интернете, где обсуждались новые тома эпопеи, задавались вопросы автору. Порой эти вопросы были попросту враждебными, ведь автор совершенно не скрывал своих политических взглядов. Но Василий Дмитриевич относился к таким нападкам спокойно. Он просто продолжал писать, выдавая сначала по одному роману в год, а потом и по двухтомнику. Издательство нарадоваться на него не могло, наградив даже золотым значком «ЭКМО». Как прибыльного и про-

дуктивного автора. Насколько мне известно, такие значки получили также Василий Головачев и Дарья Донцова.

Василий Дмитриевич был чрезвычайно эрудированным человеком. Память его хранила невероятное количество фактов и дат событий. Особенно по истории военно-морского флота, как российского, так и зарубежного. Сам он никогда на боевых кораблях не плавал, но вот было у него такое приращение почему-то.

Я много раз, вроде бы в шутку (а на самом деле совершенно серьезно!) говорил в компаниях, что, дескать, доведись мне попасть на телеигру «Кто хочет стать миллионером», и случись там затруднение с ответом, то за подсказкой «Звонок к другу» непременно обратился бы к Звягинцеву. И ведь он обязательно подсказал бы!

Справедливости ради, надо сказать, что и Василий иногда звонил мне с вопросом по поводу той или иной фразы, связанной с иностранными языками.

Многие из наших собратьев-писателей (я имею в виду – фантастов) иногда работали совместно и у них неплохо получалось. Сергей Лукьяненко и с Владимиром (Вохой) Васильевым одно из продолжений своего «Ночного дозора» сделал, и с Ником Перумовым какую-то фэнтези накропал, и с Юликом Буркиным «Остров Русь» придумал. Да кто только этим не занимался!

Попробовали и мы с Василием как-то. Сели у него на балконе и принялись сочинять. Но... ничего из этого не вышло. Слишком наши взгляды на жизнь разнились, наверное. Несколько страниц мы все же набросали. Там было что-то про садящийся космический корабль, про каких-то встречающих с мечами за спиной и т.д.

Но потом увлеклись дегустацией домашнего вина и на этом наше совместное творчество благополучно закончилось.

Позднее Звягинцев вместе с нашим киноведом Геннадием Хазановым написали киноповесть «Пока не смолкли трубы» и даже пробовали ее предложить различным режиссерам.

Этот же дуэт создал грустный роман «Paga Bellum», который вышел в издательстве «ЭКСМО» недавно.

Был еще один проект написания романа-буриме, где каждый из авторов создавал свою главу, а потом из этого должно было получиться что-то общее и, как мы надеялись, интересное. Человека четыре в этом участвовали. Но все шли своими путями, гнули свою линию и ничего достойного не вышло. Увы...

Интересные отношения у Василия Дмитриевича сложились с нашими знаменитыми фантастами братьями Стругацкими. То есть, – совершенно противоположные. Аркадий Натанович, душа-человек, когда к нему попала рукопись «Одиссея...» прочел ее с удовольствием и очень заинтересовался. Василий, будучи как-то в Москве, позвонил ему, напросился в гости и даже сфотографировал его. А на следующий день привез фотографии. Одна из них у меня тоже висит на стене. А.Н. тогда усмехался: «Вешайте, вешайте Стругацких...»

Но вот с Борисом Натановичем, который был несколько суховат и сдержан в своих симпатиях, отношения у Василия не получились. Б.Н. неоднократно «заваливал» роман ставропольского автора, когда его выдвигали на премию «Бронзовая улитка». Когда же Звягинцев при встрече напрямую спросил у маститого фантаста, откуда такая неприязнь, тот pokrивился и сказал: «Ну не нравитесь вы мне!» Причины, правда, объяснять не стал.

«Улитку...» Василий Дмитриевич потом все равно получил.

Что еще хорошего можно вспомнить? Ну, вот уже много лет краевая юношеская библиотека регулярно проводит фестиваль юных фантастов. Детишки со всего Ставрополья пишут рассказы и сказки, делают к ним иллюстрации, поделки из бумаги и пластилина. Потом собираются в краевом центре и получают награды за свои работы. И почти все эти годы мы с Василием Дмитриевичем, как единственные ставропольские фантасты, читали и оценивали эти творения, выставляли баллы.

А один из фестивалей, 20-й, юбилейный, даже был посвящен нашему творчеству. Правда, отдаться пришлось мне одному. Звягинцев как раз уехал в Москву, что-то там утрясать с издательством. А в своем обращении к участникам фестиваля написал: «Далеко не все из тех, кто участвовал в наших конкурсах, став взрослыми, сделали творчество своей профессией, но ведь это не главное. Главное совсем другое – человек, который с детства увлекался фантастикой, читал ее и пытался выражать свои мысли и чувства на ее языке никогда уже не станет лишенным души «потребителем».

Мне не удалось в этих заметках полностью рассказать о том, каким человеком был Василий Дмитриевич. Так, хорошие воспоминания. Да и никто бы не смог. Нужны, наверное, целые тома, серьезные исследования его творчества и жизни. И они будут, обязательно будут. Но сейчас мне очень горько оттого, что, подняв телефонную трубку, я уже никогда не услышу его чуть хриплый голос: «Салюд, компаньеро! Комо эстас?»...

Сведения об авторах

Абрамов Яков Васильевич (1858 – 1906). Выдающийся деятель отечественной культуры и общественной мысли. Основоположник издания серии книг «Жизнь замечательных людей» (1889 г.). Публицист. Писатель. Общественный деятель. Родился в Ставрополе. Окончил Кавказскую духовную семинарию. Учился в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии. Сотрудничал в журнале «Отечественные записки», возглавляемом Салтыковым-Щедриным. Широкою известность ему принесли статьи, рассказы и очерки, посвященные жизни простого народа. Последние шестнадцать лет прожил в родном городе, активно публикуясь в столичной периодике.

Блохин Николай Федорович. Родился в 1952 г. в селе Калужном на Ставрополье. Журналист, литературовед. Лауреат премии им. Б. Горбатова Союза журналистов Украины, Всероссийской журналистской «Пегас-2004». Исследователь жизни и творчества выдающихся соотечественников. Живет в Ставрополе.

Бойченко Юрий Васильевич. Родился в 1951 года в Западной Сибири, в селе Заречном. С 1979 года проживает в городе Ессентуки. Окончил Ставропольский политехнический институт и Российский государственный социальный университет. Подъесаул Терского казачьего войска. Роман «Сильнее страха» является его первым произведением. Живет в г. Ессентуки.

Бутенко Владимир Павлович. Родился в 1952 году в хуторе Дарьевка Ростовской области. Член Союза писателей СССР и России. Трижды лауреат литературной премии губернатора Ставропольского края, лауреат премии журнала «Наш современник» за 2011 г. Живет в Ставрополе.

Гнеушев Владимир Григорьевич (1927 – 2011). Выдающийся российский поэт, публицист, журналист. Родился в селе Кевсала Ставропольского края. Участник Великой Отечественной войны. Автор многочисленных книг, изданных в нашей стране и за ее пределами. Лауреат престижных государственных литературных премий. Член Союза писателей СССР и России.

Дмитриченко Валентина Гапуровна. Родилась в с.Лузинка Северо-Кавказской области. Окончила культпросветучилище. Сменила несколько профессий. Автор многих поэтических сборников, пользующихся неизменным интересом у читателей и коллег. Член Союза писателей России. Живет в Невинномысске.

Дружинина Тамара Дмитриевна. Родилась в поселке Березовском Саратовском области. Окончила Ленинградский госуниверситет. Преподавала, работала в различных СМИ. Кандидат филологических наук. Дважды лауреат краевой журналистской премии им. Г. Лопатина. Заслуженный работник культуры РФ. Живет в Ставрополе.

Маляров Владимир Константинович. Родился на хуторе Ивановском Саратовской области. Окончил Литературный инсти-

тут им. Горького. Сменил несколько профессий. Возглавлял краевую писательскую организацию. Автор многих прозаических книг. Лауреат премии губернатора Ставропольского края. Член Союза писателей СССР и России. Живет в Михайловске.

Маслов Анатолий Михайлович. Родился в 1950 году на хуторе Веселом Ставропольского края. Служил в армии. Окончил Ставропольский пединститут. Много лет учительствовал в сельской школе. Занимается крестьянским трудом. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живет в поселке Передовом.

Нутрихин Роман Владимирович. Родился в 1982 году на Ставрополье. Окончил Ставропольский госуниверситет. Кандидат юридических наук. Автор прозаических произведений и многих исследовательских работ по истории Кавказа и Ставрополья. Публиковался в коллективных сборниках и центральной периодике. Живет в Ставрополе

Игнатъев Олег Геннадьевич. Родился в 1949 году на Сахалине. Окончил Ставропольский медицинский институт и Высшие литературные курсы СП СССР. Поэт, прозаик. Лауреат литературной премии им. В. Пикуля. Автор многих поэтических сборников и исторических романов. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Пидоренко (Берег) Игорь Викторович. Родился в 1953 году в Ставрополе. Выпускник Пятигорского института иностранных языков. Работал журналистом, переводчиком, редактором книжного издательства. Известный писатель-фантаст и автор приключенческих произведений. Лауреат литературной премии им. А. Фадеева СП России и премии губернатора Ставропольского края им. А. Губина. Член Союза писателей России. Живет в Ставрополе.

Сахвадзе Николай Николаевич. Родился в 1950 году в Моздоке. Окончил Литературный институт им. Горького. Многие годы проработал на Ставропольской ГРЭС. Автор нескольких прозаических книг. Лауреат премии губернатора Ставропольского края. Живет в пос. Солнечнодольске.

Сургучев Илья Дмитриевич.(1881 – 1956). Выдающийся русский писатель, драматург, публицист. Родился в ставропольской купеческой семье. Первый рассказ опубликовал в 1906 году в «Журнале для всех». Большой успех и известность в стране принесли роман «Губернатор» и пьеса «Осенние скрипки», поставившие его в один ряд с классиками отечественной словесности. Нынешняя публикация впервые знакомит российских читателей с неизвестным наследием классика.

Яковлев Владимир Яковлевич. Родился в 1947 году на Ставрополье. Окончил Литературный институт им. Горького. Сменил множество профессий. Создатель телевизионных студий в краевом УВД, Ставропольском университете. Известный журналист, неоднократно посещавший «горячие военные точки». Член Союза писателей России. Живет в Ставрополе.